

[Polaris]

ЛЕВ НИКУЛИН

ТАЙНА СЕЙФА

Советская авантюрно – фантастическая проза
1920 – х гг.

Том XIV

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CXCVIII

Salamandra P.V.V.

**ЛЕВ
НИКУЛИН**

ТАЙНА СЕЙФА

**(ПРОДАВЦЫ
ТАЙН)**

Роман

Советская авантюрно-
фантастическая проза
1920-х гг.

Том XIV

Salamandra P.V.V.

Никулин Л. В.

Тайна сейфа (Продавцы тайн): Роман. Подг. текста. А. Шермана. – (Советская авантюрно-фантастическая проза 1920-х гг. Т. XIV). – Б. м.: Salamandra P.V.V., 2017. – 180 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. СХСVIII).

В новом выпуске серии «Polaris» – не переиздававшийся с 1920-х гг. роман известного советского писателя Л. Никулина (1891-1967) «Тайна сейфа», известный также как «Продавцы тайн». В этом фантастическо-приключенческом романе-мистификации история международного авантюриста и шпиона, слуги многих господ, сплетается с головокружительными поисками воскресшей древнеегипетской принцессы, политический памфлет – с сатирическим изображением нравов московской богемы времен НЭПа, включая кафе имажинистов «Стойло Пегаса» и мистические кружки.

**ТАЙНА
СЕЙФА**

Часть первая

АМИНТАЙОС

СЕЙФ 24-14

А однако же, при всем том, хотя, конечно, можно допустить и то, и другое, и третье, может даже... Ну, да и где ж не бывает несообразностей?

Н. В. Гоголь

Если глаза привыкли видеть завершенный круг горизонта, линию желтых песков, треугольные тени пирамид на песке пустыни, то первые две недели эти глаза с трудом привыкают к вычерченным по линейке улицам, к домам, облепленным вывесками контор и банков, к откровенно назойливым витринам мод.

Густав Корн, тридцатидвухлетний египтолог, автор труда «Барельефы с изображением богини Тауэрт» и «Сверхъестественные методы в египтологии», успокоился только тогда, когда вертящаяся дверь Коммерческого северозападного банка вытолкнула его к зеву большого лифта. Но даже и здесь, в кабине лифта, он не переставал судорожно прижимать к груди красный сафьяновый портфель, хотя, кроме дамы в трауре, никто не представлял опасности для сафьянового портфеля. Прищуриль глаза, сторонясь человеческого потока, он прошель по галерее и, как в тихую пристань, свернул в дверь, над которой в мраморе стены гнездились золотые буквы:

Отделение сейфов.

Глухая, сдавленная тишина, как за непроницаемыми переборками броненосца. Матовые круглые шары и рядом

газовые горелки (на случай, если перережут провод). Зеленовато-желтый смешанный свет над бюро и желтой лысиной старика в скромной, но внушительной форме. Под ковром ноги ощущали стальные плитки пола. Глаза упирались в ровные, серые, полированные стены, и только в одном месте, позади старика с лысиной, серая отполированная стена обнаруживала чуть заметный продолговатый прямоугольник, который казался дверью. По обе стороны двери на высоких табуретах сидели двое хорошо сложенных пожилых людей в позе, почти не обнаруживающей признаков жизни. Желтая, отражающая газовый рожок лысина откинулась кверху и под рядом горизонтальных морщин лба в сторону Корна повернулись тусклые глазки.

— Густав Корн.

— Знаю. Номер 24-14. Только вчера освободился. Размер подходит. Предупреждаю относительно хранения взрывчатых веществ. Безусловно воспрещено.

Затем человек за бюро перевернулся вокруг оси на круглом табурете, спрыгнул на пол и, звеня невидимыми ключами, присосался к двери. Дверь открывается с меланхолическим звоном, автоматически отскочив к стене. За ней решетка, которую отодвинули в сторону, и перед Густавом Корном открылись стальные катакомбы. То, что раньше показалось однообразным стенным узором из четырехугольников от пола до потолка, было стальными ящиками с почти незаметным отверстием замка и цифрой. Люди проходили узким коридором, отделенным от улицы стальными, залегающими над головой плитами, сдавленные спящими в стальных сотах сокровищами. Старик и сторож двигались неслышно в плоских резиновых туфлях, — сторож впереди, а старик позади Корна. Он медлил, перебирая ключи и, выбрав один с затейливой бородкой, постучал по ящику.

— Здесь вам будет удобно. Газовый рожок и лампа прямо над ящиком. Для непродолжительных занятий имеется особое помещение.

— Благодарю вас. Я бы не стал беспокоить, но необходимость... Чрезвычайно редкие экземпляры. Уникумы.

Замок щелкнул, и дверца открылась, обнаружив внутри ячейки стальной ящик. Старик отошел в сторону. Густав Корн осторожно открыл красный сафьяновый портфель.

Вокруг была тяжелая глухая тишина. От стальных стен пола и потолка шел холод.

Сначала Корн вынул одиннадцать разнообразных свертков в тонкой бумаге. Они падали один за другим в стальной ящик с металлическим звоном.

Он взглянул на список. Одиннадцать амулетов и бусин.

Затем шестьдесят два черепка, подобранных в Абидосе.

Затем восемь разнообразных по формату рукописей и пачка фотографий.

Все вместе было материалом к новому знаменитому труду Густава Корна «Предметы заупокойного культа архаического Египта».

Для этого Густав Корн пробыл два года и шесть месяцев в Египте и вывез, кроме перечисленных уников, перемежающуюся лихорадку и не поддающуюся лечению тропическую язву на левом локте.

Он закрыл внутренний ящик, затем захлопнул внешнюю дверцу и, уходя, с удовольствием взглянул на внушающую доверие гладкую стальную поверхность и выгравированный на металле номер: «24-14». Старик, увидев его, повернулся к бюро. В маленьком четырехугольном кожаном конверте он дал Корну бумаги, относящиеся к номеру 24-14, и ключ.

— Я приду завтра.

Старик шумно захлопнул крышку бюро.

— Завтра и послезавтра — праздник. Рождество.

— Тогда, чтобы не терять времени, я возьму собой бумаги.

— Если профессору угодно...

Корн вернулся и, несколько торопясь, открыл ящик.

Рукописи из стального ящика вернулись в красный сафьяновый портфель.

Некоторые полагают, что романтическая натура находится в прямом несоответствии с карьерой археолога и соискателя ученой степени. Во всяком случае, это мнение боль-

шинства, а так как на принципе приоритета большинства построен ряд человеческих отношений, мы наблюдаем медленное продвижение Густава Корна по пути к признанию и славе. Ему тридцать два года. Он сын рижского лесопромышленника, который затеял весьма крупную коммерческую операцию в июле 1914 года. Как известно, 18 июля 1914 года произошло некоторое событие, сильно помешавшее вывозу леса из России в Германию и превратившее рижского лесопромышленника Карла Корна сначала в банкрота, а спустя месяц в ссыльного в Ташкенте. Густав Корн, как принято в хороших немецких семьях, получал образование в Германии и, против обычая, не в академии коммерческих наук. Археологические изыскания Густава Корна были самым уязвимым местом его весьма положительного папаши, но надо же кому-нибудь заниматься археологией и, в конце концов, в будущем карьера ученого, академика и тайного советника ничуть не хуже карьеры коммерции советника и лесопромышленника. К настоящему горю Карла Корна, сын его в двадцать лет, если и тяготел к подземельям, то, главным образом, к таким, которые превращались усилиями способных предпринимателей в сухие и уютные винные погреба. Несколько суховатым мумиям он предпочитал достаточно округлые формы девиц без определенных занятий, и единственная клинопись, которой он занимался, были надписи, высекаемые им при помощи рапиры на лицах его коллег-корпорантов. Можно ли упрекнуть двадцатилетнего крепкого молодого человека, если он папирусам и манускриптам предпочитал занимательные тексты Гофмана, а трудам Всегерманского съезда египтологов предпочитал «Роман мумии» Теофиля Готье?

1914 год, принесший столько неприятностей, а впоследствии бывший причиной преждевременной кончины Карла Корна, осложнил до крайности жизнь его сына. Все последующие годы, вплоть до перемирия 1918 года, он употребил на различные способы уклонения от фронта, и это отнимало достаточное количество времени. Когда же Густав Корн был переведен на мирное положение, он с точностью установил отсутствие аккредитивов на его имя в

Северо-экспортном коммерческом банке и присутствие весьма незначительных кредитов вообще. Имея некоторые сведения в египтологии и не имея никакой другой профессии, он с унаследованной от отца энергией, располагая самыми скромными суммами, оставленными ему родителями, вернулся к египтологии. Известное количество времени он провел в Египте, что дало ему возможность опубликовать первый труд «Барельефы с изображением богини Таэрт», не отмеченный его коллегами. Однако его второй труд «Сверхъестественные методы в египтологии» вызвал хотя краткий, но довольно знаменательный отзыв академика и его знаменитого современника Генриха Ренера:

«За сорок пять лет моей работы я в первый раз встречаю подобное невежество и нелепое прожектерство у человека, посвятившего себя чистой науке».

НЕ ВОСЕМЬ, А ДЕВЯТЬ

Густав Корн жил в Берлине и жил плохо. Шведские коллеги присылали ему некоторую сумму, которая давала ему возможность есть мясо по воскресеньям, а остальные дни — овсяный кисель, маргарин, хлеб. Однако у Густава Корна был текущий счет в Коммерческом северозэкспортном банке, который три года назад показывал пять тысяч долларов. В настоящее время он показывает сто семьдесят один доллар, но зато Густав Корн обладает униками и восемью рукописями, всего тысяча сто тридцать страниц, касающихся заупокойного культа египтян. Густав Корн ест два раза в день — в девять часов утра и в девять вечера. Сравнительно длинная прогулка слегка возбудила его аппетит, но так как сейчас пять часов, то сравнительно молодой ученый должен отвлечь свое внимание от желудка или, вернее, отвлечь внимание желудка от овсянки, которая должна быть съедена в девять часов и не ранее. Египтолог открывает сафьяновый портфель, вынимает пачку рукописей и, приученный к аккуратности, пересчитывает их. Очевидно, голод действует на трудоспособность египтолога. Рукописей оказывается *не восемь, а девять*. Он пересчитывает их дважды, зажигает свет и старается сосредоточиться. Затем снова считает. Их девять. Между тем, ему слишком хорошо известна каждая тетрадь и каждая из тысячи ста тридцати страниц, написанных его четким и острым почерком. Он перебирает рукопись за рукописью и обнаруживает листы синеватой тонкой бумаги, исписанной незнакомым почерком и незнакомыми чернилами, какими никогда не писал Густав Корн. Это происшествие заставляет его оставить письменный стол и десять минут вспоминать единственное стихотворение, которому его научили в детстве. Когда мысль как будто отвлечена от странного обстоятельства и девятой незнакомой рукописи, он снова перебирает свои бумаги и опять видит те же листы просвечивающей бумаги, исписанной незнакомым почерком.

Это рукопись на французском языке. Как она попала в портфель египтолога? Как часовая стрелка, мысль переводится на час назад и восстанавливает все обстоятельства и события, случившиеся раньше. Густав Кори полагает, что рукопись *забыта* в сейфе его прежним владельцем и случайно оказалась между восемью рукописями ученого труда об Египте.

Доставить ее в банк поздно — пять часов, два дня рождения она останется у Густава Корна. Он обнаруживает некоторое любопытство и пробегает начальные строки. Первое впечатление — повесть или роман. Однако, в тексте он находит письмо, телеграмму и газетную вырезку. И все-таки он думает, что это роман и что прежний хозяин сейфа — писатель. Так как литературное произведение считается достоянием читателя и так как Корн слишком взволнован, чтобы заниматься заупокойным культом, он придвигает кресло к столу и довольно легко разбирает набрежнный почерк рукописи.

Человек с девятью фамилиями

1. Я в Варшаве. Отель «Бристоль», населенный иностранцами. Дюжина контрразведок различных посольств, не считая правительственной. Низкая валюта, но надежная полиция и тюремная стража. Европа третьего сорта. Я — швед Олаф Ганзен — финансовый инспектор султаната Сезам. Один уличный журнальчик поместил мой портрет. Однако, за мной следят.

2. Грубая слежка, с которой не совладаешь. Наемный кретин шаг в шаг по следам. Тихими короткими свистками передают с квартала на квартал. И все же я не уеду. Дело в пятидесяти тысячах долларов.

3. Раздражающая толпа. Офицеры отдают честь, как манекены, и подражают французам, которые держат

себя плантаторами в колонии. Вульгарный снобизм. Усы маршала, портреты президента. Через два дня моя игра.

Письмо, приколотое булавкой

Олафу Ганзену. Отель «Бристоль».
Краковское предместье.

Я не хочу называть Вас так, как написано на конверте. Двадцать четыре года назад я называла вас Генрих. Что бы вы ни делали с собой, и что бы ни говорили о вас — вы Генрих фон Валь. Я увидела ваш портрет в бульварном журнале. Чужое, лживое имя, но это ваши глаза и губы, это вы, как бы вы ни старели.

Я напоминаю вам «Зеленый егерь» Штрауса. Я напоминаю вам Пратер, паноптикумы, кафе и наше инкогнито. Я напоминаю вам полковницу фрау Ретль и золотые, расплывающиеся облака над Дунаем на мосту Франц-Фердинанда. Это последняя встреча. Теперь вы помните? Мы связаны, Генрих, сколько бы лет ни прошло над вашим высоким лбом и удивительно лживыми глазами. Мы связаны *смертью* одного человека и *жизнью* другого, и если вы не боитесь прошлого, вы еще увидите меня.

Почерком автора записок:

Без подписи. Письмо запечатано гербом (княжеская корона). Но сам герб неразборчив — сургуч расплылся.

4. Человек, который мне нужен, придет в кафе. Я имею основания ему доверять, и однако, перед тем, как увидеть его в назначенный час, я чувствую непривычное беспокойство. Между тем, он должен только передать мне

сигару, в которой уместается копия дислокации пограничных корпусов на южной границе. Без пяти три. Пора.

5. Шесть часов утра. Все, что происходило далее, нужно изложить возможно подробнее, потому что это документ.

БЕЛЫЙ ОРЕЛ

Я заказал себе кофе и ждал человека, который мне нужен. Мне показалось странным, что маленькое кафе в далеко не фешенебельной части города почти переполнено. Были свободны только два столика далеко от входа, в центре между другими столами. Еще меня поразило то обстоятельство, что мои обычные спутники не следовали за мной от дверей моего отеля до дверей кафе. Кроме того, я всегда заранее ощущаю опасность, потому что вижу сны. Обычно я сплю без снов, как бы проваливаюсь в бездну без воспоминаний и мыслей. В эту ночь я видел неопределенно-неприятные сны. И странно, что когда я сел за свободный столик вблизи камина, человек в спортивном костюме и шляпе с пером, одетый так, как здесь одеваются провинциалы-помещики, переменил стол и оказался впереди меня, как бы отрезав мне путь к двери. Я развернул газету и читал ее так, чтобы видеть впереди себя, и читал ее до тех пор, пока человек, которого я ждал, не вошел и не остановился перед моим столиком. Мы беседовали ровно столько, сколько требуется для того, чтобы собеседник предложил мне сигару. Я взял сигару, аккуратно подрезал кончик, словом, сделал все то, что полагается, чтобы отвлечь внимание следящих от этого предмета. Затем тот, которого я ждал, отодвинул стакан кофе, взглянул на часы и простился. Я видел, как он направился к выходу и вышел из кафе, не встретив никаких препятствий. Между тем, я играю роль экономного и расчетливого шведа, не выпуская сигары, лезу в карман за портсигаром, как бы отложив удовольствие. «Настоящий “Анри Клей”, выкурим после обеда». Человек в спортивном костюме указывает мне взглядом на газету, которая осталась лежать на соседнем стуле (он просит разрешения ее взять), приподымается, наклоняясь в сторону моего стола, хочет ее взять, и внезапно мою кисть как клещами охватывают его большой и указательный пальцы. Однако, я успеваю выронить сигару и щелч-

ком свободной руки отбрасываю ее в пылающий камин. Человек выпускает мою руку и делает движение к камину, но теперь я внезапным, как бы дружеским рукопожатием, напрягая все мои силы, удерживаю его. Все это происходит в несколько секунд и со стороны кажется, что двое знакомых, внезапно узнав друг друга, обмениваются коротким рукопожатием. Человек в спортивном костюме, тяжело дыша, садится против меня и происходит следующий диалог:

— Вы Олаф Ганзен?

— Да.

— Ромуальд Пирс?

— Да.

— Полковник Северо-Американской службы Роберт Айртон?

— Да.

— Ротмистр русской службы Рокотов?

— Да.

— Граф фон Цолерн?

— Да.

— Генрих фон Валь?

— Да.

— Джером Джемс Брайс?

— Да.

— Маркиз Пьетро да Коста?

— Да.

Непродолжительное молчание. Мой собеседник меняет-ся в лице. Внезапная ярость.

— Не знаю, что меня удерживает, чтобы разmozжить вам череп.

— То же, что меня удерживает от выстрела вам в живот.

Он ежится, опускает голову и бледнеет. Можно подумать, что сквозь мрамор стола ему видно мою руку с маленьким маузером. Наконец он овладевает собой и говорит спокойно и деловито:

— Во всяком случае, вам крышка. Вы вывернулись в деле с сигарой. Доказательств нет. Но этого не нужно. Если вы и выйдете отсюда, то с тем, чтобы больше никуда не входить.

— Очень возможно. Но что вы от этого выиграете? Как только вы позовете своих, вы перестанете существовать. У меня останется еще пара зарядов, чтобы оставить по себе память этим господам.

Мой собеседник сопит и смотрит на меня с некоторым любопытством.

— Однако, вы... Меня предупреждали, но я никак не ожидал. Даже жалко, что такой ловкий парень так плохо кончит.

— Представьте, то же я думаю о вас?..

Он молчит и меланхолично вздыхает.

— Однако, нам надо выйти из этого глупого положения. Я не возражаю.

— Послушайте, можно ли вам верить?..

— В некоторых случаях можно... — Я говорю это весьма убедительно.

— Что вам дает дело с дислокацией?

Я называю сумму.

— Мы вам дадим меньше, но вы останетесь в живых.

— Что за филантропия... Впрочем, — я повторяю его вопрос: — «можно ли вам верить?»

Он показывает мне кольцо, обращенное гербом внутрь.

— Клянусь...

Эмблема — на черной эмали одноглавый белый орел. Он целует орла, при этом у него вид паломника, лбызающего реликвию.

— Вы удовлетворены...

«Белый орел». Конспиративная лига. Террор и романтическая разведка.

Несколько тысяч тупых и убежденных убийц, рассеянных в пространстве. Что может быть хуже?

Однако я стараюсь сохранить спокойствие и слежу за его беспокойным, но ничего не выражающим лицом.

— Я брат второго круга. Мое слово обязывает.

— Зачем я вам нужен?

— Нам всегда нужны такие люди.

Несколько секунд я оттягиваю мой ответ, но трудно изобрести что-нибудь другое, кроме согласия.

— Хорошо. Идите впереди меня.

Он встает; я иду на два шага позади, стараясь спрятать в рукаве пальто дуло. Мы выходим из кафе. Никто не обращает на нас внимания. В десяти шагах за углом закрытый автомобиль. Шофер открывает дверцу. Мой спутник садится, я сажусь рядом и мы едем с быстротой, несколько превосходящей дозволенную правилами езды по городу.

КОНСПИРАЦИЯ ПЛЮС РОМАНТИКА

Если бы я был юношей, я бы представил себя героем романа Дюма. Вся полагающаяся в романах таинственность, весь сложный романтический ритуал выполнен в точности, с соблюдением подробностей. Поездка с завязанными глазами. Ночь, даже дождливая ночь с порывами ветра. Шум листьев в темноте. Молчание, мрак и двухчасовой автомобильный пробег. Надо сказать, что устарелую карету романов Дюма с успехом заменил крытый «Делоне Бельвиль». Однако по шороху шин я чувствовал, как мы меняли асфальт улиц на мелкие булыжники шоссе и, наконец, на гравий аллеи. Стоило мне пошевелиться, и я ясно чувствовал у правого виска неприятный холод стального дула. Надо сказать, что я давно уже утратил относительно выгодную позицию, которую я завоевал в кафе. Мои руки были туго спутаны проволокой и каждое движение сопровождалось весьма ощутительной болью. Описав дюжину петель и спиралей, автомобиль стал. Меня провели, поддерживая под руки, не менее ста шагов, затем я услышал голос: «Лестница». Тридцать одна ступенька, неприятная сырость и запах цветов. Как в оранжерее. Затем повязку сняли.

По-видимому, я находился в склепе. Над серым гранитом саркофага спускалось знамя — белый орел на черном поле. Гигантские лилии и хризантемы образовывали два цветочных холма по обе стороны могильной плиты. По ту сторону камня как бы занавес — черный бархат, серебряные орлы. Легкое колебание драпировок. По-видимому, там люди. Сухой, резкий голос:

— Сударь. Два месяца вы находитесь под ударом. Мы знаем и видим вас каждую секунду.

Молчание...

Человек, которому нечего терять, ответил:

— Сударь. Пользуюсь старым афоризмом: «Что делаешь — делай скорее».

— Мы позвали вас не для того, чтобы слушать богохульные шутки. Мы держим в руках вашу жизнь.

— По-видимому, она вам зачем-нибудь нужна, если вы утруждаете себя разговором со мной. Я знаю, с кем говорю, и вы знаете, с кем говорите. К делу.

За бархатной драпировкой молчали. Наконец, я услышал другой, низкий и более тихий голос.

— Слушайте. У нас есть сотни и тысячи людей, которые отдали нам свою жизнь и оружие. Однако, мы покупаем вас. Если вы выполните свой долг, мы примем меры к тому, чтобы вы остались безнаказанны. Вы трижды шпион и изменник. Это ваша профессия. Но если вы измените нам — вы погибли. Убийство такого человека — благое дело. Каждый из четырех тысяч братьев третьего круга сочтет за счастье покончить с вами. Вы будете повиноваться?

— Я думаю... Мне ничего не остается делать.

— Вы обладаете всеми данными для того, чтобы выполнить поручение. Вы смелы, наглы и находчивы — вам нечего терять. Если вам нужны деньги, вы их получите. Дальше. Когда вы уйдете отсюда, вы можете располагать собой, как вам угодно. Вы даже можете покинуть нашу страну и жить где вам угодно до той минуты, когда получите приказ. Мы найдем вас.

Пока он говорил, я привык к полумраку и еще раз внимательно осмотрел склеп. На саркофаге под серебряным распятием я прочитал имя человека, который убил президента — лидера либеральной партии,

—До той минуты, когда вы получите приказ... Приказ будет заключаться в следующем: ...

То, что я услышал, я запишу только тогда, когда буду считать себя в безопасности, и в том случае, если останусь в живых.

У «белого орла», как полагается, крепкие когти и клюв.

Второе письмо, приколотое булавкой

Отель «Бристоль». Олафу Ганзену.

Мой Генрих! Разве вы не устали?.. Вам больше сорока лет, я видела вас вчера в опере. Через месяц, Генрих, я буду свободна. Я сумею вам дать все, о чем вы мечтали в жизни, и то, о чем вы не мечтали. Я дам вам самое большое человеческое счастье. Вы должны ждать меня в Швейцарии в Монтре, в отеле «Шильон».

Письмо без подписи. Я разобрал герб. Княжеская корона. Герб князей Радомирских. Это не шутка. Я еду в Монтре. Там меня найдут. *Эта и те.*

Казимир Стржигоцкий

Теперь это мое имя. На доске, где отмечают гостей отеля «Шильон», оно написано на моей визитной карточке. Я не знаю, что мне делать вне сезона в этом пустынном курорте у голубого озера. Запах огромных пространств пресной воды льется в мое окно. От вынужденного безделья мной овладела мечтательность, склонность к воспоминаниям. Я буду писать мемуары.

КРАТКАЯ РОДОСЛОВНАЯ

Мне сорок шесть лет. Пятнадцать минут ежедневной работы для здоровья сохранили мне гибкость, физическую силу, зоркий глаз и превосходный слух. Если меня спросить о моем настоящем имени и мосте рождения, я с некоторым трудом могу припомнить свою мать — румынку из Бухареста, казненную в 1878 году за мужеубийство. Разумеется, жертва моей матери не была моим отцом хотя бы потому, что он женился на моей матери семидесяти шести лет от роду. Этот богатый бразилец плохо соображал, насколько в Бухаресте певица из варьете приспособлена к семейной жизни, и бедняга-бразилец платил звонкой монетой. Монета попала в руки моей мамаша, а бразилец, спустя три недели после несколько скоропостижной смерти, был извлечен из склепа ради праздного любопытства судебных властей Бухареста.

Вслед за тем моя мамаша и некий молодой врач (фамилия его отмечена уголовной хроникой того времени), после шестимесячного заключения, окончили жизнь насильственным образом, согласно законам конституционного королевства, в шесть часов утра во дворе тюрьмы, в присутствии иностранных корреспондентов и особо почетных гостей. Разумеется, и врач не был моим отцом. Разбираясь в моей родословной, я склоняюсь к тому мнению, что моим отцом, руководствуясь сопоставлением сроков и местопребыванием моей матери, мог быть:

Христофор Двали — грек, владелец кафе «Олимп» в Салониках.

Константин Мухин — штаб-ротмистр пограничной охраны на русско-румынской границе, или Гвидо-Гаэтано-Фацио Каландра — клерк итальянской экспортной конторы в Галаце. Из перечисленных трех особ я лично склоняюсь к признанию моим отцом более родовитого (насколько мне известно, дворянина) Константина Мухина — русского штаб-ротмистра.

Впрочем, особого значения это не имеет, так как ни одного из кандидатов в мои отцы я не видел. Что же касается матери, то ее эксцентрическая кончина произошла через год и три месяца после моего рождения.

Таким образом, покончив с моей подлинной генеалогией, я перехожу к моему менее скромному послужному списку и мифической галерее предков, которым я сделал честь своими разнообразными титулами и именами.

Правительство моего отечества не было склонно выпускать из своих рук хотя бы наследственные пошрины, отнесившиеся к капиталу бразильского гражданина Пабло да Коста, неудачно сочетавшегося браком с подданной румынского королевства. Поэтому в год и три месяца от роду я сделался наследником значительного состояния. Насколько мне известно, правительство Бразилии тоже не совсем равнодушно отнеслось к наследству Пабло да Коста и, легко обнаружив не вполне лояльное отношение покойного к мероприятиям в области правового порядка и собственности, конфисковало в пользу казны все, что Пабло да Коста имел неосторожность оставить в Бразилии. Мои же опекуны — родственники мамы — к моему совершеннолетию оставили мне сумму, которая хватила с излишком на оплату билета от Бухареста до Парижа, но с минимальными удобствами в пути. Буду краток. Великолепные чемоданы и фамилия да Коста дали мне возможность три недели прожить в хорошем отеле. Ко времени расплаты по счетам я переселился на другой берег Сены, где в одном небольшом кафе, благодаря своей заметной наружности, получил место в румынском оркестре. Хотя я не играл ни на одном инструменте, но занимал довольно выигрышное место на эстраде. Красный фрак музыканта подчеркивал мою счастливую наружность и превосходно развитую мускулатуру. Мне помогли женщины. В первые пять лет моей несложной деятельности я изучил четыре языка и растратил до полумиллиона франков, которые принадлежали преимущественно женщинам. Особенно благотворное влияние на меня оказала жена русского фабриканта Наяда Сучкова. Ей было немного больше тридцати восьми лет, она полу-

чила хорошее воспитание и образование и даже издавала в России декадентский журнал. По ее просьбе я тщательно проштудировал «Портрет Дориана Грея», и это дало мне возможность приобрести репутацию светского эстета, великолепно владеющего диалогом. Дважды я приезжал в Россию, где, к сожалению, недостаточно глубоко использовал представившиеся возможности. В те времена я не обращал должного внимания на мистицизм, спиритизм и науки четвертого измерения. Такая эрудиция при моей счастливой внешности дала бы мне возможность приблизиться к придворным сферам. Пока же мне пришлось довольствоваться успехом в литературно-купеческих салонах и жить в пределах тех тридцати тысяч рублей в год, которыми меня субсидировала мадам Сучкова. Однако, я имел будущее. Муж мадам Сучковой неуклонно шел к белой горячке и, действительно, к концу второго года эпопеи с Наядой Сучковой умер, проглотив на пари золотую спичечницу. К сожалению, я был молод и был жестоко введен в заблуждение. Мадам Наяда Сучкова, как оказывается, не вполне урегулировала вопросы, касающиеся завещания, и была ограничена суммой в шестнадцать тысяч в год. Мы расстались с некоторыми неприятными реалистическими подробностями, о которых не стоит вспоминать. В то время я носил скромный титул графа Пьетро да Коста.

СЛУЧАЙ С КОПТСКОЙ ГРАММАТИКОЙ

Русские — занимательный народ. У меня до сих пор в памяти некоторые своеобразные чудачки, которых я встречал по четвергам в особняке мадам Сучковой на Новинском бульваре. Это был очень приятный дом — поместь английского коттеджа и русского купеческого особняка с концертным залом и экзотическими гостиными, которые могли вместить больше двухсот человек. Впрочем, на четвергах у моей покровительницы бывало не более двух-трех десятков людей, из которых каждый представлял собой интересный объект, по крайней мере, для наблюдений психиатра. Один декадент, все занятие которого заключалось в составлении эротических стихов, употреблял в пищу преимущественно певчих птиц. Другой был мистик и отделал свой дом наподобие средневековой монастырской капеллы, причем его любовницы с большой точностью копировали костюмы персонажей Гольбейна. Третий культивировал кактусы. Все они предпочитали искусственный красный электрический свет солнечному освещению, употребляли косметические средства и пропагандировали противоестественную любовь. В этом приюте чудаков и психопатов я однажды встретил человека, который, не обменявшись со мной приветствиями, спросил меня:

— Знаете ли вы язык коптов?

Так как в этом доме не удивлялись, то, оставив свой бокал, я сказал:

— Я знаю не менее двадцати четырех европейских и азиатских наречий... Некоторые из них не связаны с какой-либо национальностью, а с промыслом, и имеют различные названия... Возможно, мой неизвестный друг, что я знаю язык коптов.

Мой собеседник был человек средних лет. Он был лыс, и голова его напоминала мягкий восковой шар, которым долго играли дети. Нос, губы и уши были капризом природы.

Он был одет в смокинг, жилет с золотыми лилиями по шелку цвета слоновой кости. Он слегка волочил ноги, и — клянусь невинностью — я видел его некогда на Больших бульварах в сером цилиндре и сером сюртуке, под руки с двумя заметными натурщицами.

— Зачем вам нужен язык коптов?

— Чтобы объясниться с одной дамой...

Я припомнил все, что знал из области истории и археологии.

С полной уверенностью я мог бы сказать, что на языке коптов уже не говорят на земле не менее трех тысяч лет.

Впрочем, интересно взглянуть на даму, которая объясняется на языке коптов.

— Моя фамилия С. Я врач по профессии, но вместе с тем и физик. Разумеется, я мало занимаюсь практикой. Значит, вы говорите по-коптски?

В салоне Наяды Сучковой бывали или знаменитости, или миллионеры. Так как С. не был знаменитостью, — он был миллионером... Я привык быть вежливым с миллионерами и скромно сказал:

— Полагаю, что сумею объясниться,.. Но, по всей вероятности, я несколько слаб в грамматике...

(А любопытно знать, существовала ли коптская грамматика?).

— Я счастлив... — Он встал, приглашая меня следовать за собой.

Я угадал. Это был миллионер. На бульваре его ожидала превосходная карета с весьма благообразным кучером. Я не совсем правильно разбирался в московских улицах, но, насколько мне известно, мы миновали бульвар и площадь и поехали по глухому, как бы загородному переулку. Мой собеседник только однажды прервал молчание меланхолическим вздохом.

— Вы испытываете неудовольствие?

— Да. Я весьма сожалею, что не одарен лингвистическими способностями...

— Между тем, у вас две внушительные специальности.

— Да, в этом я достиг многого.

Далее мы молчали. Затем карета остановилась у довольно высокого дома в загородном переулке этого почти средневекового городка.

— Сергей, поблагодарите барина.

Он сунул кредитный билет в руку кучера и повернулся к многоэтажному дому.

Это был не миллионер. Значит, он гений.

Мы поднялись по узкой лестнице во второй этаж. Была ночь. Лифт не действовал. Пока он зажигал электричество, я успел дважды больно удариться о нечто напоминающее мебель в комнате, куда мы вошли. Когда зажгли свет, я обнаружил нагроможденные до потолка ящики с надписями на английском и французском языке. В такой упаковке обычно пересылают части небольших машин и аппаратов. Я начинал сожалеть о том, что покинул приятное общество и хорошее вино для этой малокомфортабельной обстановки.

Мы вошли в другую комнату. Она была обставлена сравнительно лучше. Приятная старая мебель красного дерева, недурные гравюры на стенах и, как это ни странно, толстый канат проводов, толщиной с руку, проходивший вдоль стены и уходивший за драпировку и, по-видимому, дальше. Я забыл сказать о толстых голубых драпировках в старинном вкусе, разделявших комнату на две половины. Хозяин снял пальто в этой комнате и предложил сделать мне то же. Затем он указал мне кресло и сказал, обнаруживая некоторое волнение:

— Граф Пьетро да Коста... Я могу верить вашему джентльменскому слову?

Я ответил поклоном.

— Дайте мне слово, что вы не будете проникать далее той черты, какая будет мною указана.

При таком многообещающем начале, разумеется, не было остановки за честным словом графа Пьетро да Коста.

— Это касается коптского языка?..

— Вы правы... Должен вас предупредить, что я не знаю ни одного языка, кроме русского и плохого французского, на котором имею честь объясняться с вами...

— Вы слишком строги к себе...

— Повторяю вам, я абсолютный профан в истории, и судьба так хотела, чтобы все способности, которыми она одарила меня, были направлены в сторону изощрения в моем прямом призвании... Дело касается одного крупного научного открытия, которое я имел счастье сделать...

Я не мог не перебить его...

— Значит, особа, говорящая на коптском языке, — предлог...

По-видимому, он легко раздражался, потому что мясистый шар, заменяющий ему голову, побагровел.

— И то, и другое имеет огромное значение... Это не предлог.

По-видимому, придется состязаться в коптском наречии с неким синим чулком-археологом в юбке. Думаю, что я как-нибудь выпутаюсь из неловкого положения. Но при чем тут научное открытие?.. Положение осложнялось и заинтересовывало.

С... вынул из кармана сложенный вчетверо лист бумаги.

— Я обратился к вам потому, что в салоне мадам Сучковой вас называют полиглотом. Кроме того, мне известно, что Академия наук Португалии командировала вас, как ученого-археолога и члена-корреспондента Академии, из Лиссабона в Москву для установления ученых связей с нашими археологами, поэтому...

Мне это не было известно. По-видимому, эту оригинальную миссию специально придумала для меня Наяда Сучкова. Положение обыкновенного любовника, не имеющего звания, было бы неубедительно для ее салона. Но не предупредить меня о моей миссии и звании!.. Это непростительно. Впрочем, возможно, что дама доктора С... объясняется по-коптски не лучше меня.

С... продолжал:

— Вот список вопросов, какие вы должны предложить даме, которая будет находиться по ту сторону драпировки. Вместе с тем, вы должны мне дать слово, что вы не делаете никаких попыток ее увидеть.

Я не привык отказывать в честном слове, тем более в таких явно занимательных положениях.

— Вот список вопросов, которые вы должны перевести на коптский язык и в порядке последовательности задавать этой даме.

Затем он ушел за драпировку. Я услышал, как стукнула за драпировкой дверь. Я был один в комнате.

ВОПРОСЫ ДОКТОРА С...

1. Как ваше имя?
2. Кто ваш отец?
3. Кто вы?
4. Где вы родились?
5. Где вы находились прежде, чем я вас позвал?
6. Умеете ли вы писать?

Всего шесть вопросов. Недурная тема для разговора с дамой, в особенности в том случае, если это молодая дама.

Во всяком случае, я попытаюсь объясниться с ней без глупых вопросов старого чудака.

Я обратил внимание на одно странное обстоятельство. Пол комнаты, в которой я находился, был покрыт не ковром и, по-видимому, не линолеумом, а заглушающей шаги эластичной резиной. Вместе с тем, обои на стенах отливали не совсем обыкновенным медным металлическим отблеском, и когда я прикоснулся к стене, то понял, что стены вместо обоев покрыты тонкими листами металла. То же, по-видимому, сделано с дверьми и с довольно высоким потолком. Если бы не то обстоятельство, что металл напоминал по отблеску медь и что металлическая обивка была очень тонка, я чувствовал бы себя в каюте броненосца. У меня не хватило времени на дальнейшие соображения, потому что внезапно погас свет и одновременно глухо загудела машина, по-видимому, мотор. Сбоку от меня из маленького рупора, который я еще раньше обнаружил на столе и считал рупором фонографа, зашипел заглушенный голос С...

— Сохраняйте спокойствие и не трогайтесь с места.

Как от сквозняка, хлопнули за драпировкой две половинки дверей. Комната осветилась фиолетовым перемежающимся светом из-за драпировки. Сквозь щель на пол, покрытый резиной, упал лиловый дрожащий луч. Затем перемежающийся гул мотора сменился более ровным, свет перестал мигать, и снова я услышал голос С... из рупора:

— Задавайте вопросы.

Разумеется, я был в самом глупом положении. Скорее я мог задавать вопросы на канакском языке или на наречии полинезийцев. Но так как я уже в те годы чрезвычайно редко смущался, то я рассудил, что английский язык не менее, чем язык коптов, чужд моему дорогому хозяину. Поэтому я сказал невидимой даме на хорошем английском языке:

— How are you, mistress?

Несколько секунд молчания. Раздражающе гудел мотор. Я думал: зачем понадобился переводчик с коптского языка к пациентке, которую в лучшем случае подвергает электризации выживший из ума врач?

И вдруг я услышал низкий, мелодический женский голос. Я слишком хорошо знаю женщин. Это великолепный голос пленительной и повелевающей женщины.

Я не понял ни одного слова. Она говорила на языке, не похожем ни на европейские, ни на персидский, ни на турецкий. Но сквозь гул мотора я уловил тембр и мягкость мелодического женского голоса. Я отбросил драпировку. Только на одну секунду в слегка вздрагивающем фиолетовом отблеске мелькнуло лицо женщины. Но в эту секунду я успел разглядеть изогнутую, как лук, линию губ, дугу соединенных бровей, чуть смуглую кожу, черты, сохранившие последний расцвет невероятной, победоносной, зрелой красоты.

Еще шаг вперед, вернее полушаг, я ощущаю колющий, пронизывающий и опрокидывающий меня навзничь толчок и, падая, ударяюсь затылком о металлический пол, на который я ступил.

Затем все стерто.

Я обнаружил себя на рассвете на скамье бульвара, под влажным покровом тающего предутреннего снега. Если бы не весьма ощутительная шишка на затылке, я считал бы все случившееся ночью легким бредом, который дает умеренное количество опиума, смешанное с вином. Я навел справки о С... Он существует. Это домашний врач миллионера Корзинкина, по-видимому, весьма почтенная личность.

Моим дальнейшим исследованиям помешала московская полиция, которая почему то в португальском графе Пабло да Коста усмотрела минского еврея Пинкуса Космана.

Через две недели меня освободили с некоторыми извинениями и, однако, выслали за пределы России. Это было в 1901 году.

ПРОДАВЕЦ ТАИН И ЗИТТА

История с мадам Сучковой и неприятности, связанные с необходимостью посвящать в свои материальные дела дам, заставили меня обратить внимание на более достойные методы добывания средств. Еще в библиотеке мадам Сучковой я ознакомился с мемуарами Казановы, кавалера де Сенгаль, этого академика политического авантюризма. Политический авантюризм в его классических методах не накладывает ни малейшей тени на человека, делающего его своей профессией, и в то же время открывает неизмеримые возможности. Убийство, кража, подлог — любое уголовное преступление перестает быть им и не укладывается в статьи уголовного кодекса, если имеет пометку секретного архива министерства иностранных дел.

Все эти соображения я имел возможность трезво обдумать в течение двух лет пребывания в лондонской тюрьме. Обстоятельства, приведшие меня туда, еще более укрепили меня в перемене карьеры. Дело касалось одной выжившей из ума старухи, которая обрела во мне близкого родственника и по всем данным должна была сделать меня своим наследником. Тогда мое имя было Джером Джеймс Брайс. Но родственники старухи, по-видимому, не отказавшись от мысли сохранить их семье состояние моей названной бабушки, сумели установить сомнительность моих документов, и заключение в тюрьме, по их соображениям, должно было восстановить справедливость. Я вышел из тюрьмы двадцати пяти лет, без денег, но с хорошим опытом. В игорном доме мне удалось слегка восстановить положение благодаря моим твердым принципам, касающимся карточной игры. Вслед за тем, опять обладая хорошим гардеробом и багажом, я занялся дипломатической карьерой. С тех пор, как моя наружность и темперамент перестали быть для меня источником существования, я имел несомненный успех у женщин самых разнообразных кругов общества. И, несмотря на самое искреннее желание быть бескорыстным,

моим первым успехом в Вене я обязан успеху у дамы. Это была, несомненно, очаровательная венгерка, жена полковника генерального штаба. Редкое сочетание черных глаз, золотых волос и кожи слегка опалового тона навсегда сохранилось в моей памяти. Для конспирации мы встречались в летнем открытом театрике, где будущие звезды великолепно разыгрывали оперетты. Здесь же рядом помещался сомнительный отель, и я на всякий случай еще утром оставлял здесь комнату, пользуясь одним из моих параллельных имен, которых к тому времени было три или четыре. Очаровательны весенние вечера, когда полковник находился на маневрах в Тироле, а мы в маленькой комнате на подоконнике, томно прижавшись друг к другу, слушали дуэты и вальсы. Внизу за столиками приказчики и их любовницы пили пиво и подпевали актерам. Мы были одни над ними и городом по ту сторону Дуная, вдали от официальной, титулованной Вены...

О, наша последняя встреча в маленьком ресторанчике на Пратере!

Я говорил с Зиттой так, как будто бы мы расстаемся на неделю.

— Милая, разве не все решено заранее? Я еду к моему дяде, баварскому послу при святейшем престоле. Я вымолю у него разрешение жениться на Зитте. Пусть развод, пусть нас не будут принимать в обществе, в свете. Мог же эрцгерцог жениться на разведенной жене офицера, хотя для этого ему пришлось принять имя простого смертного и уехать в южную Америку... Неужели на земле нет угла, где могли бы найти любовь и приют двое влюбленных?..

Тогда я был еще молод и сентиментален... Честное слово, я произносил эти монологи со слезами на глазах...

— Значит, моя любимая даст мне ключ от ее дома... Я проникну к ней через сад. Я хочу видеть ее комнатку, ее сокровенную комнатку, хочу видеть, как любовник... Дважды я был в доме полковника Ретля, как гость, как светский знакомый, а сегодня ночью я хочу проникнуть в его дом и в комнату его жены, как любовник... Пусть это романтический каприз... Но разве можно отказать в этом любимому?

Она покорно и слабо улыбалась, и я знал, что дело сделано, что все подготовлено, что полковник Ретль окончил срочную и тайную работу, над которой он провел четыре ночи, и вместо того, чтобы сдать ее немедленно в генеральный штаб, поедет с молодой женой в оперу... Я знал план их дома, я знал, где тайный ящик, куда он прячет секретные документы штаба, и все-таки я говорил с настоящей искренностью...

— Зитта... ты увезешь его в театр, а я неслышно, незаметно пройду мимо его комнат и спрячусь у тебя... Я буду ждать тебя тихо, как мышь... И потом, после театра, когда ты придешь, ты будешь со мной в первый раз в твоей комнате... А на рассвете я уеду и вернусь через неделю за моей женой Зиттой...

В то время я был занят важной академической работой по раскрытию новой системы шифров, которую должен был ввести генеральный штаб. Над этой системой шифров работал полковник Ретль, и военный атташе посольства одной дружественной державы был весьма заинтересован работой полковника Ретля. Мой высокий друг, военный атташе, не напрасно терял терпение в течение двух месяцев. Сегодня ночью я буду в доме полковника Ретля, я скопирую знаменитый новый шифр «Император Карл», на который точат зубы шпионы всех посольств Вены.

Бедная Зитта!.. Бедный полковник Ретль! Все было задумано слишком ловко, и серия отмычек, и точный план дома, и помощь очаровательной полковницы Зитты.

В десять часов вечера копия «Императора Карла» была у меня в руках. Мне грустно думать о том, что милая Зитта не нашла меня в своей милой комнатке.

Что делать?.. Такова жизнь...

Тогда я назывался Генрих фон Валь.

Дождь... Утро. Стекланные своды вокзала в Вене. Поезда на путях. Летающие фалды фраков кельнеров. Высокие кепи кондукторов, трубки и традиционные баки Франца-Иосифа...

Прощайте!..

В путь!

Я не стану перечислять первых успехов и неудач. Уже тогда я понял разницу между ординарным шпионством и тайными политическими заданиями, которыми удостаивают избранных. Я не связывал себя с одной определенной державой, хотя бы потому, что самый добросовестный хозяин, использовав вас, постарается избавиться от неудобного свидетеля. Кто не помнит бедного барона фон Столя, которого царское посольство послало в ловушку после того, как он был выжат, точно лимон над пуншевой чашей? Бедный старик умер в цитадели при обстоятельствах, смутно заставляющих предполагать самоубийство. Я же всегда старался приносить одинаковую пользу двум или нескольким взаимно заинтересованным друг другом державам таким образом, чтобы каждая из держав считала меня менее опасным для себя, чем для соперницы. Все это, разумеется, возможно в молодые годы, пока нервы и ум напрягаются без особого труда, пока мускулы и глазомер оберегают вас от применения не вполне дипломатических приемов, иногда допускаемых в политике держав. Апогеем моей карьеры я считаю дело Голубой республики. О нем стоит рассказать.

Это началось весной, у черного материка, на яхте «Элиза», которая принадлежала герцогу Нэри, моему коллеге по клубу «диких».

ДЕЛО ГОЛУБОЙ РЕСПУБЛИКИ

Государство подобно человеческому телу.
Не все его функции благородны. Некоторые из них приходится скрывать.

Анатолий Франс

Герцог Нэри был помешан на лорде Байроне. Кроме того, он не платил долгов и был нетерпим в своем отечестве. В течение шести месяцев мы шатались по океану, пока циклон нас не загнал в бухту, которая оказалась портом Эль-Азрак Голубой республики. Я превосходно помню утро после циклона. От каменной полосы мола, полузакрывающей рейд, идут на берег четыре зеленых вала с желто-пенными гривами. Узкая лента набережной с низкими белыми зданиями и пальмовыми стволами, между которыми взлетают тяжелые фонтаны воли, захлестывающих парашет. Тропическое солнце жжет белые мокрые плиты, и над городом, насчитывающим две тысячи черных, как уголь, жителей, соленая теплая влажность. Мимо прижавшихся к молу лодок яхта «Элиза» идет, поднимаясь и падая в волны. Сильная зыбь высоко приподнимает сначала корму, затем нос и убегает к берегу, чтобы взорваться о набережную рядом пенных фонтанов.

Помню, я стоял на рубке и думал о том, что шестимесячная прогулка заставила многих высоких покровителей забыть обо мне, и что есть необходимость в остроумном и легком подвиге, о котором будут писать в течение двух недель на первых страницах официальных газет.

Порт Эль-Азрак оказался главным городом республики, поставляющей каучук одному государству на континенте. Республика управлялась шестью туземцами, в отличие от прочих имеющими белые штаны с голубыми лампасами. Впрочем, министр иностранных дел, пришедший нас

приветствовать, не имел этой части туалета и был одет в полосатую сорочку и цилиндр. Надо сказать, что приблизительно так же одевался местный дипломатический корпус — два консула и резидент континентальной державы. Кли-мат диктовал присущие этой стране особенности дипло-матического этикета. На аудиенции у председателя совета ми-нистров нам предложили своеобразную мебель, представ-лявшую собой стул, в сидении которого был вделан жестя-ной таз с холодной водой. Продолжительная беседа в зде-шнем климате сопряжена с сидением по пояс в воде.

Если вы считаете приводимый мной факт гиперболой, я отсылаю вас к книге г. Пероти, который был восемнад-цать лет генеральным консулом в Басре на более северном аравийском побережье.

Даже в положении знатного туриста я не забывал своей основной профессии политического деятеля. Мне удалось установить факт, что министры Голубой республики нахо-дятся на жаловании у президента континентальной держа-ви и что они не особенно довольны им, словом, что в Го-лубой республике имеются все предпосылки для государст-венного переворота. После одного веселого ужина на борту «Элизы» я послал шифрованное радио моему другу, шефу секретного департаменте министерства, с которым я был в то время связан. Голубая республика получила заем, ко-торый я немедленно реализовал тут же на борту «Элизы». И утром резидент континентальной державы узнал, что ка-бинет пал, что парламент Голубой республики (сорок ту-земцев, вообще не имеющих штанов и находящихся в род-ственных отношениях с министром) расторгает договор с континентальной державой. События развивались с кине-матографической внезапностью. На пятый день утром на рейде Эль-Азрака бросил якорь контрминоносец «Гриф» континентальной державы. Но к вечеру мы уже имели здесь же трехтрубный крейсер «Пантера» другой державы, о ко-торой я упоминал выше. Радио, прямые провода, телефо-ны, биржа бились в припадке жесточайшей малярии. Две эскадры спешили к берегам Голубой республики. И в тот момент, когда победа в борьбе за влияние почти определя-

лась калибром дальнобойных пушек, державы-соперницы с несомненностью установили факт полного обезлюдения побережья. Министры, парламент, две тысячи туземцев, не оценив исторического значения момента, ушли, по крайней мере, на шестьдесят километров вглубь страны. Выборы в парламент, на которые усиленно рассчитывала континентальная держава, не состоялись. Однако, дипломаты держав-соперниц блестяще вышли из положения. Во время исхода населения Эль-Азрака у двух генеральных консулов была похищена мелкая утварь и ушиблена камнем ангорская кошка резидента. Военные суда эвакуировали дипломатический корпус и иностранную колонию и обстреляли берег (в качестве экзекуционной меры). На этом кончилось дело Голубой республики. И хотя мои портреты не украшали первых страниц иллюстрированных журналов, но мои коллеги и тайные департаменты многих министерств иностранных дел с большим уважением отнеслись к моим способностям. Самое замечательное заключалось в том, что в этом деле я действовал от имени двух держав сразу. По директивам океанской державы я попытался подчинить ее влиянию Голубую республику и одновременно, по директивам державы континента, я спровоцировал инцидент, чтобы дать возможность этой державе дешево приобрести ценности во время биржевой паники.

РАЗОЧАРОВАНИЯ

Надо сказать, что деятельность, которая меня занимала, нормально развивается в мирные эпохи истории. По существу, это чисто пацифистская деятельность, в известной степени ослабляющая милитаризм великих держав. В мирные эпохи я и мои коллеги имели возможность правильного и сравнительно безопасного использования политических и военных секретов различных правительств. Элемент риска выражался главным образом в опасности быть дешифрованным, как агент данной державы, и возможности быть задержанным на более или менее продолжительный срок в военной крепости. В редких случаях дело могло осложниться таинственным исчезновением, заставляющим предполагать самый печальный конец. Поэтому я с тяжелым сердцем встретил войну и вовремя перенес свою деятельность в столицу одной из нейтральных держав. Мои менее благоразумные друзья, несмотря на свои таланты и всемирную известность, окончили почти трагически. Так, знаменитый Фитцджеральд, в свое время прославившийся выемкой годичного доклада военного атташе, кончил свои дни на артиллерийском полигоне близ Берлина. Не менее печально кончил свои дни в Париже мой очаровательный коллега — испанская танцовщица, обладавшая превосходным умом и телом.

В нейтральной столице к этому времени образовался рынок разнообразнейших военных сведений. Военная агентура, которая в мирные эпохи была отраслью дипломатии, оказалась на первом плане. В тридцать восемь лет я, пацифист по убеждению, должен сесть за учебники тактики и стратегии, сопоставлять сводки телеграфных агентств и суметь уловить истину в двух самых противоположных военных сообщениях. Самый сомнительный документ, вроде копии послужного списка русского генерала или генеалогического древа германского принца, командующего корпусом, находил сбыт. Полноценное золото брызжет животно-

рящим потоком, и все-таки жизнь не имеет прежней безоблачной приятности. Даже любовь не развлекает в этой неестественной жизни, за зыбким молом, по ту сторону которого — циклон. Меланхолические женщины этой страны приучены законами и бытом к самому ординарному образу жизни. Импортный элемент состоял из кокоток и женщин, так или иначе соприкасающихся с моей профессией. Те и другие не представляли особого интереса для меня. Светские дамы, выйдя из атмосферы войны, впадали в неприятную истеричность и излишний трагический оргиазм. Жизнь и любовь приобретали ненужную сложность, слишком действовали на нервы, и в эти четыре года человек старел утроенным темпом. К концу войны я все еще представлял человека с великолепной фигурой, с располагающими к доверию седыми висками и превосходным энергичным профилем. Мой обычный образ жизни не придал моей наружности типических черт сильно пожившего сноба, а отложился на ней несколькими характерными тенями байронического стиля. Я был похож на человека, перенесшего большое горе и продолжающего жить из любопытства к тем испытаниям, которые мне еще принесет судьба. Поэтому я часто пользовался траурной повязкой на рукаве. Это необыкновенно сильно действовало на молодых девушек и вызывало некоторое доверие со стороны моих клиентов. Официально я назывался полковником армии Соединенных штатов Робертом Айртоном. После вступления Америки в войну мне пришлось переменить резиденцию и имя.

Но самое жестокое разочарование принес мне мир. В то время, как вздорные ножницы выкраивали из старой карты Европы небольшие и доходные для правительства государства, я встретил в Сан-Себастьяно женщину, которая помещала мне стать министром. Пусть я слегка преувеличиваю, но разве с моим опытом я не мог занять пост генерал-инспектора в любом новорожденном государстве? И разве в расцвете дней незаметный переворот не мог принести диктатуры, президентства, славы и портретов в витринах между альбомами открытых писем и резиновыми принадлежностями?

Всего этого я лишился из-за женщины, национальность и прошлое которой не мог бы установить самый опытный детектив. Я вспоминаю ее каждый раз, когда вижу в зеркало шрам над правой бровью, след моего монокля, который она разбила ударом смуглого и крепкого кулака.

Она была из Сан-Себастьяно.

СТРАНИЦА НЕ ДОПИСАНА. НА ОБОРОТЕ

Я начинаю полнеть. Это бессмысленное существование в тихом отеле в Швейцарии довело меня до мемуаров, которые я пишу по утрам, как отставной сановник, обиженный двором, но с сегодняшнего дня конец меланхолическому прозябанию в ожидании развязки двух интриг — любовной и политической. Было бы возмутительной небрежностью судьбы, если бы я остался без этих приключений, самых замечательных и таинственных событий моей жизни.

Вчера за табльдотом появилась странная пара: меланхолический дегенеративный юноша и женщина.

Два дня назад, мысленно пробегая мою жизнь, которая уместилась на первых двадцати шести страницах, исписанных довольно мелким почерком, я вспомнил и записал скорее занимательный, чем таинственный случай с коптской грамматикой и пациенткой русского врача С... Мне стоило труда вспомнить московский переулок, металлическую комнату, ковер-изолятор, колеблющийся свет и лицо женщины — изогнутую, как лук, линию губ, дугу бровей и замечательную, неестественную красоту... Мог ли я подумать, что через двадцать три года в отеле «Шильон», в Швейцарии, за прозаическим табльдотом, рядом с бродячими спортсменами, автомобилистами и русской эмигрантской семьей, в самом современном костюме я увижу...

У меня крепкий, спокойный рассудок. Случай в Москве — единственный, внушающий мне подозрение, единственный, может быть, не существовавший в действительности. Но теперь я верю. Это было. Прямо против меня сидит женщина. И когда я смотрю в ее глаза, я вижу колеблющийся свет, и в фиолетовом отблеске я опять вижу ту, которую видел у С...

Я не могу найти нужные слова. Мне сорок шесть лет. С четырнадцати лет я знал не менее тысячи трех женщин (рекорд, установленный дон Жуаном де Маранья). Но все,

что я видел, — ничто рядом с этим чистым профилем, с этими глубокими продолговатыми глазами и темными дугами ресниц. Пропорциональность форм, эти руки и ноги — безукоризнейшая фантазия гениального мастера, который нашел идеальный женский портрет. Я утверждаю, что появление этой женщины производило одинаковое впечатление на всех людей, которые имели счастье ее видеть. И это то же чувство, которое я испытал у С..., когда, теряя сознание, видел другую. Теперь, когда миновало первое сводящее с ума волнение, я вижу, что двадцать лет разделяют эти два лица. Я бы сказал, что это мать и дочь, если бы не невероятное сходство, невозможное даже для матери и дочери.

Одна — последний расцвет, зрелая, сопротивляющаяся времени красота.

Другая — непобедимая юность, непостижимая, насмехающаяся над временем молодость.

И видеть ее в костюме от Пуаре, видеть эту голову под парчовой золотой шапочкой — значит разбудить в себе нечеловеческую и последнюю страсть.

Самсон, Антоний, лорд Нельсон, вы, легендарные и исторические любовники, заплатившие жизнью и славой за любовь, — это она... Это — *женщина*, которая приходит раз в век, однажды в тысячу лет. И если я должен отдать остаток моих дней, я отдам его, не медля ни секунды, но эта женщина будет...

АМИНТА

«Аминта». Это ее имя. Уходя из салона нашего отеля, она остановилась у окна и смотрела сквозь сетку дождя на мокрые зеленые магнолии, на озеро и горные цепи в облаках. Юноша (его зовут Стибор Бони) дотронулся до ее руки и позвал ее: «Аминта». И когда она поднималась по лестнице, я укусил себе руку, чтобы подавить желание отшвырнуть его от нее и покончить с ним тут же. Ах, дорогая моя... Как опасно вызывать такие желания в людях, которым нечего терять.

Я получил еще письмо с гербом Радомирских. Таинственная корреспондентка обещает приехать через две недели. Я бросил письмо в камин. Воскресшие из мертвых имеют весьма непрезентабельный вид. И княжеский герб на саркофаге не прибавит им красоты. Но я благодарю вас за Монтре и Аминту.

Странно, что я еще не слышал ее голоса.

1. ...Я переменял комнаты в отеле. Теперь я живу над их балконом. Если наклониться и свеситься через барьер, я увижу две трети их балкона. Я услышу голоса, но не услышу слов, которые они произносят.

Вечером она долго сидит в кресле, причем ее лицо обращено к северу, вернее, к горному хребту на севере. Я превращаюсь в юношу из колледжа, перелезаю через барьер и, держась за карниз, наклоняюсь так, что вижу их обоих: ее в меланхолической, очарованной неподвижности и его... Пижама, сигарета в зубах. Я не расслышал его слов.

Он говорил очень тихо, раздраженным, слегка жалобным голосом. И потом я услышал другой, мелодический, насмешливый голос и ясный акцент. Осторожно произносимые слова... так говорят иностранки на малознакомом языке.

— Я не понимаю... — Ужасающе знакомый голос женщины. Я скорее угадал, чем услышал эти слова. Не знаю, сумею ли еще медлить. Каждая моя мысль о ней.

2. ...Счастливая случайность. Вчера я встретил его на теннис-граунде «Палас-отеля». Вторую или третью партию я играл с ним и должен сказать, что, несмотря на слегка дегенеративную, апатическую внешность, он обнаружил неожиданную ловкость и легкость. Мои сорок шесть лет дают себя знать, первый «сет» был мой, второй его, и победа стоила мне больших усилий. Между тем, в «клубе диких» в книге спорта я был вторым после великого Питерса. Пожимая его руку, я задержал ее в своей и предложил ему выпить мозельвейна со льдом.

Мы — соседи по отелю, — джентльмены, разумеется, говорили о пустяках. Ни одного слова, которое навело бы меня на мысль, откуда он и кто эта женщина. Мы простились. Он шел по набережной по направлению к «Шильону». Я знаю, что вчера и сегодня он справлялся в банке, не получен ли на его имя перевод из-за границы. Это все, что я знаю о нем.

3. ...Сегодня я обедал за их столом. Аминта не прикасалась ни к одному блюду. Вблизи она ослепляет. Ее рука слегка холодна; должно быть, такая же прохлада исходит от ее тела. Что может быть прекраснее этой сжигающей прохлады? Она отвечает односложно, задумчиво смотря сквозь вас. Она наводит ужас пропорциональностью каждой линии лица и тела. Это неестественная симметрия, неестественная красота. Если нужны сравнения, она не Венера, а Изиды. В ней есть Восток и Запад, Европа и Азия, чистейшая арийская кровь, чистые классические линии и непостижимая тайна — глаза, отражающие пустыню. Как безличен рядом с ней двадцатидвухлетний молодой человек с мягкими золотыми волосами, вытянутым в ниточку пробормом, голубыми, слегка наглыми глазами сноба.

Однако, он может быть опасен. Нужно быть осторожным и внимательным, чтобы вовремя сбросить его с пути.

Пока я с ним вежлив и внимателен. Старейший лев и молодой, скрывающий силу леопард.

Прикосновение к ее прохладной руке и коже вызывает во мне нечеловеческое возбуждение. Аминта!.. Аминта!.. Какое имя!

4. ...В саду мы остановились у калитки. Он задержался у выхода и несколько минут говорил с портье. Ока была между мной и солнцем; в просвечивающем тонком шелке и кружевах платья я видел ее как бы обнаженную. Она не могла не видеть моего лица и сказала:

— *Одно и то же думают обо мне все люди...*

Я понял, что она угадала мою страсть. И еще раз, когда меня охватил приступ ярости, и я хотел грубо отделаться от ее спутника, она сказала, как бы предупредив мою мысль:

— *Вы не должны говорить того, что думаете.*

Эта лукавая женщина угадывает мысли. Я это заметил еще раньше.

Но какая страшная, лукавая улыбка...

5. ...Мне стоило большого труда развязать язык Жоржетте, горничной их этажа.

Первое — у него иссякают деньги.

Второе — они не муж и жена.

Они — любовники. Это то, что принято называть связью. Я не могу не повторить вульгарного эпитета. Жоржетта говорит, что она *неземное* существо. Жоржетта утверждает, что Аминта никогда не спит, что она не ощущает холода, голода и жажды. Конечно, это глупости.

А впрочем, может быть, это неизвестный наркоз или длительный гипнотический сон. Во всяком случае, отношение этого молодого человека к ней непостижимо. Я начинаю понимать его нервность, его тик, — изредка пробегающую гримасу от левого угла рта к уху. Может быть, это гипнотизер и ясновидящая. Да нет же, черт возьми!.. Я глупее от этой страсти. Кто бы он ни был, но я отниму ее у него.

6. ...Я купил двухместный автомобиль «Фиат» — двадцать четыре силы, торпедо. Вчера я его пробовал в пробеге от Лозанны до Монтре. Хорошая машина, и я еще не научился управлять такой штукой. Вечером я предложил ему небольшую прогулку в Ко, две тысячи метров над уровнем моря. Превосходный вид на озеро и Дан-де-Миди. Он попросил отложить. По-видимому, он боится ее оставлять одну. В ее глазах усталое равнодушие, когда она смотрит на своего спутника. Я почти боюсь этой женщины. Застывшая вечная улыбка. Она может разрушить самый хитроумный план. Хотя до сих пор у меня нет никакого плана.

7. ...У него нет денег. До сих пор нет перевода из-за границы. Я узнал о нем все, что мне нужно. Он — один из младших секретарей министерства иностранных дел Эритреи, атташе при посольстве в России. Романтическая поездка в Швейцарию с таинственной особой. По-видимому, молодой человек уехал без согласия родителей, и теперь родители наказывают его. Бедный юноша! Мне даже жаль его. Вчера вечером он вошел в ювелирный магазин в доме «Палас-отеля».

8. ...Я вошел к ювелиру. На стеклянной полке с надписью «Occasion», между жемчужным колье, браслетом с сапфирами и двумя самодовольными золотыми портсигарами, я увидел перстень с большим изумрудом. Золото, черная эмаль и изумруд. Пожалуй, это его вкус. Что-то вроде родового кольца, антикварная редкость и громадная ценность. Я спросил цену. Вдвое больше, чем я предполагал.

— Это принадлежит молодому человеку из отеля «Шильон», 65? Стибор Бони... Не так ли?

— Совершенно верно. По-видимому, нужда в деньгах. М-сье почти дешево приобретет великолепную вещь.

Ювелир, маленький, упитанный, в светло-сером жакете, смотрел на камень в лупу. Камень светился зеленым магическим пламенем. Я взял кольцо и прикоснулся ногтем к шлифованной ровной поверхности камня. Мне показалось,

что изумруд шевелится в оправе. Я слегка нажал на камень и изумруд покривился и слегка ушел в оправу.

Ювелир заинтересовался.

— Старинная работа. Камень переворачивается на оси.

Он перевернул изумруд щипчиками. Сбоку выдвинулась пластинка с гербом. Кольцо приобрело вид обыкновенного родового кольца с печатью-гербом. Ювелир передал мне кольцо.

Герб князей Радомирских.

Я купил кольцо, уплатив за него половину всех денег, полученных от «Белого орла».

9. ...После кофе я попросил его уделить мне четверть часа. Мы вышли в сад. Дождя уже не было. Медленно развертывались белые упругие лепестки магнолий. Озеро светилось голубым тихим светом, и на другом берегу ясно громоздились домики Бувере. Я взял молодого человека за локоть с фамильярностью, которую может себе позволить пожилой друг, и показал ему кольцо.

(Изумруд был на месте).

Он смутился и слегка покраснел.

— Это вы купили кольцо?

— Да... Деньги находятся у ювелира...

Затем я взял его руку и одел кольцо на его палец, не дал ему времени раздумывать и сказал довольно резко:

— Я возвращаю вам кольцо, вы получите сумму, которая находится у ювелира... Но это не дружеская услуга.

Я продолжаю:

— Вы должны уехать отсюда с вечерним поездом.

Он слегка удивился. Но я не дал ему времени возразить.

— Женщина, которую вы называете Аминта, должна остаться здесь. Можете не беспокоиться о ее судьбе.

Он вздрогнул и почти сорвал с пальца кольцо.

— Нет... Вы ошибаетесь, если думаете...

— Сударь, вы далеко не Вертер... Вы знаете, что такое жизнь... эта женщина...

— Я не могу вам ничего сказать о ней... Это невероятно...

— Мне все равно... Вы уедете?..

Он изменился в лице и, видимо, искал слов.

— Вы не хотите уехать добровольно?

Он не ответил, и я повернул камень в кольцо, показав ему герб.

— Как вы объясните это? *Герб князей Радомирских?*

Я удовлетворен. Он смутился и побледнел. Я говорил настойчиво и угрожающе.

— Это родовое кольцо. Герб князей Радомирских. Они далеко не разорены. Им не нужно продавать свои драгоценности. Следовательно...

Молчание.

— ...Следовательно, *это кольцо украдено...* Украдено вами.

— Нет.... — Он весь дрожал.

— Тогда почему оно у вас?

— Это... подарок... Но я дал слово не говорить...

— Слишком много тайн. Как вы докажете?..

Он молчал.

— Вы не сумеете доказать.

Он сказал с злобным презрением:

— Если вы полицейский агент, — делайте свое дело.

Я взглянул на нею. Спокойная презрительная усмешка. Ясно. Его запугать нельзя.

Великолепные данные. Решительно, мне нравится этот юноша. Вдруг я расхохотался, хлопнул его по плечу и сказал:

— Дорогой мой... Я вам верю. И знайте, что это дружеская мистификация... — И потом, переменив тон, продолжал с располагающей к откровенности задушевностью:

— Дорогой мой... Я вдвое старше вас... Ваша Аминта — сокровище... Я все это придумал для того, чтобы узнать, насколько вы достойны ее... Вы честный малый, и я спокоен за ее судьбу.

В этот момент Аминта вышла в сад. Как меняется это лицо. Беатриче Габриэля Россетти, Беатриче...

Никогда еще не было такой пленительной прохладной тишины на озере.

Я отниму у него Аминту, хотя бы мне пришлось...

10. ...Вчера я подслушал замечательный разговор, который едва не переменял финал всей этой истории. Я был в гараже и возился с тормозами. Это входило в мои планы следующего дня. Мой шофер остановился у входа в гараж и болтал о разных пустяках с кельнером из отеля. Я еще раньше обратил внимание на этого веселого малого, итальянца из Тосканы, слегка развязного щеголя — прямой персонаж французской комедии — Сганарель из итальянцев.

— Нот, я прямо лопаюсь от тайны... Она переполняет меня... Ты слышишь, Жюль?..

— Я слышу.

— А он...

«Он» — это относилось ко мне. Жюль отвечал:

— Кретин... Ты разве не знаешь этих спортсменов?.. У него голова в радиаторе...

— Дело касается крошки из сорок шестого номера...

Сорок шестой номер... Комната Стибора и Аминты... Я слушаю.

— Ты можешь мне испортить пробор, если я лгу... Пусть это не совсем благородно, но я не могу молчать... Вчера я принес мосье глинтвейна... М-сье был в саду, а мадам сидела, как картина в раме окна... Я поставил глинтвейн и, отвесив, какой полагается прелестной даме, поклон, вильнул к двери. И вдруг, я вижу... Нет, ты умрешь от злости... Я вижу, что мадам улыбается мне и не так, как это принято у них, улыбается не для того, чтобы лишний раз показать жемчужные зубки. Она улыбается так... Я хорошо понимаю эти штуки... Так улыбается дама, которая... Притом она смотрит на меня так, что я весь холодею, от пробора до пяток...

Я слышу тихий смех итальянца, ему вторит пропитой кашель Жюля.

— Ну, и дальше...

— Дальше... Лопни от зависти, Жюль... Она поднимает руки вверх, откидывает голову, и я вижу в ее глазах...

— Не ври...

— Санта Мариа делле Грациа... Сен-Сальвадор... Мой поднос летит в кресло, я поворачиваю ключ в замке и...

У меня темнеет в глазах. Когда я с трудом возвращаю себе спокойствие, у меня в правой руке мой маленький маузер, который направлен в сторону голоса. Затем, по привычке обдумывать каждый свой шаг, я решаю, что нельзя же застрелить человека за глупую и смешную ложь...

— Мадонна... Клянусь, это подарок за мою благочестивую жизнь... Эта женщина... Это небеса... Только пять минут... А потом я захватил мой поднос и испарился, как прошлогодний ливень...

— Ты врешь...

— Маленькое доказательство... У нее выше локтя тонкий браслет, кружок... Откуда я мог бы это знать... Мадам не носит открытых платьев... Хочешь — проверь... Я не говорю уже о родинках... У меня было мало времени... Ты понимаешь.

Оба хохочут и, когда я ухожу из гаража, опять подавляю в себе самые свирепые желания...

«Белый орел» молчит. Это хорошо. Пока я не в состоянии заниматься делами.

Несомненно, я не нужен Аминте. Но также ей не нужен Стибор Бони. Все дело в том, чтобы устранить его. Добровольно он не уйдет. Когда я уяснил себе положение, я обдумал план, который постепенно привожу в исполнение. Он подозрительно поглядывает на меня. Доверия нет. Он избегает оставлять Аминту одну. Они стали реже спускаться вниз, в общий зал.

Я отпустил шофера и почти весь день провел в гараже, осматривая и разбирая машину. Выйдя из гаража, я похвалил машину старому спортсмену — хозяину отеля. Он недоволен. Это скорее гоночный автомобиль, а не удобный экипаж для прогулок. Он вообще против новых серий. Его фаворит — двадцатичетырехсильный «Заурер-лимузин». Стибор Бони слушал нас и не принимал участия в разговоре. Я предложил ему прогулку в Ко, которую мы отложили три дня назад. Может быть, он не решается оставить ма-

дам? Она себя дурно чувствует... Не так ли? Он ничего не сказал о мадам и согласился ехать.

Я думаю, что у него есть желание откровенно поговорить со мной. Пока он переодевался, я пробовал машину на набережной в присутствии двух-трех молодых людей из отеля. Все мои упражнения должны были доказать им некоторую неисправность машины, вливание колес. Он вышел из отеля, оглядываясь на балкон, где в плюще белела стройлан тень Аминты. Я чувствовал на себе ее взгляд, но не обернулся. Он сел рядом со мной, и это снова меня убедило в том, что он желает говорить о вчерашнем. С полагающейся скоростью мы проехали по набережной и выехали вверх по великолепным зигзагам шоссе. Озеро опускалось вниз. Берег развернулся весь в зелени и улицах белых вилл. Горы выступали, как на рельефной карте, и в желтых косых лучах солнца я видел лицо Аминты...

У горной церкви на крутом повороте он хотел заговорить со мной, но раздумал. В Глионе мы остановились, и я снова занялся машиной. Он стоял, заложив руки в карманы, красивый, стройный, с рассеянным видом. Машина работала великолепно. Но и здесь я слегка опорочил ее перед двумя туристами и гарсоном из кафе. Неисправность рулевого колеса. Когда я так говорил о ней, я испытывал нечто вроде жалости к существу, которому я приготовил скверную судьбу.

В Ко мы гуляли по селению, состоящему из одного большого и нескольких малых отелей. Здесь было прохладно, голоса звучали глухо. Высота — две тысячи метров. От скошенной альпийской травы, вероятно, кружилась голова. Но я мало замечал то, что происходило вокруг. Мы завтракали в отеле, пили крепкий коньяк, и я заметил, что он несколько рассеян. Поэтому он выпил больше, чем я. Внезапно спросил меня:

— Вы знаете «Фауста»?..

Я думал, что он спрашивает об опере. Но он говорил о «Фаусте» Гете.

Он заговорил о второй части «Фауста», о Елене Прекрасной!..

Аминта... Такой я представлял себе Елену...

Он замолчал, но, когда мы уходили, спросил:

— А что вы думаете о Гомункулусе?...

Я не ожидал вопроса и промолчал.

Близость с Наядой Сучковой научила меня отделяться общими фразами в том случае, когда говорили о предметах, в которых я нетверд.

В автомобиле он снова сел рядом со мной.

Когда мы тронулись, я выключил мотор. Машина катилась вниз по инерции. Как короткая толстая гусеница, медленно сползал вниз фуникулер. Сначала мы очень быстро ехали тенистой, сбегаящей вниз аллеей. Он насвистывал сквозь зубы, согретый солнцем и вином, или бормотал про себя. Мне кажется, я расслышал:

— Гомункулус... Аминта... Аминтайос...

Упоминание имени этой женщины в сочетании с дурацкиш зародышем в банке удивило меня.

Зеленый занавес деревьев и кустов пропал из глаз. Внезапно открылось озеро. На полдороге от Ко в Глион — крутой зигзаг, который я хорошо запомнил, который выбрал *на всякий случай* два дня назад. Я включил мотор. Мы ехали несколько быстро; хотя мне показалось, что он забеспокоился, но он был слишком горд и самонадеян, чтобы сказать мне. Между тем я привстал, не выпуская из руки рулевого колеса, и смотрел вперед, точно разглядывая гладкий, как скатерть, путь. Мы мчались с большой быстротой. Он продолжал свистеть, но искоса следил за тем, что я делаю.

Пространство летит навстречу с увеличивающейся быстротой. Конец спуска. Сейчас поворот. Я внезапно выпускаю руль, отпускаю педаль и выбрасываюсь на землю. Земля больно ударяет меня в плечо и грудь. Надо мной — удаляющийся грохот включенного мотора, удар колес о проволочную ограду и сдавленный жалкий крик. Я поднимаю голову от земли. Автомобиля нет. В пыли — две параллельных полосы от шин. Они обрываются у порванной проволочной ограды. Автомобиль на пятьсот метров ниже, разбитый вдребезги вместе с изуродованным трупом единственного пассажира.

Дальше меня подбирают на дороге окровавленного и почти теряющего сознание. Аминта!..

Из газеты «Трибюн де Женев»

АВТОМОБИЛЬНАЯ КАТАСТРОФА В МОНТРЕ. Сообщаются подробности об автомобильной катастрофе 18 июля. Автомобиль польского спортсмена г. Казимира Стржигоцкого при спуске из Ко в Глион на повороте шоссе свалился с высоты в пятьсот метров. Владелец автомобиля успел выскочить на ходу и получил легкие ранения. Друг г. Стржигоцкого г. Стибор Бони, младший секретарь посольства в Эритрее, убит. При падении автомобиль разбился вдребезги. Согласно показаниям г. Стржигоцкого, вследствие разъединения рулевой тяги, он более не мог управлять машиной. Горе г. Казимира Стржигоцкого по поводу утраты друга не имеет границ.

1. ...Вечером, с рукой на перевязи и слегка исцарапанным виском, я вошел к Аминте. На меня была возложена печальная миссия известить ее о трагической гибели Стибора Бони. Я дважды постучался. Мне не ответили, и я открыл дверь. Аминта стояла у окна. Когда она повернулась ко мне, мне показалось, что еще никогда она не была такой. Она светилась страшной, чуть не сверхъестественной красотой. Я остановился на пороге, неуверенно выбирая слова.

— Мосье Бони... погиб... Но...

Она улыбалась. Улыбалась точно так, как рассказывал о ней лакей. Потом она подняла руки кверху...

Браслет. Металлический кружок над локтем.

Она ждет... Сейчас?... Нет!

Я бросаюсь к выходу.

В ее глазах насмешка. Впервые за всю мою жизнь я содрогаюсь и ощущаю страх.

2. ...Беспокойная скверная ночь. Убивать легко, но убивать бесцельно, для полуфантома, для призрака или котки, которая пугает тебя, — глупо. Днем я хотел войти к Аминте, но до трех часов дня меня тревожили репортеры и местные власти, которых интересуют подробности катастрофы. Вполне правдоподобные разъяснения. Разъединение рулевой тяги вследствие перелома так называемого ушка. Для автомобилистов — все ясно.

Несчастливая случайность. Никаких подозрений.

Завтра хоронят Стибора Бони. Я просил не беспокоить Аминту до похорон. У молодого человека, оказывается, нет близких, кроме нотариуса-опекуна. Это меня устраивает как нельзя лучше. Вообще, дело сделано чисто, и я напрасно стараюсь прогнать назойливый вопрос — зачем?... Я принял на себя все расходы. Похороны будут обставлены весьма прилично. Бедный юноша...

3. ...В четыре часа дня меня попросили в салон. Я захожу и у порога встречаюсь лицом к лицу с дамой. Она приехала только что из Лозанны в автомобиле. Вуаль еще закрывает ее лицо. Слегка наклоняю голову.

— Мадам...

Она хватается мою руку и сжимает ее. В салоне никого нет. Дама в сильном волнении. Я с трудом усаживаю ее в кресло. Со сдавленным рыданием, в страшном волнении, она шепчет:

— Генрих, Генрих...

— Вы... Ты... — Я ищу слов. Но это волнение, эта страсть, которая все еще владеет сердцем женщины. Страсть, которую не умертвили двадцать четыре года. Я не сентиментален, но я тоже чувствую некоторое волнение.

Такая встреча здесь, в салоне отеля, — каждую минуту могут войти.

Я крепко сжимаю ее руки. Мы выходим через открытую дверь в сад и медленно идем к беседке, спрятанной в плюще и шиповнике. На зеленой садовой скамейке она тихо плачет, прижимая вуаль к глазам. Как в кинематографе, лучи заката, отсвечивающие изумрудной зелены, падают на нас. Все еще стройное, как будто юное, тело. Все еще нежные мягкие руки. Лицо еще скрыто под золотистой вуалью, но я верю, что это те же черные глаза и опаловая кожа, и золотые волосы. И мне уже кажется, что нет двадцати четырех лет, нет моей седины и скверных морщин. Это Шенбрунн, парк в Шенбрунне, куда мы уехали тайком из Вены, пока полковник Ретль был на маневрах.

И в тридцати минутах отсюда нет часовни, цинкового гроба и изуродованного трупa моей жертвы.

Я сижу рядом с плачущей женщиной и не выпускаю ее руки. Как будто только эта рука связывает меня с моей безумной молодостью, пусть безумной и преступной...

По набережной проходят люди. Звонкие голоса, сирены машин и гудки пароходов на озере. И я все еще не могу найти слов.

— Я свободна, Генрих....

Я слышу тот же низкий голос, мелодию слов и с трудом понимаю, что говорит смеющаяся и плачущая женщина.

— Я не любила Ретля, Генрих, но вы поступили жестоко с ним... Я знаю, что вы не любили меня, что вам нужны были отвратительные бумаги, что вы бросили меня судебским чиновникам, сыщикам и бежали из Вены, что вся ваша жизнь...

— Зитта... — я заглушаю ее слова. — Зитта... — все это правда, но вы не должны меня упрекать... Зитта, вы не правы в одиом. Я любил вас... Я любил, и вы это знаете... Если бы этого не было, вы не искали бы и не нашли бы меня...

На секунду она умолкает, потом продолжает, горько жалуюсь:

— Суд... Ретль покончил с собой. Мои портреты во всех уличных газетах. Меня судят, но я же не знала, чего они хотели от меня. Судьи хотят погубить меня, но слишком ясна истина. Я оправдана. В глухой деревушке, в Венгрии,

год я прячусь от людей. Через два года я встречаю старого сноба, польского князя Радомирского. Он преследует меня, он любит меня, он женится на мне. Миллионы, дворцы, драгоценности и двадцать лет жизни с полутрупом. И всюду вы... Иногда я узнаю вас под маской. Я узнаю вас по вашей дерзости, по тем модам, которые вы вводите, по тому следу крови, вина и золота, который тянется за вами... Старик умирает. Я снова нахожу вас в Варшаве. Я посылаю вам письмо, я тайком вижу вас, я жду дня, когда кончатся формальности, первый месяц траура. И теперь...

Она откинула вуаль. Серебряные седые волосы, желтый профиль слоновой кости, и только те же глаза в темных впадинах.

Двадцать четыре и двадцать два. Сорок шесть лет.

— Генрих, у вас будут миллионы, у вас будет спокойная мудрая старость, у вас будет семья. Слушайте, слушайте, Генрих...

Она встает. Ее руки сжимают мои плечи... Она дрожит от волнения и радости.

— У нас есть сын. Это ваш сын, Генрих. Ему двадцать два года. Но для меня это все тот же мальчик, которого я прятала в венгерской деревне. Как я сохраняла эту тайну от старого князя, от его близких, от всего мира!.. Я дала ему чужое имя, он ничего не знал обо мне. За всю его жизнь он видел меня четыре раза. Вы увидите его, Генрих, и теперь мы, трое, не расстанемся... Он здесь, Генрих... Он здесь...

Я чувствую каждый удар сердца. Жилы мои наливаются как бы оловом. Я холодею от еще непонятого предчувствия... И дальше глухо звучат слова:

— Он здесь... он приехал сюда по моему письму... Может быть, вы видели его. Его имя Стибор Бони.

Несколько секунд я в оцепенении. Наконец, я говорю нужные слова.

— Зитта... Он в часовне на кладбище... Ваше место там...

Я закрываю глаза. Стон и шелест платья.

Не помню, что происходит дальше, но я прихожу в себя от влажной вечерней росы и холода. Беседка в плюще. Ночь.

Из освещенных окон отеля слышна музыка.

Люди в серебряных цилиндрах и ливреях, обшитых серебром, опустили в продолговатую глиняную яму цинковый гроб. В экипаже княгини Радомирской, бывшей фрау Ретль, я вернулся в отель. С почтительно-сочувственным видом я слушал ее. Она плакала над кольцом с изумрудом, над кольцом, которое я отдал ей. Как странно связал нас троих золотой кружок с зеленым камнем. Я наклонился над ее рукой...

— Не уходите...

— Зитта!..

Она удерживала меня жалкими вздрагивающими руками. Она угадала, что я ухожу навсегда.

— Не оставляйте меня...

— Я иду своим путем, Зитта... Я не смею идти с вами.

Запрокинув голову, она посмотрела на меня сухими пронизывающими глазами,

Я не ответил на безмолвный вопрос, И тогда, еще раз взглянув на изумруд, на меня, она вдруг задрожала и закрыла лицо руками.

Цепь быстрых мыслей.

Наш сын — я — кольцо — катастрофа... «След вина, золота и крови, который тянется...»

Мне кажется, что она поняла все.

— Это сделали вы!..

Может быть, она не сказала этих слов, но они явственно прозвучали в моих ушах. Я вышел.

Я вошел в комнату Аминты и дважды повернул ключ в замке.

Она сидит в той же соблазняющей неподвижности. Трудно себе представить, что живое существо может сохранить такую страшную и грешную неподвижность.

— Вы едете со мной, Аминта?

Она не отвечает, но вместе с тем ясно, что я не встречу сопротивления.

Она смотрит в мою сторону, и теперь, более чем когда-нибудь, я вижу сходство этого лица с тем, которое я видел в логове доктора С... двадцать два года назад. Сколько лиц,

сколько расширенных в страстном исступлении глаз, губы многих и многих, лукавые, грешные, строгие и злые рты, по то, что я увидел в полубреду, то, что я не мог разгадать двадцать один год назад, в Москве, отныне и навеки со мной. Я бросаюсь к ее коленям. Я охватываю их цепкими дрожащими руками. Это живое, трепещущее тело, я ощущаю его через тонкий, согретый этим телом шелк. Разве для этого не стоило сделать то, что я сделал три дня назад?

Она не сопротивляется, она смотрит на меня продолговатыми, удивленными глазами, глазами мифа, который все видел и все понял, который видел века...

Я, старый безумец, прошедший тысячи грешных и страшных дней, я, не знающий страха и презирающий смерть даже на склоне лет, я — убийца моего сына...

И я дрожу в ужасе, трепещу в предчувствии тайны. Я не смею коснуться ее, как касался тысячи женщин, не смею прикоснуться к той, для которой я опять и опять обагрил кровью свои руки. Она не плачет, не сопротивляется, не грозит, не проклинает... Она смотрит своими удивленными, ужасающими глазами. Это тайна, и я, продавец тайн, боюсь ее.

Наконец, я прикасаюсь к ней, и теперь ясно, что эти цепкие пальцы не выпустят ее. Она с бесстыдным равнодушием поднимает руки кверху и поправляет волосы. Падает к плечу широкий прозрачный рукав, и я вижу тонкий металлический кружок у кисти — браслет из невиданного металла, который я вижу во второй раз. Я поднимаю ее на руки. Она опускает голову и снова глядит на меня. В огромном алькове, где недавно она была с другим, я опускаю ее на подушки и жду. Она протягивает ко мне руки. Я беру ее руку выше локтя и притягиваю к себе в предчувствии долго желанных губ.

Мои пальцы скользят. Они касаются холодного металла — металлического кружка браслета на ее руке. Я уже перестаю думать. И резко притягиваю ее к себе. Холодный металлический кружок скользит вниз вдоль локтя, вдоль кисти и остается у меня в руке. И опять, как тогда, колю-

щий, опрокидывающий меня навзничь толчок, лиловая молния... Руки мои охватывают пустоту. Аминтайос нет.

В первую секунду мне кажется, что я помешался. Я закрываю на мгновение глаза и снова открываю их. Я царапаю себе руки и чувствую боль. Я поднимаюсь, зажигаю все электрические лампы в комнате. Но я один, один в этой большой комнате отеля, которую я запер на ключ. Это не галлюцинация. Это не бред. Это — цепь тайн, первое звено которой — Москва, коптский язык, сумасшедший врач и забываемое лицо женщины, а последнее — металлический кружок, браслет Аминты, который остался у меня в руке и который я держу и ощущаю.

Я подношу его к глазам и рассматриваю у лампы. Внутри кружка на сгибе слово, написанное русскими буквами, и цифры:

«Касимов. 1921».

ПОСЛЕДНИЕ ЗАМЕТКИ

1. ...«Белый орел». От меня требуют убийства. Человек, в которого я должен стрелять, к 6 часам вечера прибывает на Северный вокзал. У меня в руках его портрет. Человек с седой остроконечной бородкой и внимательным взглядом. Это народный комиссар республики Советов. Они хотят его смерти, но боятся, что капли его крови забрызгают портфели их министров. Поэтому я, которому нечего терять, у которого нет родины, должен совершить убийство. Неужели же человек с девятью фамилиями и таким прошлым годится только в наемные убийцы?.. Они думают, что человек, обреченный на смерть «Белым орлом», захочет этим выстрелом купить себе жизнь... Простая до глупости игра. Если я после выстрела доживу до процесса, то кто поверит трижды шпиону, что он куплен тайной монархической лигой? Если же я убегу, то всегда можно пристрелить лишнего свидетеля «Белого орла».

Я выслушал человека в круглых очках и с жемчугом в галстухе, небрежно играющего тростью. Толстый Гермес тайной лиги... Он силился быть серьезным и достойным важной миссии. Я встал, прошелся по комнате и остановился против него.

— Не знаю, как я бы принял ваше предложение раньше, но сейчас я должен отказаться.

Он уронил шляпу на пол, я любезно поднял ее.

— Видите ли, я заинтересован одной дамой; у меня нет времени заниматься глупыми уголовными романами...

Затем, не желая утруждать себя больше, я вышвырнул его за шиворот вместе с тростью, круглыми очками и шляпой.

Черт с ними, пусть убивают...

Аминта...

Аминта... Десятый день я ищу ее следов... Я не верю в это неестественное исчезновение. Может быть, это гипноз. Уловка гипнотизерши, оставившей воспоминание — метал-

лический кружок. На мое счастье, она не проходит бесследно даже в тысячной толпе. Я узнаю, что одной даме, приехавшей из Швейцарии, предложили контракт в «Гелиос-фильм». Директор увидел ее в ресторан-вагоне, сфотографировал ее и предложил ей контракт на пять лет.

Я говорил с директором. Веселый баденец утверждает, что он открыл новую звезду синема.

— Египетский профиль...Глаза не имеют равных. Рот, линии плеч, рост... К сожалению, фотографический снимок не удался. Он пригласил мадам в свою контору. Съемка в Стаакенс в ателье. Фильма «Дочь Псамметиха семнадцатого». Главная роль... Постановка Фридриха Фрея. Кажется, она — русская. Адрес?... В данную минуту мадам снимается в «Гелиос-ателье». Сорок минут езды в автомобиле. Мосье интересуется... Мосье покупает фильмы? «Гелиос-фильм» будет рад похвастаться звездой вне конкуренции.

Расстояние — сорок минут в автомобиле — мы проезжаем в двадцать одну минуту. Шофер не боится штрафов, потому что я оплачиваю все убытки этой сумасшедшей езды по городским улицам.

Мы — за городом. Я вижу гигантские строения, напоминающие ангараы для дирижаблей. Сквозь запыленную крышу — тусклые солнечные лучи. Слабые и тусклые лучи рядом с ослепляющим ровным белым светом сотни электрических ламп.

Директор «Гелиоса» наскоро сообщает мне цифры — площадь ателье, светосилу ламп, количество статистов и зверей, участвующих в «Псамметихе». Среди чудовищных огрызков колонн, сфинксов, пирамид, фронтонов храмов и напоминающих метелки пальм мы поднимаемся на площадку режиссера в тот самый момент, когда раздается рожок и еще сотня этих ужасающих ламп вспыхивает под стеклянной крышей ангара.

— Какая удача... Мосье попал удивительно кстати... Большая сцена...

— Где мадам?

— Вы увидите... Мадам будет позже... Крупные планы...

Я вижу, как внизу, перед серым полотняным горизонтом и сфинксом величиной в пятиэтажный дом, на настоящих песчаных буграх скачут несколько сот всадников. Далее происходит бой, причем некоторые всадники летят через головы лошадей и умирают в неестественных мучениях.

Худой косматый человек с седыми ключьями волос кричит в рупор:

— Пятая группа... больше ярости! Больше фанатизма!

Директор «Гелиоса» хватается из его рук рупор и кричит, багровея от натуги...

— За все вывихи, увечья и синяки — двойная плата...

Я дергаю за пиджак директора:

— Имя дочери Псамметиха?...

Директор возвращает рупор режиссеру, откашливаясь, отвечает:

— По сценарию — Аида... Это придумал я... Нужно популярное имя, не правда ли?

Мне нужно имя актрисы.

— Фирма еще не придумала... Согласитесь, это тоже имеет огромное значение... Выбор имени для начинающей актрисы..

— Где она?

Он делает жест вправо.

По другую сторону площадки пирамиды, храм, терраса, лестница и несколько тысяч статистов в явно молитвенной позе. Проходит не более пяти минут, пока электрические солнца из полотняной пустыни перемещаются по направлению храма. Затем снова рожок, ритмические движения и вопли в рупор худого человека. На террасе храма последовательно появляется отряд воинов, эфиопы, евнухи, мальчишки, изображающие пажей, жрецы, — все в количестве, приводящем в восторг директора «Гелиоса». Оцепенев от нетерпения и надежды, я напрягаю зрение. В золотом сверкающем плаще выходит женщина. Почти тот же рост. Цейс!.. Я вырываю бинокль у стоящего рядом директора и припадаю к стеклам. Отвратительная карикатура. Вульгарная, измазанная краской актриса, в лице которой ни одной чер-

ты, ни тени Аминтайос... Я бросаю бинокль и, окончательно приводя в ужас директора, убегаю от поддельных солнц, картонных храмов, пальм, сфинксов, пирамид и старых загримированных женщин.

Я уезжаю... хотя бы в Эритрею и дальше. Пожалуй, это полезно для моего здоровья. Вчера я угодил в уличную перестрелку. Полицейские пытались арестовать в толпе двух рабочих. Какие то хорошо одетые люди стреляли, помогая полиции. Но почему-то пули летели в ту сторону, где я укрывался.

Впрочем, может быть, это некоторая мнительность, но все же я хорошо знаю приемы «Белого орла».

Сегодня же мой архив, которым я имею право гордиться, — около двухсот тридцати женских портретов, тысяча с лишним писем моих возлюбленных, не менее ста прядей волос всех естественных и искусственных оттенков и цветов, наконец, некоторые документы, которые могут быть неприятны правительствам различных держав, и самое важное, *мои записки*, мой неудавшийся дневник найдут уютный и прочный приют в сейфе номер 24-14 Североэкспортного коммерческого банка.

Главное, записки... на самом дне сейфа.

Так лучше.

Этим кончаются записки человека с девятью фамилиями.

Профессор Густав Кори прочел последний листок рукописи. Прошло не менее часа. Не менее часа египтолог уделил легкомысленным запискам человека, который, казалось, был абсолютно чужд и неинтересен профессору. Однако, прочитав записки, он, не медля ни минуты, прочел их еще четыре раза подряд, подчеркивая и переписывая в свою записную книжку то, что ему казалось особенно важным. В девять часов вечера Густав Корн взялся за овсяную кашу с маргарином и от каши снова вернулся к запискам.

За окном вращались электрические крылья рекламы кинематографа. Улица выла, стонала десятками гудков, сирен и свистков. Но Густав Корн не вставал из-за письменного стола до тех пор, пока улица не затихла и в дождливом, облачном берлинском небе не просиял бледный рассвет.

Он заснул в кресле, по его рука все еще держала листок с выписками из рукописи неизвестного. В этом листке аккуратным и четким почерком было выведено и подчеркнуто следующее...

Часть вторая

ГИПОТЕЗА КОРНА

ЗА АМИНТАЙОС – В РОССИЮ

Цитаты из записок человека с девятью фамилиями.

1. ...Случай с коптской грамматикой... (17-21 страница рукописи).
2. ...Двадцать лет разделяют эти два лица...
3. ...Она не Венус, а Изида. В ней Восток...
4. ...Никогда не спит, не ощущает холода, голода, жажды...
5. ...Не могу ничего сказать о ней... Вам покажется невероятным...
6. ...Что вы думаете о Гомункулусе...
7. ...Гомункулус... Аминта... *Аминтайос*...

Неразборчивые заметки, сделанные рукою Густава Корна.

...Тысячелетия до христианской эры... Династия Сетхов, предшественников Рамсесов... в честь бога Сетха...

Царевна династии Сетхов... *Аминтайос*...

Аминта = *Аминтайос*... последние слова.

Аминтайос на языке египтян *Дар Амона*.

Справна: *Аминтайос* — *Дар Амона* — царевна династии Сетхов, погребена в долине фараонов.

Усыпальница разграблена, по-видимому, во втором веке. Мумии не найдено.

Пока в одних домах на зеленых деревьях горели разноцветные свечи, отражаясь в серебряных стеклышках, в зо-

лотой канители и вызолоченных орешках, пока в других домах, на окраинах, праздник напоминал о себе куском мяса в похлебке, — Густав Кори построил любопытнейшее умозаключение, гипотезу о восстановлении из ничто египетской принцессы Аминтайос и ее появлении в отеле «Шильон» у Женевского озера. Путешествие Казимира Стржигоцкого в Эритрею ему показалось неосторожнейшим и легкомысленным поступком, не идущим, впрочем, вразрез с характером этого аморального существа. Путешествие совпало с крестьянским восстанием в Эритрее. В грохоте пулеметной и орудийной пальбы едва ли кто-нибудь прислушивается к лишнему револьверному выстрелу, которым покончат с беспокойным агентом «Белого орла». Впрочем, ничего нового Казимир Стржигоцкий не может сообщить египтологу. Гораздо интереснее покойный Стибор Бони. Но и он вряд ли знал тайну... По-видимому, его появление рядом с Аминтайос — чистая случайность. Разгадка — в браслете из неизвестного металла, в металлическом кружке-браслете с надписью на сгибе «Касимов 1921». Несмотря на круглое невежество в области археологии, автор заметок угадал только одно. Металлический кружок есть первое звено в цепи тайн. Тайну Аминтайос нужно искать в...

Энциклопедия Брокгауза и Ефрона: «Касимов Махмет-Исуп — русский посол в Индии. К. поручено было представить Великому Моголу Ауренгзебу царскую грамоту (1675 год), в которой Алексей Михайлович предлагал установить торговые сношения между обеими странами...»

Не то. Дальше. Энциклопедия, справочники, атласы, все, что под рукой...

Справочник — Восточная Европа — Россия.

«Касимов — уездный город Рязанской губернии на реке Оке. Был пожалован в удел татарскому царевичу Касиму. По переписи 1909 года 17075 жителей, из них две тысячи татар. Кожевенные, мерлушечные заводы. Кустари — кузнецы, прядильщики, сапожники, шитье тулупов, очистка козьего пуха. Татары уходят на промыслы, на железнодорожные станции, в официанты. Городской общественный банк, мужская и женская прогимназии, 16 начальных

школ. Узкоколейная Рязано-Владимирская железная дорога».

Касимов — город в России.

Тайну Аминтайос нужно искать в России.

Остальное — мелочи. Сейф 24-14 очищен по указанию «Белого орла».

Доверенность на открытие сейфа, вероятно, подделана. Из сейфа вытащили все, кроме записок Стржигоцкого. Тонкая пачка исписанных листков случайно осталась на дне сейфа. Люди, которым было поручено очистить сейф, по видимому, торопились. Доверенность могла вызвать подозрения, и потому второпях забыли записки Стржигоцкого.

Счастливая случайность дала в руки египтолога Густава Корна намек, тень величайшего события в истории мира. Если бы этот намек попал в руки сухого, тупого просиживателя стульев в академии, Европа и мир никогда бы не услышали об Аминтайос. Но недаром Густав Корн ценил Эрнста Амадея Гофмана. Недаром, кроме сухой эрудиции, Густав Кори обладал гениальным полетом мысли. Если битые черепки и бусы дали ему возможность написать ценный труд о «Заупокойном культе древних египтян», то живая Аминтайос откроет его глазам живой Египет, каким он был в дни династии Сетхов, предшественников Рамсесов, названных по имени бога пустыни. И будет день, когда египтология, считающая эпохой открытие Шампольона, прочитавшего иероглифы, второй эпохой назовет открытие Густава Корна, прочитавшего живую царевну династии Сетхов Аминтайос в одетой Пуаре даме, называемой Аминта. От Шампольона к Густаву Корну.

Итак, за Аминтайос...

Нужно проверить некоторые факты. Густава Корна занимают не тайны политических департаментов, не работа «Белого орла», не романтическая интрига фрау Ретль, княгини Радомирской, не преступление Казимира Стржигоцкого, но Аминтайос...

Густав Корн — прибалтийский немец. Еще пятнадцать лет назад на нем была фуражка с двумя серебряными веточками накрест и буквами Р. I. Г. — Рижская первая гим-

назия. Русский язык забывался с трудом, может быть, еще потому, что европейская война сделала из египтолога сначала писаря, потом переводчика в пресс-бюро штаба группы Эйхгорна. При всех этих обстоятельствах путешествие в Россию не представляло затруднений. За Аминтайос — в Россию.

ДВОЙНОЙ СЛЕД

Прямая линия есть кратчайшее расстояние между двумя точками.

Густав Корн двигался приблизительно по прямой линии, держа курс на Унтер-ден-Линден — Полномочное представительство Союза Республик.

Молодой человек в круглых роговых очках попросил его подробно записать цель поездки и приложить соответствующие бумаги. От времени подачи бумаг до получения паспорта с визой прошло энное количество времени. Археологические изыскания в Касимове — вполне убедительный довод. Однако, Густава Корна попросили иметь в виду, что все находящееся в недрах земли Союза Республик принадлежит Союзу и вывозу из его пределов не подлежит. Корн не возражал и ровно через восемь дней по перрону вокзала в Москве двигался несколько сутулый, бритый человек не свыше тридцати пяти лет от роду, легко держащий на весу чемодан небольшой емкости.

Если бы мысли египтолога не были заняты рукописью, найденной в сейфе, он был бы внимателен к городу, который видел впервые, он был бы внимателен к старым узким улицам, внезапно взбирающимся на горбатые холмы, к деревянным двухэтажным флигелям рядом с кубами шестиэтажных домов, к неукротимому, бодрому движению толпы от центра к перифериям. Может быть, он бы разглядел столб трамвайной остановки у Никитских ворот, пробитый ружейными пулями, вывеску музыкального магазина, которую несложными вензелями изрешетили пули. И эти мертвые вещи — столб и вывеска — рассказали бы Густаву Корну, что было семь лет назад на площади. Вещи хорошо помнят старый двухэтажный дом с аптекой и трактиром Желтова как раз на том месте, где теперь стоит памятник ученому в гранитной тоге доктора Оксфордского университета и где бегают по желтому песку площадки дети; помнят они и высокий, точно новый шестиэтажный

дом, несколько ночей горевший желтым дымным пламенем в то время, как от Арбата по бульварам били из пулеметов юнкера, а от памятника русскому поэту Пушкину стреляли из винтовок и пушек большевики. Но Густав Корн — египтолог. Имеют ли отношение простреленный столб трамвайной остановки и вывеска музыкального магазина к династии Сетхов, предшественников династии Рамсесов? Если бы это были малахитовые бусины, амулеты и черепки, вырытые феллахами в Абидосе!..

Густав Корн почти не читает газет и не видит улиц, по которым, оставив неизгладимые следы, прошла история новых времен и людей. И даже изъезженный пулями трехэтажный фасад маленькой, переполненной людьми гостиницы, называющейся «Красный май», не вызывает в нем никаких ассоциаций. Густав Корн живет в эпоху фараонов, пять тысячелетий до христианской эры. И как странно, что манускрипт Казимира Стржигоцкого освещает не масляная лампа писца, склонившегося над папирусом, а электрическая лампа в пятьдесят свечей.

Под окнами квадратной комнаты Густава Корна грохочут, сотрясая стекла, грузовики. Они развозят по домам детей в красных платочках. На улице праздник. Звонко стучат копытами кони всадников в остроконечных шлемах, поет певучая медь военных оркестров и плывут над головами людей знамена с золотыми остриями над молотом и серпом.

Впрочем, все это, как полагает Корн, не имеет отношения к его миссии.

Четвертый день Густав Корн в Москве убеждается в превосходстве русского пива. История Аминтайос временно отошла в пространство. Ученые, коллеги Густава Корна в Москве, мало расположены к экскурсиям в область четвертого измерения. У них слишком много дел: наиболее заслуженные, как о них говорили, с головой ушли в разработку теории «законного совместительства», что для Густава Корна являлось чем-то неведомым и недостижимым, не менее важным, чем теория относительности. Академик Карташев, имя которого с особым почтением произносилось

тремя академиями мира, принял Густава Корна несколько странно. Он говорил с ним через дверную цепочку крайне сухо и сдержанно, прием сразу наотрез заявил, что платить за коммунальные услуги не предполагает.

Густав Корн разъяснил, что вопрос о коммунальных услугах недостаточно освещен в литературе об архаическом Египте и что он попытается осветить в беседе это обстоятельство.

Академик Карташев взялся за дверную цепочку, вынул голову в дверную щель насколько возможно и с некоторым удивлением спросил:

— Вы из домоуправления?..

— Нет, профессор...

Академик предупредительно загремел цепочкой и целой системой замков и широко открыл дверь.

С некоторой осторожностью, чтобы не испугать Карташева масштабом своих изысканий, Корн сказал несколько кратких вступительных слов о живом источнике египтологии. Карташев выслушал его довольно внимательно, не перебивая ни одним словом, и когда Густав Корн кончил, он встал и дал этим понять, что считает визит окончанным. Теряясь в предположениях, Густав Корн пожал протянутую руку и, постепенно отступая перед знаменитым коллегой, направился к выходу.

У самых дверей Карташев вдруг спросил его:

— Я имел удовольствие беседовать с Густавом Корном, о труде коего «Сверхъестественные методы в египтологии» имеется отзыв профессора Генриха Ренера?

— Вы не ошибаетесь, коллега...

— Благодарю вас. Это все.

— Вы желали сказать...

— Ничего, кроме того, что я весьма уважаю мнение почтенного коллеги Генриха Ренера.

Он загремел цепью и засовами, и Густав Корн очутился по ту сторону двери.

В совершенном изумлении он дошел по бульвару до памятника поэту, который был ему известен, как автор не вполне авторитетного труда в стихах, именующегося «Еги-

петские ночи». Затем человеческий поток увлек его направо по оживленной улице и нес его до тех пор, пока не упер в афишу под фонарем, расписанную малоразборчивыми буквами, напоминающими клинопись. Это обстоятельство несколько задержало Корна. Афиша извещала о том, что в кафе «Копыто Пегаса», кроме очередных номеров любимцы публики Наташи Кауриной, которая исполнит «Мичман Джон» и романс «А ну вас к черту», состоится выступление группы поэтов «макогонокосмистов» и «трипльконструктивистов». Кроме того, несколько ниже была четкая надпись «Пиво кружками», которая, собственно, и вызвала появление Густава Корна в «Копыте Пегаса».

На высоте человеческого роста стены «Копыта» разделаны спиралями, завитками и штопорами. Историки этого места хорошо помнят, как художник, обладающий хорошим именем, замшевыми галифе и желтыми крагами, бесстрашно полез на лестницу и собственноручно лишил сомнительной белизны стены кафе. Но затем художник с хорошим именем исчерпал аванс и уступил свое место на лесенке своему ученику — просто художнику, а тот уступил своему ученику. К концу года стены «Копыта» на высоте человеческого роста покрылись упомянутыми изображениями. Известен случай, когда добрая «Старая Бавария» пыталась сделать из «Копыта» добропорядочную пивную, но оказалась от своего намерения. Маститые пивоведы, любители воблы и моченого гороха, оказались крайне консервативны во взглядах на искусство, и «Старая Бавария», не одолев нового искусства, перекочевала в более приспособленное помещение. Тогда так называемое МУНИ, управляющее недвижимыми имуществами Москвы, махнуло рукой на заколдованное место, и там опять водворилось получившее к тому времени солидную известность «Копыто Пегаса».

Почти все столики кафе были заняты. Это — провинциалы, которых жилищный кризис застал в центре города. Кафе открыто до рассвета и многие предпочитают это более комфортабельное, чем вокзалы, место. Кроме провинциалов, здесь за менее удобными столиками были завсег-

датаи. Они аплодировали, нока юноша в блузе читал, притоптытая ногой и дергая головой, как лошадь на мартингале:

Щитом о щит... Серсо на шаре...
Сарданапал сугробит шаг.
Палаш шероховато шарит
Шуршащий чешуей шишак...

Затем дородный молодой человек с сильно развитым бюстом пел более вразумительные куплеты о теще и барышнях, которые прибегают к румянам.

Вторая кружка пива была бы последней, выпитой Густавом Корном в Москве. Он решил утром ехать в Касимов. Но дверь хлопнула пистолетным выстрелом, заглушая две скрипки, рояль, виолончель и куплетиста с сильно развитым бюстом.

НОЧЬ ВО ВКУСЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО

Молодой человек заметной внешности, в цилиндре и шарфе поверх пальто, гладко выбритый, с явными следами пудры на лице и гримировальных карандашей, вошел и, обходя столы, принимал шумные приветствия завсегда-таев кафе. По-видимому, это была весьма почтенная личность, которой оказывали внимание барышни из кафе и даже монументальная кассирша. Что же касается провинциалов, то молодой человек приветствовал их кратко:

— Привет фармацевтам!..

Затем он повернулся на каблуках, выбирая себе достойное место и, не обращая ни малейшего внимания на Густава Корна, присел за его столик. Несколько секунд он уделит толстому куплетисту, с которым вступил в пререкания из-за бутылки красного вина, которая некогда была выпита кем-то не без содействия толстого куплетиста. Куплетист спешно закончил куплеты, а вновь пришедший молодой человек, заказав себе полдюжины пива, обратил внимание на Густава Корна.

— Иностранец? *Etranger? Ausländer? Foreigner? Forestiere?*

Густав Корн вежливо и утвердительно ответил по-русски.

— Инженер?

— Нет.

— Жаль. Предпочитаю позитивные науки.

Затем он шумно одобрил маленькую танцовщицу на эстраде, называя ее уменьшительным именем, и продолжал, не сделав ни малейшей паузы:

— По глупости родителей, занимался сначала общественными науками, затем искусством, затем философией... в настоящее время предполагаю открыть антикварный магазин или издавать театральный журнал. А вы?

— Я занимаюсь археологией.

Молодой человек издал краткое значительное ржание и зевнул.

— Что делаете в этом притоне?

Корн вкратце объяснил. В первый раз в Москве. Нет знакомых. Завтра уезжает в Касимов. Вместе с тем, он еле скрыл изумление при виде быстроты, с которой его собеседник одновременно расправлялся с бутылками пива, пререкался с барышней, которая не успевала открывать бутылки, наливал пиво Корну, следил за происходящим на сцене и всем телом делал танцевальные движения.

Поклонник Гофмана и энтузиаст-египтолог должен был сознаться, что появление неизвестного оказало явное влияние на настроение всего кафе. На его глазах все как бы сразу подернулось облаком табачного дыма, сравнительно благопристойная тишина сменилась стрекотанием и жужжанием на всех столиках, квартет на эстраде превращал свои струнные инструменты в ударные, причем главную роль в мелодии играла хлопающая крышка рояля. Реплики самого легкомысленного характера перелетали из конца в конец кафе. Происходящее на эстраде увеличивало сумятицу и не претендовало на внимание зрителей. И спустя пятнадцать минут Густав Корн, перед тем, как окончательно утонуть в бедламе, увидел перед собой заграждение из пивных бутылок и почувствовал тяжесть в конечностях. Между тем, его собеседник довольно связно говорил одновременно об Эразме Роттердамском и о свойствах русской махорки.

Было бы вполне естественно, если бы при этой коллизии незнакомец претворил воду в вино и спел популярную арию Мефистофеля из второй картины «Фауста» Гуно.

Спартанский образ жизни, маргарин, картофель, кофе-эрзац фрау Миллер и вдруг, по меньшей мере, полдюжины бутылок, непрерывно наполняющийся стакан, музыка и молодой человек, до крайности словоохотливый и заботливый.

Спустя пятнадцать минут, Корн знал в точности, что благосостояние молодого человека упрочено благодаря заказу монографии «Собака-ищейка в уголовном розыске за

пять лет». Кроме того, он узнал, что молодого человека зовут Борис, фамилия ему — Пирамидов, что ему двадцать восемь лет и что он принадлежит к литературной группе «Водолей», био-экс-центристов, которая четыре года назад выпустила свою декларацию и сборник. Но на человека, долго не пившего ничего, кроме кофе-эрзац фрау Минны Миллер, пиво действует довольно медленно, из пяти внешних чувств действуя сначала на зрение и слух, и дымная завеса сначала заволокла дальние углы кафе, потом передвинулась ближе, и в поле зрения Корна остались только два-три столика вблизи; наконец, он с некоторым трудом понял, что за их столом сидят уже не менее пяти человек, кроме Бориса Пирамидова. Каждого вновь прибывшего Пирамидов извещал кратко:

— Мой друг детства... Иностранец... Профессор Кори...

Вновь пришедший жал руку Корна, запасался бокалом, а затем говорил все то, что ему вздумается, не обращая внимания на соседа. Таким образом, за столом Корна одновременно разговаривали шесть человек. Там же произносились тосты за слияние Востока и Запада, за Гейне, Ницше, Гете, Достоевского, Маяковского и за прибывшего в Москву Густава Корна. Затем, к тому времени, как явилась необходимость платить, за столом Корна остался только один Пирамидов, который широким жестом удержал руку Корна, извлекавшую не особенно объемистый бумажник. Краткое объяснение с кассиршей, потом с барышней, подававшей пиво, потом с молодым человеком, размахивающим руками в бриллиантовых перстнях и тростью из слоновой кости, и затем, ощущая странную гибкость в ногах, Густав Кори очутился на улице.

Ранний весенний рассвет, дождь. Ноги странно скользили, и приходилось крепко держаться за руку Бориса Пирамидова. Вместе с тем, от влажной сырости и прохлады постепенно возвращалась острота зрения и слух. Над ухом уже явственно трещал Пирамидов:

— Дряблые декаденты... Легенда о Петербурге... Гоголь, Достоевский, Медный всадник, «В гранит оделася Нева»... Эстетизм, ха ха-ха... Не так ли, мой друг?... А Большой Ка-

менный?.. А Москва-река?.. Москва! Славянофильствую — и горжусь... Петербург — гниль, сырость... Дрянь... Герр Штольц... Вы — Штольц, я — Обломов. Какова река... А... Ледоход?

И Густав Корн, который пытался протестовать против фамилии Штольц, вдруг увидел мокрые быки моста и аршином ниже быстрые мутные волны и обломки синих льдин. Дальше вставали зубцы Кремлевской стены, башни, придавленные купола и дворец с красным флагом на флагштоке... Низко над рекой таял туман, жался к пустынной набережной. Купола, дворец и башни всплывали над туманом в медленном рассвете.

И вдруг прямо на них легкая набегающая тень — женщина в легкой, длинной одежде, и первое, что увидел и понял Корн, — уреус — золотой головной убор в волосах.

— Аминтайос...

Милиционер по ту сторону моста увидел легко мелькнувшую тень, затем долговязого запыхавшегося человека, мчавшегося ней, потом третьего бритого в цилиндре, неестественно бледного, который бежал, размахивая руками и вопя:

— Герр Штольц!.. Герр Штольц!..

Милиционер положил руку на рукоятку «нагана», но выкатившийся из переулка автомобиль закрыл всех троих, затем от них не осталось и следа. Тогда милиционер задумчиво свистнул и вскоре решил:

— Семейное дело.

Река поднималась, и это обстоятельство отвлекло его внимание.

Приблизительно на Волхонке, против бывшего дома Пашкова, Борис Пирамидов, бежавший по мостовой, увидел тело у фонаря.

Под фонарем лежал Густав Корн, медленно растиравший синюю шишку над бровью и, как это ни странно, вид у него был не столько смущенный, сколько в высшей степени задумчивый. Борис Пирамидов пощупал рукою шишку, помог Корну встать и сказал:

— Кто это вас так?...

На что Густав Корн ответил совершенно невпопад:
— Я не поеду в Касимов... — и с размаху ударил кулаком по фонарному столбу. — Вы видели?.. Вы ее видели?..

— Видел... Эх вас разбирает...

— И она ушла!..

— Идиотка!.. Да и вы хороши... Простите, профессор.

— Как вы это себе объясняете?..

— Ерунда... Просто — маскарад...

Густав Корн довольно иронически усмехнулся.

— Для меня это вопрос жизни... Если бы не проклятый фонарный столб...

На Пирамидова слегка действует тон Корна.

— Дернуло же вас напороться...

— Я уронил очки.

Они поискали на тротуаре. Вдруг Борис Пирамидов перевернулся на каблуках и потрепал по плечу Корна:

— Послушайте, все ясно... *Студанабал...*

Корн слегка отодвинулся.

— Студанабал... Студия аналитического балета... Сегодня там вечеринка...

Корн взглянул на часы, пощупал шишку и сказал безнадёжно:

— Я не приглашен... Притом я сильно взволнован...

— Да нет же... Не в этом дело... Студанабал — здесь за углом. Там вечеринка... Девушка с вечеринки... в костюме. Все ясно...

Густав Корн размышлял не менее минуты. Потом он решительно мотнул головой и убежденно сказал:

— Коллега... Вы можете уделить мне час времени?..

Пирамидов опять удивился.

— Мы поедem ко мне в «Красный май».

И когда они ехали в трясках извозчичьих дрожках, Густав Корн, как загипнотизированный, не отводя глаз от заплата на спине извозчика, произнес, не останавливаясь, следующее:

— Будучи уверен в том, что имею дело в вашем лице с глубоким интеллектом, не чуждым науке, я посвящу вас в некоторые данные, которые помогут вам разобраться в яв-

лении, имевшем место сегодня...

Затем он молчал все время, пока они ехали вдоль пустынных улиц, пока Пирамидов, не доверяя звонку, тремя отдельными ударами каблука в дверь гостиницы поднимал швейцара, пока он же неодобрительно рассматривал обои комнаты.

Наконец, когда Пирамидов сел и выжидательно посмотрел ему в лицо, Густав Кори открыл чемодан, вытащил пачку тонких, просвечивающих, исписанных листов бумаги и положил перед ним.

— Следующий подлинный документ имеется в моем распоряжении. Потрудитесь ознакомиться с ним и сделать вывод.

Пирамидов зажег лампу на письменном столе, почтительно взвесил в руке рукопись и решительно взялся за первую страницу.

Густав Кори сидел неподвижно в кресле. Однообразно шелестели страницы в руках Пирамидова. Зеленый колпак лампы отбрасывал тень на его лицо. Корн несколько минут следил за руками Пирамидова, затем стол, лампа, Пирамидов отодвинулись в сторону, — и всплыли мутные быстрые волны, мокрые быки моста, влажный рассвет, купола и башни... Потом сразу провал в щель, в сон без снов и мыслей.

Проснулся от легкого толчка. Солнце из окна — в зеркало, из зеркала — тупым углом на пол, звон трамвая и взвизги машин. Прямо над головой — Пирамидов, воздевающий к потолку руки:

— Это гениально!.. Это замечательно!.. Это неслыханно!..

ВЫЯСНЯЮТСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Из угла в угол квадратной комнаты, по диагонали, носится Борис Пирамидов. Густав Корн сидит в кресле, положив ноги на бархатный диван, и слушает с нескрываемым удовольствием.

— Дорогой профессор... Никакой мистики, никакой чертовщины!... Все ясно, как молния. Разумеется, не мне с моей физикой по Краевичу, в объеме гимназического курса, но лошадь есть лошадь... Послушайте, я предлагаю... союз, соглашение, договор. На вечные времена... Я энтузиаст, черт возьми! Вы — скептик... «волна и камень, стихи и проза, лед и пламень...» Задание номер первый...

— Разыскать Аминтайос...

— Именно... Я беру на себя. Москва у меня на ладони... Задание номер второй: эта шельма, этот новый Казанова... как его? — Казимир Стржигоцкий... Как-никак — доказательство... Затем вы читаете кратчайший доклад в содружестве «Лотос и треугольник»... Меценаты, мистики, гностики... Сразу деньги... Средства... Мировая реклама. Экстренный всемирный съезд египтологов. Доклад Густава Корна, содоклад Бориса Пирамидова, демонстрация египетской принцессы Аминтайос — экспонат — пять тысяч лет до христианской эры... Последняя египетская модель... Тутанхамон?.. Ха! Лорд Карнарвон?.. Нуль, нуль и нуль!.. Аминтайос — Густав Корн, Борис Пирамидов и К°.

Мохнатый малиновый шарф мотался из угла в угол комнаты. Затем и он, и мелькающий, как искра, прибор скрылись. Хлопнула дверь, в щель просунулась голова Пирамидова:

— Буду к вечеру!.. Экстренное задание... Сто процентов нагрузки.

Дверь снова хлопнула. Кори почувствовал, что он больше не может сопротивляться... Бессонная ночь, волнение, монологи Пирамидова... Веки смыкались против воли, точ-

но сжимаемые чужими пальцами, и Густав Корн опять провалился в сон, в безмолвие.

И точно, как в первый раз, через неопределенное время, из сна в жизнь. Звонкий голос Пирамидова. В комнате полутемно, зеленый отсвет газового фонаря с улицы и пляшущая тень на стене.

— Меры к розыску приняты... В Студанабал — вечеринка — вчера. Костюмированные. Видная особа — египтянка. Впрочем, египтянок вообще не менее дюжины. Легкий скандал. Появление мужа. Исчезновение египтянки. Верхнее платье осталось... Предупреждаю, это чисто обывательское толкование. Не верю!.. Приму меры!.. Пока идем...

Но какие неограниченные возможности!... Некто Хрящ... в некотором роде писатель... председатель содружества «Лотос и треугольник», ждет нас обоих... Явная субсидия без малейшего посвящения в суть дела... Вам — абсолютное доверие. Почва подготовлена.

Корн понял, что инициатива в руках Пирамидова. Только на улице, перед тем, как сесть в извозчицьи дрожки, в которые уперлась трость Пирамидова, осмелился произнести:

— Однако же...

Но как раз в это мгновение газетчик, с потрясающей ловкостью вынырнувший из-под колес автомобиля, взвизгнул:

— Вечерняя газета... Подробности чудо-ребенка... Переворот в Эритрее... Переворот в Эритрее!

ЕЩЕ НОВОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО

ВЕНА. По сведениям, полученным здесь из официальных источников, 14 марта в шесть часов вечера распущен парламент Эритреи. Вся полнота власти вручена инспектору эритрейской кавалерии, генералу Париси. Кабинет министров в полном составе заключен в тюрьму и подал в отставку. Бывший премьер-министр граф Пачули скрылся.

ВЕНА. (От собственного корреспондента). Диктатором Эритреи генералом Париси выпущено обращение к населению. Находящиеся в цитадели министры прежнего кабинета неудачно пытались бежать. По полученным посланником Эритреи в Вене сообщениям, кабинет министров убит при попытке к побегу. Вновь назначенный посланник Эритреи убежден в прочности новой власти.

ВЕНА. Галиканский посол в Парапамизе (столица Эритреи) вручил от имени своего правительства ноту генералу Париси, в которой, как известно, содержится непризнание Галией нового правительства Эритреи. Посол Альбиона в Парапамизе вручил от имени своего правительства ноту, которая, как известно, содержит признание нового правительства Эритреи. В городе полное спокойствие.

ПАРАПАМИЗ. Корреспондент Агентства Райта сообщает последние данные о генерале Париси, совершившем переворот 14 марта. Генерал Париси недавно прибыл в Эритрею из Германии. В мировую войну он был полковником армии Аргентины и до вступления Соединенных Штатов в войну находился в Копенгагене. Задолго до поступления на службу в ар-

гентинскую армию, он был политическим агентом некоторых правительств и особенно проявил себя в колониальном конфликте, имевшем место в 1913 году. По приезде в Эритрею, он занялся снабжением и перевооружением эритрейской кавалерии и был назначен генерал-инспектором. Воспользовавшись парламентскими трениями и непопулярностью последнего кабинета министров, он произвел переворот 14 марта, который и дал ему всю полноту власти.

- А?.. Что?..
- Да... Пожалуй.
- Ну ясно!..
- Да нет же...
- Он. Никаких сомнений.
- Что же делать?..
- Ехать.
- Куда?..
- В Эритрею... За ним...
- Когда?...
- Завтра...
- Ну что ж... Идет...
- Я — там, вы — здесь...
- Ура!
- Браво!

Извозчик, слегка повернувшись на козлах, видит, как двое с удовольствием жмут друг другу руки.

Часть третья

ДИКТАТОР ЭРИТРЕИ

Как нам известно из географии, местность, именуемая Эритреей, ранее составляла южный округ империи, который дельта реки Литы превратила в унылую болотистую равнину. Леса Эритреи не изобилуют пушным зверем, реки (собственно река Литы) не изобилуют рыбой, но судоходны. Эритрея не имеет ни добывающей, ни обрабатывающей промышленности. Единственный промысел жителей Эритреи — земледелие в полосе, где страна граничит с плодородной Имогенией, и производство мышеловок, которым издавна славились жители Эритреи. Происхождение государства Эритреи нисходит к самым недавним временам, т. е. к миру, заключенному не столь давно в Версале. Маркиз де Шакал, представитель Галии на мирной конференции, без особого труда доказал, что местность, находящаяся на юге бывшей империи, представляет собой особое государственное и национальное образование, с незапамятных времен пользовавшееся абсолютной независимостью, имеющее вполне обособленную и вполне развитую промышленность и культуру и имеющее все права на самоопределение. К сему была приложена покрытая пятьюстами тысячами подписей петиция жителей Эритреи, у которых, по-видимому, в силу особых климатических условий этой страны выработался в общем неразборчивый очерк. После некоторых слабых возражений со стороны представителей побежденной империи бывший южный округ бывшей империи получил желанную независимость, и государственная власть Эритреи сконструировалась по высоким образцам соседних могущественных республик. На юге Эритрея граничит с вольным городом и областью Инза, на севере — с государствами Имогения и Эвклида, на востоке с Транслитанией, на западе — с королевством Витамин. Как нам известно, республика Эритрея не имеет выхода к морю и владеет лишь верхней частью дельты реки Литы. Нижняя часть Литы находится во владении свободного города

и порта Имзы. Указанные особенности географического положения Эритреи дают ей, однако, некоторые преимущества по сравнению с другими, лежащими вверх по течению реки Литы, независимыми государствами.

Государство Эритрея может мешать судоходству по реке Лите, а главное, затруднить судам соседних государств сношения с морским портом Инзой. Это обстоятельство в достаточной мере использовано Эритреей и, таким образом, нужно признать весьма успешной мудрую политику маркиза де Шакала.

Мы наблюдаем весьма оживленные дипломатические сношения между государствами, лежащими вверх по реке Лите, и Эритреей. Не менее, чем двенадцать раз в год, созываются конференции по вопросу о судоходстве по реке Лите и свободном транзите товаров в морской порт Инзу. Финансовое благосостояние Эритреи в данное время укрепилось именно благодаря удачному географическому положению ее. Обложение товаров, идущих на речных судах вниз по Лите, дало возможность Эритрее произвести удачную девальвацию и установить весьма устойчивый курс — шесть триллионов эритрейских лир — один доллар. Сравнительно крепкий бюджет и устойчивость курса эритрейской денежной единицы на европейских биржах выдвинули вопрос о расширении территории Эритреи за счет наименее могущественной из соседних республик, за счет Имогении.

Имеются также и привходящие обстоятельства.

Но тут мы переходим в область чисто архивных изысканий и для большей точности наших суждений о республике Эритрея будем пользоваться проверенными и говорящими за себя документами.

ВОПРОС ОБ ЭРИТРЕЕ В ПАРЛАМЕНТЕ ОБЪЕДИНЕННЫХ ИМПЕРИЙ

Маркиз Эмери, депутат консервативной партии:

— Известно ли правительству, что галиканский посланник в Эритрее оказывает давление на правительство Эритреи в смысле окончательного прекращения экспортной торговли Имогении, путем закрытия Имогении доступа по реке Лите к морскому порту Инзе, причем, разумеется, страдают интересы торговли соединенных империй? Если известно, то что намерено по этому поводу предпринять правительство объединенных империй?

Вопрос об Эритрее в палате депутатов Гальской
республики

Депутат Пьер Огратэн (национал-либерал):

— Известно ли правительству, что посол Альбиона в Имогении предложил правительству Имогении кредиты на достройку шести речных канонерских лодок и шести аэропланов? Если известно, то что по этому поводу намерено предпринять правительство Галикании?

В обоих случаях министры иностранных дел дают самые успокоительные разъяснения и подчеркивают дружественные чувства Галии к Альбиону и наоборот.

Спустя два месяца

ЗАГОЛОВОК ОФИЦИАЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ «Галия».

Имогения готовится к войне. Мобилизовано два старших возраста.

ЗАГОЛОВОК ОФИЦИАЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ «Альбион».

Эритрея готовится к войне. Мобилизовано два старших возраста.

Спустя неделю

...В Альбано состоится свидание премьер-министра Галии г. Ла-Гер с премьер-министром Альбиона м-ром Маком. По всей вероятности, будет обсуждаться вопрос о разграничении интересов Галии и Альбиона в дельте реки Литы и установления нейтральной зоны между Эритреей и Имогенией.

Еще неделя

ОБЕ ОФИЦИАЛЬНЫЕ ГАЗЕТЫ

Из Эритреи и Имогении сообщают самые утешительные сведения. Демобилизованы два младших возраста.

Но продолжение следует:

Вопрос депутата парламенте маркиза Эмери (консерватора) в парламенте Альбиона:

— Известно ли правительству, что посол Галикании в Эритрее поддерживает антиальбионскую политику премьер-министра графа Пачули, и что намерено предпринять правительство его величества по этому поводу?

Спустя два месяца

ОФИЦИАЛЬНАЯ ГАЗЕТА «Галия»

Переворот в Эритрее. Власть захвачена известным своей авантюристической и алармистской политикой генералом Париси, противником графа Пачули.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ГАЗЕТА «Альбион»

Кризис власти в Эритрее. Власть перешла к известному своей пацифистской политикой общественному деятелю — генералу Париси.

Занавес

В продолжение двух недель границы Эритреи закрыты. и редакторы газет всего земного шара сообщают все, что им вздумается, о событиях в Эритрее.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЭРИТРЕЮ

Итак, паспорт человека, желающего посетить Эритрею в самый обыкновенный, мирный период ее существования, должен иметь двадцать шесть транзитных виз. Первую дюжину виз Густав Корн, с некоторой затратой энергии, получил в Москве. Он беседовал с однообразными чиновниками разнообразных посольств и консульств, причем каждый подозревал в нем одновременно террориста, пропагандиста, разведчика, контрразведчика и тайного политического агента всех европейских держав вместе и порознь. Вежливость и манера приема посетителя не оставляли желать лучшего, причем в значительной степени зависели от роли, которую играла данная держава в европейском концерте. Соответственно с этим увеличивалась или уменьшалась плата, взимаемая за право транзитного проезда через территорию данной державы.

Трудно установить данные, которыми руководствуются консульства больших и малых держав в сложном деле визирования паспортов. Однако, острая нужда в справочном пособии для путешественников по современной Европе заставляет нас установить некий единый принцип, на котором бы сошлись как государства-левиафаны, так и государства-инфузории.

ВИЗА — ДЕНЬГИ

Кроме того, в каждом случае шесть анкет и шесть фотографических карточек. Итого семьдесят два фотографических снимка и столько же анкет.

Но помимо прямых и официальных путей, существуют пути неофициальные, но действующие не менее верно. И так как друг и союзник Густава Корна, Борис Пирамидов, был достаточно популярен в официальных и неофициальных кругах посетителей кулис, «Копыта Пегаса», «Кабаре муз», «Лирического кактуса» и «Прилавка Грации», то во всех осложняющих отъезд Корна случаях он легко улаживал дело при посредстве врача-гинеколога, доброго знакомого дамы сердца помощника заведующего столом виз в посольстве Антинойи, или при посредстве исполнительницы цыганских романсов, не менее доброй знакомой младшего помощника шофера консульства Эринии, или с помощью маникюрши самого посла и полномочного министра Эрраты.

Все это требовало некоторых дополнительных затрат, но не позже, чем через два дня паспорт Густава Корна — доктора археологии — представлял собой коллекцию самых разнообразных виз, за исключением некоторых, которые он мог получить только в Вене. Таким образом, коллекционирование виз продолжалось в Вене, причем там дело обстояло значительно хуже. Не скорее, чем через месяц Корн получил визы всех граничащих с Эритреей государств, итого прибавилось пять виз Инзы, Эвклиды, Имогении, Транслитании и Витамина. Дело осложнялось тем, что в ожидании настоящей, означенные государства вели между собой таможенную войну. Кроме перечисленных виз, Корн получил визы на въезд в Эритрею как от старого, так и от нового ее правительства. Имея, таким образом, визы всех граничащих с нею государств, он рассчитывал, в конце концов, с какой-нибудь стороны проникнуть в Эритрею. Расстояние от Вены до столицы Эритреи — Паратамиза в нор-

мальных условиях пути — одиннадцать часов по железной дороге. Но так как Густав Корн путешествовал вскоре после благодетельного мира, даровавшего независимое управление ряду новых государств, то продолжительность путешествия увеличилась ровно в сорок раз. На границе Имогении он был задержан на четверо суток пограничным учреждением, которое заинтересовалось подозрительными планами крепостей и фортов, какие оказались в пачке книг, приобретенных Корном в Москве.

Не без некоторого труда он убедил симпатичного майора, что это только театральный журнал и что форты и профили крепостных сооружений есть, в сущности говоря, воспроизведение конструкции постановки одного левого московского режиссера. Впрочем, майор, отпуская Густава Корна, сказал:

— Я удовлетворен тем обстоятельством, что этот рисунок не похож на форты Имогении. Он имеет сходство с пограничными фортами дружественной нам Инзы. Продолжайте.

Густав Кори с удовольствием продолжал путь до следующей границы, где у него, из соображений таможенного досмотра, были изъяты папиросы (ограничение ввоза табака) вместе с недорогим серебряным портсигаром. На следующей границе он оплатил по весьма высокому тарифу мыло и одеколон (ограничение ввоза парфюмерии), дальше был воспрещен ввоз сельскохозяйственных орудий и аэропланов. Ни того, ни другого у Корна не было с собой, но после этого таможенного досмотра он не обнаружил булавки с жемчугом (подарок покойного Карла Корна). Далее была взыскана пошлина за автоматическое перо (ограничение ввоза пишущих машин). Чем ближе он подъезжал к границе Эритреи, тем тревожнее были слухи о том, что может случиться с путешественником при переходе границы этой страны. Только мысли о высокой цели путешествия, только разгадка тайны Аминтайос могла заставить молодого египтолога продолжать путь. Возвращающиеся из Эритреи говорили о том, что на границе установлен карантин, от которого избавляются только те, кто в состоянии упла-

тить весьма высокий налог. Мудрые финансовые мероприятия диктатора Эритреи еще больше убедили Густава Корна в том, что автор записок, найденных в сейфе 24-14 и диктатор Эритреи генерал Париси — одно и то же лицо. И несмотря на самые тревожные слухи о том, что происходит за рубежом Эритреи, Корн продвигался вперед, потому что был твердо уверен в том, что человеку, почти разгадавшему тайну Аминтайос, обеспечено покровительство диктатора Эритреи.

На границе Эритреи кое-где рыли окопы и устанавливали внушительные проволочные заграждения войска граничащей с Эритреей страны. Диктатор Париси был убежденным пацифистом, и почти не было сомнения в том, что он попытается укрепить свое положение удачным захватом соседней территории. Однако, на пограничном пункте со стороны Эритреи не было ни одного человека. Небольшой стационарный поселок оказался как бы вымершим. Густав Корн, не встретив ни малейшего сопротивления, перешел границу Эритреи. С трудом обнаруженный стационарный сторож сообщил Густаву Корну, что пограничная стража в полном составе отправлена в столицу по личному распоряжению диктатора. Что же касается таможенных и карантинных властей, то они только вчера тайно перешли границу Имогении и скрылись, захватив с собой кассу таможен. Поезда в Парапамиз не ходят по двум причинам:

Первая: весь подвижной состав занят экстренной переброской войск на южную границу.

Вторая: от границы до Парапамиза не более шести часов езды на доброй крестьянской лошадке.

Поэтому Густав Корн решил ночевать на станции и утром на рассвете двинуться в Парапамиз навстречу судьбе.

СОБЫТИЯ В ЭРИТРЕЕ

Несмотря на то, что в пограничном поселке насчитывалось около восьмидесяти дворов, Густаву Корну стоило больших трудов разыскать себе возницу и экипаж. Все живое, за исключением грудных детей и женщин, из опасения мобилизации или реквизиции на военные надобности, эмигрировало в нейтральную зону между Эритреей и Имогенией, под контроль особого эмиссара и охрану из смешанных альбиано-галиканских отрядов (см. соглашение с Альбиониом). С некоторым трудом он отыскал буйвола, избежавшего реквизиции, и одного инвалида, остроумно избежавшего мобилизации, и в довольно непрезентабельном, напоминавшем арбу экипаже решил выехать в Парапамиз. Перед тем, как тронуться в путь, мрачный и жестоко скучающий телеграфист, одиноко сидевший в аппаратной, предложил ему ознакомиться с двумя телеграммами.

П е р в а я:

«Всем правительствам земного шара, всем гражданам Эритреи. Я, вновь назначенный премьер-министр нового кабинета Эритреи, сего числа вступил в исполнение своих прямых обязанностей. Объявляю бывшего генерала Париси, именующего себя диктатором Эритреи, вне закона. Под страхом смерти воспрещается кому бы то ни было из граждан Эритреи оказывать поддержку или приют названному изменнику и предателю. Премьер-министр свободной Эритрейской республики, граф Адриан Пачули».

В т о р а я:

«Всем правительствам земного шара, всем гражданам Эритреп. Я, законный диктатор Эритреи, генерал-фельдмаршал Фердинанд Париси, объявляю именующего себя премьер-министром республики Эритрея бывшего графа Пачули вне закона. Под страхом смерти воспрещается кому бы то ни было из граждан Эритреи оказывать поддержку или приют названному изменнику. Диктатор Эритреи, генерал-фельдмаршал Фердинанд Париси».

Телеграфист мрачно пошевелил в воздухе двумя телеграммами и вопросительно взглянул на Густава Корна.

— Что вы об этом думаете?

— Полагаю, что я, в качестве гостя, не имею права судить о внутренних делах государства...

— Вы полагаете?

Телеграфист запер на замок дверь аппаратной, положил ключ в карман, надел шляпу на затылок и безнадежно побрел в сторону границы.

Кори несколько беспокоился:

— Куда?

— В нейтральную зону.

Затем Кори увидел его по ту сторону проволоки и канавы, утыканной колышками.

Телеграфист махнул ему рукой и, уходя, уныло крикнул:

— Надоело.

Ясно, что Эритрея переживала бурный период истории.

Пока Корн размышлял о судьбах этой страны, инвалид ткнул заостренной палкой буйвола, колеса тронулись с похожим на выстрелы скрипом, и путешествие от границы до Парапамиза началось. Ширина осей арбы почему-то не соответствовала ширине колеи дороги. Поэтому арба передвигалась в наклонном положении, лишая путешественников самого минимального комфорта.

Только на двадцатой версте Густав Корн стал привыкать к тряске, толчкам, необходимости соблюдать равновесие и, приобретая некоторый иммунитет, стал приглядываться к окрестностям.

Но однообразный пустынный пейзаж — глина, кукурузные поля, давно заброшенные земледельцами, и чахлые акации — сразу утомил его.

К вечеру, приблизительно на полдороге от Парапами-за, инвалид вдруг остановил буйвола и повернулся к Корну:

— Где у вас ваш национальный флаг?..

Пожалуй, не к чему говорить о том, что Корн оказался не запасливым.

— В таком случае, дайте носовой платок.

Корн удовлетворил его просьбу и с некоторым удивлением смотре, как возница прикрепил к заостренной палке, которой он подгонял буйвола, белый платок и поднял его, как знамя.

Затем они двинулись дальше и, так как скрип колес делал излишним всякие попытки членораздельной речи, Корн так и не узнал назначения носового платка, прикрепленного к палке. Затем он уснул и проснулся от жестокого толчка и от того, что скрип арбы показался ему особенно громким.

При постепенном переходе от сна к бодрствованию он сообразил, что это становится похожим на канонаду.

Они стояли на косогоре. Внизу, у разлившейся реки, Корн разглядел довольно большое селение, над которым изредка поднимались клубы белого дыма.

Почти под самым косогором он разглядел еще две небольшого калибра пушки и группу солдат. Пушки стреляли по большому селению, солдаты тоже. Несколько в стороне, почти рядом с селением, им отвечало как бы эхо. Густав Корн взялся за «цейс» и вопросительно взглянул на возницу. Возница махнул палкой по направлению к селению. То, что Корн принял за эхо пушечной канонады, оказалось самостоятельной канонадой. В «цейс» можно было разглядеть почти рядом с селением еще две пушки и некоторое количество солдат. Эти пушки и солдаты тоже стреляли по

тому же селению. Только из-за одного любопытства, теряя терпение и потрясая «цейсом», Корн закричал в самое ухо вознице:

- Что это?..
- Парапамиз...
- Почему стреляют?..
- Это бой.

Более не обращая внимания на происходящее, возница ткнул палкой буйвола, и арба спустилась с косогора. Впрочем, очень скоро два всадника, предупредительно обнажив сабли, остановили арбу. Возница помахал белым флажком и крикнул:

- Иностранец.

Всадники подъехали вплотную, и Кори получил возможность ознакомиться с нормальным типом эритрейского солдата. Они были в несколько оригинальных, однако, привлекательных формах. Оранжевые мундиры и зеленые галифе при стальных шлемах, какие носят солдаты Галикании. Когда же он присмотрелся к их лицам, то несколько торопливо полез за паспортом. Многоопытный возница поторопился подсказать:-

- Доллар...

Оба кавалериста, по возможности приветливо, улыбнулись, и один из них, обладавший замечательной коллекцией нашивок, звездочек, жетонов и значков, поправил:

- Два доллара...

Это не встретило возражений,

Рассмотрев на свет и одобрив кредитный билет, кавалеристы вскоре вернулись к стреляющим пушкам на косогоре.

Арба же тронулась дальше после того, как возница осведомил Корна:

- Гвардия графа Пачули.

Почти у городской заставы арбу остановили новые кавалеристы, мало отличавшиеся от первых. (На головах у них были другие головные уборы — упраздненные каски солдат Альбиона). И в этом случае ресурсы Корна уменьшились ровно на два доллара.

Канонада продолжалась, но уже где-то в стороне. Когда Густав Корн выразил некоторое беспокойство по поводу проезда по улицам, которые обстреливаются, опытный возница сообщил:

— Сюда не стреляют. Здесь отель...

И они въехали в Парапамиз.

УРОК ЭКОНОМИКИ

Выстроенное из бурого известняка трехэтажное здание называлось «Отель Экзельсиор». Семьдесят две комнаты отеля были основательно заняты. Портье сообщил, что ввиду отъезда в Америку представителей пишущих машин «Парабеллум» освобождается правая половина бильярдного стола в бильярдной. Впрочем, если гостя не устраивает половина стола, то гость, переждав три недели в вестибюле отеля, сможет получить ванную комнату, ту, которую предлагает освободить представитель английской автомобильной фирмы «Веблей Скотт». Только две этих возможности мог предоставить гостю и путешественнику хозяин отеля грек Спиридон Папаризопуло.

Была ночь, шел сравнительно мелкий дождь, успевший превратить улицы Парапамиза в известково-глинистую пасту. Пребывание под дождем на улице вместе с возницей и буйволом, в непосредственной близости обстреливаемой зоны, не представлялось заманчивым. Густав Корн предпочел правую половину бильярда. На левой половине спал довольно рослый джентльмен, ноги которого свешивались почти на полметра за борт бильярда. Джентльмен полуоткрыл глаза и язвительно сказал:

— Опоздали... Триплъ получил концессию...

Густав Корн поставил чемодан на пол. По-видимому, лицо его достаточно ясно отразило изумление. Лежащий на столе попробовал разъяснить:

— Палата вотировала концессию Трипля.

Корн сел на бильярд, где полосой, проведенной мелом, была отмечена принадлежащая ему половина, и по возможности точно формулировал свое недоумение.

— Я не имею представления о том, что, собственно, происходит в данной стране... Был бы весьма обязан, если бы уважаемый собеседник пояснил свои слова.

Уважаемый собеседник сел на бильярд, широко раскрыл глаза и ответил рядом вопросов.

— Вы ничего не слышали о концессии Трипля?

— Нет...

— Вы не концессионер?..

— Нет...

— Представитель оружейных заводов?

— О, нет...

— Тогда вы журналист?

— Тоже нет...

— Какой же черт принес вас сюда?..

Несколько шокированный постановкой вопроса, Корн ответил:

— Обстоятельства, имеющие чисто научное значение.

Собеседник пожал плечами и с некоторым почтением спросил:

— Неужели наука может интересоваться Парапамизом?.. — Затем он спустил ноги с бильярда и, показав полнотью свою шелковую полосатую пижаму, продолжал:

— У меня бессонница... Кроме того, на этом проклятом бильярде нельзя прилично устроиться... Если угодно, я вам слегка разъясню положение вещей... Знаете ли вы, что такое Парапамиз? Это — дыра. Вы спросите, что могут делать в такой дыре деловые люди, которых заставляют спать на бильярде? Мы переходим в область чистой политики. Сегодня палата депутатов Парапамиза единогласно вотировала доверие фельдмаршалу и диктатору Париси, который сдал концессию на судоходство по реке Лите в пределах Эритреи мистеру Джонатану Триплю.

Долговязый человек упал на край бильярда и захохотал. Несколько утомленный необходимостью удивляться, Густав Корн спросил:

— Хорошо. Но при чем же здесь стрельба из семидесятипятимиллиметровых по городу?

— Дорогой мой... Разумеется, это привходящее обстоятельство. Генерал Париси сдал концессию Триплю, палата вотировала ему доверие. Граф Пачули находится в восьми верстах от города, а войска Париси в предместье и в самом городе.

— Я имел возможность в этом убедиться.

— Все дело в том, что этому жулику удалось собрать кворум... Черт его знает, как он собрал. Говорят, он загримировал депутатами два десятка актеров муниципального театра. Если бы вы видели это зрелище. Бывшая дача губернатора Эритреи — палата депутатов. Он снял с фронта свою гвардию. Буквально на каждого депутата приходилось по четыре солдата. Когда они голосовали, клянусь вам, солдаты во всех проходах голосовали тоже, подняв правые руки с ручными гранатами... Нет, это гений!.. Прямо жаль вешать такого человека... Это сокровище!..

— Который из двух? Министр?

— Нет. Диктатор... Вы не видели его?

— Я бы очень желал...

— Торопитесь, пока не поздно. Но черт возьми, рожи конкурентов Триплиа! Еще вчера они ставили полдюжины «Кристалль» за то, что он не соберет и сотни депутатов... Он собрал кворум. В точности. Ни одним человеком меньше...

— Вы концессионер?

— Нет. Я Тангль... Пылесосы системы «Маузер»...

— Эритрея и пылесосы... В Парапамизе спрос на пылесосы?...

Назвавший себя Танглем застонал и в изнеможении схватился за голову:

— О, наивность! Неужели вы не понимаете?.. Вся гостиница, вся эта трехэтажная казарма наполнена, во-первых, клопами, во-вторых, концессионерами, и в-третьих, представителями оружейных заводов. И я, и представитель пишущих машин «Парабеллум», и представитель сельскохозяйственных орудий «Гочкис», и автомобильная фирма «Веблей-Скотт» — мы продаем великолепные пяти-, семи-, восьми- и одиннадцатизарядные штучки, не говоря уже о превосходно лающих собачках на колесах. Крупнейшее импортное дело. Представительства в Инзе, Эвклиде, Эритрее, Транслитании, Имогении, Витамине, Эриннии.

От одновременного пушечного залпа задребезжали стекла бильярдной. Корн вздрогнул. Тангль воздел руки к небу и с удовольствием сказал:

— Вас это беспокоит? Напрасно. Никакой опасности... Для моих ушей это музыка... это тантьема, участие в прибылях, проценты. О, если бы не конкуренция...

Густав Кори положил под голову чемодан и после нового залпа, прежде чем снять пиджак, спросил:

— Скажите... Почему вы полагаете, что «Экзельсиор» в безопасности?..

— Во-первых, в этой части города четыре посольства. Во-вторых, отель «Экзельсиор» — нейтральная зона... — и, зевнув, он пробормотал: — Точно не помню... какое-то соглашение между хозяином отеля и обеими сторонами. Одним словом, сюда не стреляют. Кроме того, каждый из нас имеет право экстерриториальности. Можете спать спокойно.

И вдруг, подскочив, вскрикнул, в настоящей ярости раздирая на себе пижаму:

— О, эти клопы! Клянусь, я предпочитаю гранаты!

ПРОГУЛКА ПО ПАРАПАМИЗУ

За утренним завтраком из окна кафе «Экзельсиор» Густав Корн рассматривал небольшую площадь перед отелем и мраморный памятник в два человеческих роста. Памятник изображал мраморного генерала в мраморной каске и орденах, правой рукой опирающегося на саблю, левой указывающего на юг, в сторону Инзы. Одной ногой генерал попирал карту Имогении, другую карту Эвклиды. Приблизительно таким Корн представлял себе диктатора, поэтому он не дал себе труда проверить свое решение. Несмотря на вчерашние клятвы грека Папаризопуло, Густав Корн (так же, как и м-р Тангль) утром получил довольно приличную комнату. По приборам, приготовленным к завтраку, он сообразил, что население «Экзельсиора» за эту ночь уменьшилось больше чем наполовину. За исключением Трипля, почти все конкуренты-концессионеры оставили Парапамиз. Представители оружейных заводов выжидали. М-р Тангль спустился к завтраку вместе с весьма подвижным молодым человеком, охотно показывающим два ряда золотых зубов, представляющих солидный золотой фонд. Против прибора молодого человека лежала визитная карточка. Корн прочитал:

— «Леопольд Волькенкрацер. Экстрафильм U.S.A.».

Завтрак прошел в приличествующем молчании. После завтра на м-р Тангль благожелательно обратился к своим соседям:

— Небольшая прогулка по Парапамизу. Угодно?

Корну остается только благодарить м-ра Тангля. Приглашение более чем ко времени.

И медленным, размеренным шагом джентльменов, совершающих прогулку ради моциона, мистер Тангль, Волькенкрацер и Корн вышли из отеля.

По несколько устаревшим сведениям, Парапамиз имеет не менее сорока тысяч жителей.

Достопримечательности: электрическая станция, трамвай, муниципальный театр, университет и тюрьма. Однако, бурный период истории Эритреи внес некоторые поправки в эти сведения. За время независимого существования республики Эритрея население Парапамиза уменьшилось почти вдвое. Электрическая станция была сожжена вместе с фейерверком по случаю празднования годовщины провозглашения независимости Эритреи. Трамвай был продан вместе с рельсами, проводами и подвижным составом вольному городу Инзе в незабвенное правление первого кабинета министров Эритреи. До сих пор граждане Парапамиза не могут забыть чудесного исчезновения трамвая. На вырученные средства была сформирована первая гвардейская дивизия. Университет был упразднен по представлению тогда еще скромного генерал-инспектора кавалерии, ныне диктатора и фельдмаршала Париси. В здании университета было открыто кавалерийское училище. Театр сохранился в виде муниципального мюзик-холла. И только тюрьма сохранилась в том виде, в каком она была унаследована демократической республикой от имперского режима. Многочисленные министерства и учреждения с трудом разместились в зданиях города. Лучшие здания — дача губернатора и полицейское управление — были заняты парламентом и дворцом Париси. К дворцу диктатора ведет широкая, сравнительно мощеная улица, которая называется улицей Свободы. И с некоторым удивлением Густав Корн заметил значительное движение, открытые магазины, в которых преимущественно продавались портреты диктатора.

Да, это он!.. Только такой человек мог оставить в сейфе 24-14 замечательные записки. Только этот рослый, статный человек с сединой, коротко подстриженными усами и располагающей к доверию внешностью оперного баритона или шефа крупье в Монте-Карло.

Над Парапамизом было голубое небо. Солнце высушило тротуары и весело отражалось в легкой ряби луж, которые, по-видимому, были необходимым украшением улиц Парапамиза. Густав Кори с удовольствием заметил вслух, что природа и солнечный день образумили враждующие

стороны. Ни один пушечный выстрел не нарушал утренней тишины. Леопольд Волькенкрацер показал два ряда золотых зубов, которые производили вокруг неотразимый эффект, едва ли не соперничая с солнцем.

— Предстоит основательная работа...

— Вы полагаете?..

Волькенкрацер посмотрел на часы и на небо.

— Вы увидите в четыре часа дня, когда солнце будет над предместьем... Это обойдется недешево «Экстрафильму»...

— Затем, не желая более подвергать мукам любопытства Корна, Волькенкрацер истощивающе сказал:

— «Экстрафильм» сегодня производит киносъемки генерального сражения у Парапамиза. Завтра вечером фильм будет видеть Европа, через шесть дней — Америка. «Экстрафильм» возвращает обеим сторонам все затраты по расходованию боевых припасов и по убыткам от бомбардировки, причиненным этим сражением, но обе стороны обещают показать чудеса.

Понимая, что дальнейшие расспросы нарушают деловую тайну, Корн не требовал разъяснений.

Они продолжали прогулку, знакомясь с бытом и нравами. В государственном казначействе Эритреи Кори имел возможность убедиться в том, с какой быстротой государство применяется к условиям жизни. Вследствие тревожных слухов из Эритреи денежная единица Эритреи — лира — падала с быстротой, несколько превышающей обычную. Поэтому государственное казначейство, основываясь на строго научном принципе организации труда, удивительно приспособлялось к условиям. В одном и том же помещении телеграфист, сидевший у телеграфного аппарата, сообщал официальному лицу курс эритрейской лиры на главных мировых биржах; официальное лицо отчетливо провозглашало вслух получаемые сведения. Затем двадцать четыре чиновника, снабженные двадцатью четырьмя составными штампами из цифр, через особые окошечки принимали от граждан кредитные билеты и ставили на них штампы, увеличивающие количество нулей кредитного билета соответственно падению эритрейской лиры. Таким образом, пока

билет первого в очереди из одного квинтильона лир превращался в один секстильон, билет последнего в очереди превращался в секстиллион секстиллионов. Во избежание потери на курсе, первые в очереди опять становились в хвост, чтобы получить новый штамп и, таким образом, хвосты перед окошечками не убывали и твердо устанавливались евангельский принцип — «первые да будут последними».

Когда Густав Корн выразил желание посетить диктатора, представитель «Экстрафильма», дружески улыбнувшись, посоветовал ему быть ровно в четыре часа на съемке генерального сражения. После боя он сумеет оказать ему содействие. И Густав Корн сердечно поблагодарил его. Он увидит возлюбленного Аминтайос на поле сражения.

Солнце со всей астрономической точностью двигалось к той точке горизонта, с которой оно должно было выполнять свои обязанности в качестве контрагента «Экстрафильма».

СРАЖЕНИЕ У ПАПАРАМИЗА

На колокольне кафедрального собора в Парапамизе были с возможным комфортом расставлены несколько кресел и стульев и столы с прохладительными напитками. Первые ряды уступили дамам, двум сестрам-туристкам, специально прибывшим из Лондона в Парапамиз для присутствия и непосредственного наблюдения за событиями в Парапамизе. Рядом с ними сидели Корн, м-р Тангль и Волькенкрацер, любезности которого было обязано все общество. Он же и давал необходимые объяснения, показывая полевым биноклем места, заслуживающие внимания.

— Направо у плотины вы видите развалины — это место боев в недавнюю войну между Имогенией и Эритреей. Развалины трехэтажного дома — это госпиталь, пример весьма удачного попадания снаряда, сброшенного с аэроплана. На северо-востоке у возвышенности как бы зигзаги — это и есть окопы армии графа Пачули. Ближе к нам, несколько в стороне от города, за насыпью железной дороги — окопы армии генерала Париси. Пространство между насыпью и возвышенностью есть линия фронта.

Здесь, после соответственной артиллерийской дуэли, будет произведена газовая атака, а затем атака пехоты. Кроме того, предполагается, в зависимости от исхода сражения, бой кавалерии...

— Даже?

— Согласно условию, «Экстрафильм» имеет право на кавалерийский бой при участии не менее двух тысяч сабель с каждой стороны. Противники будут обстреливать южную часть города за плотинкой, так называемый рабочий квартал...

— Вы полагаете?..

— Вполне разумное применение артиллерийского огня. Обе стороны обстреливают рабочий квартал. Кто бы ни победил, диктатор Париси или граф Пачули, но рабочий квартал будет снесен до основания. Это разумная, впол-

не государственная мера, в расчете на будущее. Все указанные мной пункты вы видите невооруженным глазом. В бинокль все вы можете разглядеть за насыпью на платформе группу всадников — штаб генерала Париси и его самого в белом мундире и на белом коне. Наши кинооператоры в данный момент снимают диктатора, объезжающего фронт и ободряющего свои войска. Другая группа кинооператоров снимает графа Пачули, произносящего ободряющую речь войскам. Подлинный текст речи вы увидите завтра на экране.

— Леди и джентльмены! внимание! Четыре часа.

Над возвышенностью вспыхивает белое облако.

— Пушка. Сигнал. Внимание!..

Пушечные залпы с возвышенности. Пушечные залпы с насыпи... Артиллерийская дуэль. Присутствующие на колокольне припадают к биноклям. Леопольд Волькенкрацер верхом на перилах дирижирует канонадой, как настоящий дирижер симфонического оркестра. Старясь перекричать грохот, он кричит прямо в ушную раковину Корна:

— Смотрите, сейчас по программе газовая атака!..

Но между возвышенностью и насыпью происходит нечто непредусмотренное порядком программы. Тысяча вооруженных пиками желто-зеленых всадников скачет по вытоптанному кукурузному полю навстречу другой тысяче, скачущей к ним от насыпи с пиками наперевес.

Волькенкрацер бледнеет и грозит кулаком в сторону фронта.

— Мошенники!.. А газовая атака?..

Желто-зеленые всадники сближаются, и вдруг обе ленты всадников поднимают пики вверх, смыкаются, на несколько мгновений остаются неподвижными среди кукурузного поля и затем все вместе скачут к насыпи и переваливают через нее. В бинокль превосходно видно, как они охватывают платформу, окружая группу растерянного штаба фельдмаршала Париси. Вслед за этим оранжево-зеленое знамя диктатора делает несколько пляшущих взлетов в воздухе и пропадает из глаз.

Леопольд Волькенкрацер в совершенном бешенстве бросается к телефонному аппарату. Его пронзительный голос действительно заглушает затихающие раскаты канонады.

— База кинооператоров?.. Алло!.. База?.. Алло!.. Что такое там случилось?..

Все присутствующие на колокольне замирают на месте, напрягая слух. Несколько нечленораздельных восклицаний Волькенкрацера, затем он кричит:

— Политика?!.. О, будьте вы трижды прокляты!.

— Что случилось?

Он почти задыхается:

— Этот дурак Париси слишком зазнался... После того, как... как палата вотировала концессию Трипля, он больше не нужен... Посол Альбиона прекратил выплату ему субсидии... Этот осел не уплатил своим войскам жалования... и они сговори... они сговорились с графом Пачули и спапали Париси и весь его штаб... О, жулики!.. Трижды жулики. Сорвать генеральное сражение!.. Что скажет правление «Экстрафильма»? Я же говорил, что «Экстрафильму», а не Альбиону или Галикании имело смысл субсидировать всю эту лавочку...

В изнеможении он падает на стул и припадает к стакану содовой, который успевает поднести к его губам Тангль...

Густав Корн в полном недоумении бормочет:

— Как же... как же мне увидеть, Париси?

Волькенкрацер окончательно выходит из себя и восклицает с остервенением:

— Вы его увидите... вы его увидите на виселице,

* * *

Мог ли несведущий в вопросах политики энтузиаст-египтолог предполагать, что на пути к разгадке замечательнейшего явления нашей эпохи, стратегическая диверсия, какую он видел с колокольни кафедрального собора в Паррапамизе, отбросит его к исходной точке его розысков?

Даже если бы Корн внимательно прочитал пачку последних газет, то и тогда он не сумел бы предугадать такой странный и, в общем, внезапный финал событий, в течение двух месяцев занимавших внимание Европы.

Некоторый ключ к развязке этих событий дает цитата из статьи политического обозревателя официальной газеты «Альбион», скрывающегося под псевдонимом Квинтилиан.

МАТ В ДВА ХОДА

«Палата депутатов Эритреи, представляющая весь трудолюбивый и честный парод этой маленькой благородной страны, вотировала доверие диктатору Париси, который предоставил концессию на судоходство по реке Лите м-ру Триплю. Отныне уже нет никаких оснований кому бы то ни было оспаривать права нашего уважаемого негоцианта м-ра Трипля на регулирование важнейшего вопроса о судоходстве по реке Лите от ее истоков до устья. Теперь, когда наши единственные разногласия улажены добровольным вотумом доверия, м-ру Триплю нет никаких оснований осложнять взаимоотношения двух великих держав-союзниц, заинтересованных в вопросе о судоходстве по реке Лите».

Густав Корн мог дважды перечитать приводимую выше цитату, но вряд ли он уловил бы в ней какой бы то ни было намек на судьбу диктатора. Между тем м-р Тангль, более разбирающийся в политической ситуации, прочитавший ее постфактум, провел длинным заостренным ногтем черту от слов «нет никаких оснований осложнять»... до конца фразы и с удовольствием воскликнул:

— Черт возьми! Они сговорились... Мистер Триплъ получил концессию, мавр сделал свое дело, и мавра можно повесить... Бедный Парис! Уступочка Галикании, уступочка Альбиона, и они сговорились...

Эти слова он произносил за табльдотом в тот момент, когда на площади несколько солдат, приставив лестницы к мраморному генералу, действуя соответствующими орудиями, последовательно отбили каску, усы и саму голову памятника.

Густав Корн автоматически действовал ножом и вилкой до той минуты, пока он не счел возможным сохранить спокойствие. Он схватил за локоть м-ра Тангля и спросил с горячностью, поразившей его собеседника:

— М-р Тангль, не можете ли вы устроить мне свидание с генералом Париси?.. М-р Тангль! Считайте это эксцентричностью, любопытством, чем хотите, но я должен увидеть его... Уверю вас, м-р Тангль...

— Это все? Не трудитесь...

М-р Тангль обвел глазами небольшую полукруглую залу ресторана при отеле и сделал легкое движение согнутым пальцем незаметному молодому человеку, который неподвижно сидел за нетронутым прибором и преимущественно занимался полировкой ногтей или тщательным протиранием своего монокля. Молодой человек, чрезвычайно эластично изогнувшись, перепорхнул на пустой стул рядом с м-ром Танглем. М-р Тангль, в промежутках между жеванием бифштекса, одним углом рта сказал:

— Моему другу, м-ру Корну... необходимо... в научных целях... скажем — антропометрические измерения... увидеть Париси... он, как я полагаю...

— В городской цитадели...

— Да... Таким образом...

— Я доложу его превосходительству, господину шефу...

— Все необходимые расходы...

— Понимаю... Ответ через час...

И молодой человек с той же эластичностью, мягкостью в движениях упорхнул со стула и затем исчез из глаз с почти сверхъестественной легкостью.

— Кто?

— Агент департамента народного благоденствия...

И ради сбережения времени, предупреждая расспросы, быстро и кратко:

— Департамент народного благоденствия — политическая полиция. При всех переворотах сохраняет лояльность, автоматически переходя на службу новому правительству. Ровно через час вы получите все необходимые сведения... Желаю успеха.

Затем, отбросив салфетку, м-р Тангль отодвинул стул и покинул зал ресторана.

Густав Корн медленными глотками пил кофе и с одними и теми же неотвязными мыслями рассеянно следил за

тем, как им противоположной стороне площади солдаты генерала Пачули и генерала Париси, единодушно разгромив винный погреб, предавались возлиянию и радости по поводу легко одержанной победы.

ФЕЛЬДМАРШАЛ ПАРИСИ

В каменном ящике хорошей кладки — площадь двадцать квадратных метров — мебель: откидывающийся железный стол, стул и откидывающаяся койка с кожаным пружинным матрацем. Из угла в угол по диагонали и вдоль стен, заложив руки за спину, ходит хорошо сложенный седеющий брюнет средних, если не сказать пожилых, лет. На откидывающейся железной полке, заменяющей стол, лежит лист бумаги и карандаш. До сих пор на листе бумаги размашистым почерком написаны только четыре строки:

«Мне предложено дать показания в письменной форме. Если я занимаюсь этими бесцельными письменными упражнениями, то не для того, чтобы оправдываться. Я знаю свою судьбу в том или другом случае...»

Хорошо сложенный человек переполнен энергией. Он по всем направлениям пересекает площадь в двадцать квадратных метров, затем с размаху садится на вторую металлическую выдвижную полку, устроенную значительно ниже первой и заменяющую стул. Удар за ударом он бьет крепким кулаком по железной полке стола, барабанит пальцами по железу, стискивает пальцами виски и ерошит волосы. Затем он снова хватает карандаш и пишет:

«Толстый мерзавец Пачули, настоящая фамилия которого Кельтер, Иероним Кельтер, судившийся в Одессе за торговлю несовершеннолетними девушками, под фамилией Ергопуло просидевший четыре года в парижской тюрьме за подлог и мошенничество, обвиняет меня в узурпировании верховной власти и распродаже территории Эритреи. Я горжусь этими обвинениями. Я узурпировал верховную власть в Эритрее, он узурпировал право подписи чужого чека. Я рас-

продавал Эритрею, он был контрагентом публичных домов Александрии и Константинополя».

Эта фраза, четко и разборчиво написанная на листе бумаги, приводит в настоящую ярость Париси. Одним прыжком он бросается к двери, приподымает козырек над прорезанным в двери отверстием и кричит так громко, что голос его гулко разносится по каменным, похожим на туннель, коридорам цитадели:

— Мошенник и продавец живого товара!.. Будь ты проклят!

ШЕФ ДЕПАРТАМЕНТА БЛАГОДЕНСТВИЯ

В половине второго ночи Густав Корн сидит в кресле, ярко освещенный рефлектором электрической лампы в сто свечей. По ту сторону рефлектора в полутьме неясные очертания внушительной фигуры, яйцеобразная лысая голова и неестественный даже для такой толщины, упирающийся в край письменного стола живот. Два винта вентилятора вращаются по обе стороны отвесающего подбородка.

— Вы действительно то лицо, за которое себя выдаете?..

— Сударь, если вы себе дадите труд заглянуть в труды второго Всегерманского съезда египтологов, вы найдете мою фотографию в общей группе.

— Густав Кори, египтолог?...

— Так...

— Вы выразили желание видеть весьма опасного государственного преступника?

— Да, и возместить все убытки, которые понесет от этого ваше отечество.

Толстый человек тяжело дышит, держа голову в направлении крутящихся вентиляторов.

— Весьма рад...

Из-за рефлектора тянется рука с портсигаром.

— Был бы весьма рад вам служить...

Влажный, толстый человек говорит по возможности благожелательным басом.

— Еще сегодня утром я убедился в непримиримости и упорстве этого преступника. Он наотрез отказался сниматься в тюрьме для фильма уважаемого Леопольда Волькен-крацера, он даже отказался дать автограф двум весьма состоятельным туристкам...

«Париси, — сказал я ему, — не все ли тебе равно?.. Как-никак, это прибыль для государства»... Что же касается просьбы г. профессора о свидании, то удовлетворить ее...

— М-р Тангль тоже убедительно просил вас...

— Нет нужды в просьбах, но...

— Может быть, на особых условиях?.. Уверяю вас, я проехал три тысячи километров... Я не могу вернуться... Это не какой-нибудь автограф для путешествующей психопатки.

Шеф департамента благоденствия вытер лоб и шею большим шелковым платком и почти жалобно сказал:

— Уверяю вас, друг мой... Департамент народного благоденствия обязан оказывать услуги уважаемым гостям-иностранцам, но в некоторых случаях это выше наших сил. Может быть, вы удовлетворитесь фотографией?.. Превосходная фотография в полной парадной форме, снята за неделю до... Или, например, могу предложить письмо интимного характера, адресованное одной опереточной артистке в Вену... подлинное письмо Париси, написано только вчера.

— Я стою за свидание... пусть при свидетелях..

— Уверяю вас, никак невозможно... письмо или фотография...

— Вы говорите — письмо?

— Подлинное... Причем вы можете оставить его у себя, при условии..

Густав Корн хрустит суставами пальцев, расправляет в нетерпении плечи и думает:

— Хорошо. Давайте письмо...

Шеф департамента открывает папку, отложив в сторону лист бумаги, исписанной карандашом, вскрывает большой запечатанный конверт и, придерживая двумя пальцами за угол, передает Корну четырехугольный плотный лист почтовой бумаги.

— Обратите внимание... Подпись «Фердинанд Париси»... Предпочитаю уплату валютой.

Лиззи Милович. — Вена. Иоганн-Штраус-театр.

«Моя очаровательная!.. Я пишу тебе в три часа дня. Тебе вручит это письмо мой дипломатический курьер, которому, кроме этого поручения, приказано уладить все твои дела с дирекцией, кредиторами и мужем, и сопровождать тебя в

юго-восточном экспрессе от Вены до Парапамиза. Никаких задержек в пути; я принял меры, чтобы государства, граничащие с Эритреей, ни на одну секунду не задержали мою Лиззи, которая спешит к своему Фердинанду. Сегодня в четыре часа дня — генеральное сражение. У меня есть все основания верить в победу, больше того, я почти победил, потому что только вчера, под хорошим предлогом, мне удалось задержать на границе дипломатического курьера Галикании, который вез крупную сумму для посла и, следовательно, для (зачеркнуто красными чернилами)... Пачули. Его солдаты не получают сегодня жалования, и это, разумеется, отразится на их боеспособности. Что же касается моих молодцов, то они получают перед сражением все до копейки, что им причитается за две недели. Деньги почти у меня в кармане.

Довольно о политике. Когда я смотрю на себя в зеркало и вижу твоего, все еще крепкого и веселого, Париси, я забываю мои сорок семь лет и тысячи приключений и тысячи опасностей, и верю, что я у пристани. Теперь я не Фердинанд Париси, человек с несуществующей фамилией, полковник несуществующих армий, секретарь несуществующих посольств, директор несуществующих банков, а фельдмаршал Фердинанд Париси, диктатор Эритреи, человек, о котором слышала Европа и мир. Право, для этого стоило похоронить себя на один год в Эритрее, сначала в должности младшего секретаря министерства иностранных дел, затем в должности начальника разведывательного департамента, затем генерал-инспектора эритрейской кавалеров, состоявшей из двухсот развязных личностей... Дитя мое... Приезжай и посмотри на меня здесь, прежде чем мы, укрепив нашу власть, уедем из этой дыры в более благопристойные места.

Я выбираю Остенде, а ты?... Разумеется, инкогнито, которое будет так предупредительно раскрыто старательными газетчиками. Каждую минуту вспоминаю тебя в «Золотой куколке» в вальсе, который ты танцуешь с этим завитым бараном Карлом Фогелем, к которому я тебя слегка ревную... Если бы он был здесь, я бы оказал ему честь, я бы посадил

его в ту камеру крепостной цитадели, которая очень скоро освободится после того, как в ней проведет некоторое время этот... (тщательно зачеркнуто чернилами) Пачули. Люблю, жду, помню и целую, целую тебя...

Твой Фердинанд Париси».

Корн в восторге. Это его стиль. Стиль возлюбленного Аминтайос. Но как он скоро забыл ее. И почему это толстое животное, директор и шеф полиции, не хочет, не позволяет Корну увидеть Париси?

В нетерпении он складывает лист почтовой бумаги и прежде, чем спрятать в бумажник, замечает на обороте штамп, несколько строк, написанных чужим почерком, и подпись:

«Справка. Департамент народного благоденствия республика Эритрея. Сего числа арестант Фердинанд Париси, содержащийся в камере № 18 крепостной цитадели в Парамизе, убит при попытке к побегу. Шеф департамента. Подпись. 14 мая с. г.»

В мечтательной неподвижности Густав Корн сидит над письмом, последним письмом диктатора Париси и думает о неисповедимых путях случая, приведшего Казимира Стржигоцкого — Олафа Ганзена — Ромуальда Пирса — Роберга Айртон — Рокотова — графа фон Цоллерна — Генриха фон Валя — Джером-Джемса-Брайса — маркиза Пьетро да Коста в столицу Эритреи — Парамиз. Он думает о неисповедимых путях случая, который обрек на смерть человека с девятью фамилиями, труп которого будет похоронен под безымянной плитой, потому что имя Фердинанда Париси слишком громко звучит для его преемников. И молодому ученому Густаву Корну суждено накануне раз-

гадки некоторой замечательной тайны опоздать на несколько часов с визитом к шефу департамента народного благоденствия и суждено не обменяться двумя все решающими словами с Фердинандом Париси. Случай хочет, чтобы между тайной Аминтайос, египетской принцессой династии Сетхов, и египтологом Густавом Корном вставали преграда за преградой, но шаг за шагом, вперед по лабиринту тайн, и этот листок, адресованный Лиззи Милович, примадонне Иоганн-Штраус-театра, — часть ариадниной нити, которую случай вложил в руку Густава Корна.

Берлин — Северо-экспортный коммерческий банк — рукопись неизвестного с девятью фамилиями, — Эритрея — эпопея Фердинанда Париси и его письмо Лиззи Милович.

Конец нити — Москва.

В то время, как все изложенные соображения владеют мыслями Корна, в дверь его комнаты стучатся в четвертый раз настойчиво и упорно. На этот раз он слышит стук.

— Войдите.

Радиограмма:

«Густаву Корну — Эритрея — Парапамиз — «Экзельсиор-отель». Все ясно двадцать четвертого наш доклад Москве Лотосе и треугольнике жду Пирамидов».

Дрожащие руки втискивают письмо Фердинанда Париси в манускрипт Казимира Стржигоцкого. Летят в маленький дорожный чемодан одеколон, гребни, щетки, весь несложный багаж. Автобус, нанятый шестью представителями оружейных заводов, временно, ввиду отсутствия дел покидающими Парапамиз, уплотняется седьмым пассажиром, Густавом Корном.

По размытой глинистой дороге, ночью, мимо кавалерийских разъездов — к границе. Весь путь — наклонные плоскости косогоров, спусков и подъемов, под электрическим конусом прожектора. Зайцы в сумасшедшей панике убегают по автомобильной колее от ревущего глушителя. Четыре часа тряски, бросков вверх и вниз, — и никем не

охраняемая граница. Два дня пути. Калейдоскопически меняющиеся униформы таможенной и пограничной охраны новорожденных государств. Паспорт и двадцать четыре визы, грязные, зашупанные, захватанные руками агентов секретных, тайных, осведомительных департаментов народного благоденствия. Берлин. Два часа — сон в собственной комнате, на собственной кровати. Письмо Североэкспортного коммерческого банка, которое некогда прочесть. Поезд — Кенигсберг. Кенигсберг-Москва на пассажирском «Юнкерсе». Морская болезнь в воздухе. В слабеющих руках дорожный чемодан, в чемодане — манускрипт и письмо.

Наконец, двадцать четвертое. Гостиница «Красный май». И через двадцать минут голос Бориса Пирамидова в трубке телефонного аппарата:

— Поздравляю. Все ясно. Еду к вам.

Часть четвертая

ТЕОРИЯ БОРИСА ПИРАМИДОВА

— Вы нашли Аминтайос?...

— Нет...

Скрежет опрокинутого стула. Грохот каблуков. Гулкий удар локтем в тонкую деревянную ступу и падение тяжелых тел. Затем свистящее, сдавленное дыхание и возгласы:

— Горло... от...пустите горло... ккк...кретин!..

Корн только сейчас чувствует жгучую, сводящую мускул боль от удара локтем в стену. Он выпускает хрипящего, задыхающегося Пирамидова и встает, с трудом поддаваясь раскаянию и смущению.

Пирамидов кашляет, плюет в умывальник, поправляет галстук и воротник и в негодовании, высоко поднимая плечи, хлопает себя по бедрам.

— О, идиот!... О, кретин!.. Где хваленая выдержка и воспитание?... Ученый, египтолог, герр Штольц... Черт вас возьми! Стыдитесь...

Корн возражает чуть дрогнувшим голосом:

— Приношу извинения, но так нельзя...

— Не перебивайте, вы! Садитесь!

И пока Корн покорно валится в кресло рядом с умывальником, Борис Пирамидов, растирая двумя пальцами горло, говорит с укоризненной жалостью:

— Слепой кретин, полная тупица может искать разгадку там, где есть только мелкий факт, ничтожная случайность, звено в цепи случайностей. Неужели вы думаете, что, если мы изловим сумасшедшую девчонку, меняющую любовников, бегающую с медным обручем на лбу по Софиской набережной, неужели вы думаете, что это в какой-нибудь степени приблизит нас к разгадке?.. Неужели вы думаете, что серьезные люди хотя бы на минуту поверят на слово, что эта хорошенькая брюнетка имеет пять тысяч лет от роду и происходит по прямой линии от династии Сетхов?...

Он простирает руки к потолку и потрясает ими над поникшей головой Корна...

— Нет, сударь мой, ученый египтолог, доктор археологии!... Никогда. Я, только я, энтузиаст, интуит-провидец и поэт, мог найти истинный путь к тайне! Только Борис Пирамидов, сопоставив ряд нелепых случайностей, мог почти гениальным анализом незаметных явлений прийти к исходной точке и поставить точку над тайной сейфа 24-14.

Обратимся к фактам. Казимир Стржигоцкий или Фердинанд Париси, называйте его как угодно, говорит: «Первое звено — Москва, коптский язык, сумасшедший врач и незабываемое лицо женщины; последнее — металлический кружок, браслет Аминты...»

И дальше:

«Внутри кружка, на сгибе, слово, написанное русскими буквами, и цифры: “Касимов. 1921”». Как вы толковали слово «Касимов»? Вы — египтолог, доктор археологии...

— Касимов — город Рязанской губернии.

Сдержанный, язвительный смешок.

— Касимов — посол московского царя в Индию, 1675 год...

— Вы думаете?... Нет. Касимов — не город. Касимов не имя русского посла, Касимов — это К. А. Симов. Симов доктор медицины — психиатр — Москва (смотри «Врачебный календарь» за 1901 год). Пока на этом точка. Я не располагаю временем, чтобы повторить вам полностью доклад, который я сделаю на экстренном собрании содружества «Лотос и треугольник». Однако, чтобы успокоить вас, скажу кратко — тайна Аминтайос в этом портфеле, который вы заставили меня выронить в тот момент, когда в припадке сумасшествия сжимали мне горло. К делу...

Корн медленно поднимает голову:..

— Вы говорите, Симов?.. Касимов... К. А. Симов... Кто мог думать?...

— К делу! Разумеется, затратив время и некоторую долю моих способностей, я действовал не бескорыстно. Слава и деньги, на которые мы имеем равные права, даются

нелегко, В таких случаях необходим трамплин, поддержка, некоторая обработка общественного мнения. Согласитесь с тем, что наш официальный доклад, выступление в учебных кругах, без соответствующей подготовки —немыслимы. Поэтому я с самого начала обратился к моим друзьям из «Лотоса и треугольника». Одни полагают, что это ма-сонская ложа, другие, что это мистическое содружество или союз литературных вегетарианцев... Вам я скажу по возможности ясно. Это собрание еще сохранившихся индивидуумов, удрученных событиями последних лет, о которых они были поставлены в известность весьма ощутительным для них образом. Это немного спириты, немного мистики, немного теософы. Они собираются по пятницам в одной довольно обширной комнате за жидким чаем с лимоном. Государство игнорирует их, потому что они не опасны, они добросовестно платят все причитающиеся налоги и не пытаются фрондировать, испытав на себе неудобство строго изолированного образа жизни. Я обратил на них внимание, потому что эти романтические существа обожают легкий покров тайны и все то, что отдает сверхъестественностью. Хотя явление, открытое нами, имеет строго научную базу, все же оно представляет для них интерес с точки зрения первого опыта сношений с потусторонним миром. Словом, они нужны нам, как первая моральная и материальная поддержка. Прежде, чем мы отправимся в «Лотос и треугольник», я должен вас предупредить, что почти все сочлены этого содружества принадлежат к уважаемому, с нашей точки зрения, кругу общества. Там имеются три бывших профессора богословия, две духовных особы, возглавляющих новые веяния в церкви, бывший сенатор, несколько присяжных поверенных, раскаявшийся эсер из многодумных семинаристов, раввин, несколько дам из бывших помещиц и профессор математики, отрекшийся от точных наук. Все. Теперь, что сделали вы?

Слабый жест в сторону чемодана.

— Я привез письмо... предсмертное письмо Стржигоцкого-Париси.

Пирамидов уверенными, точными движениями берет манускрипт и письмо. Письмо он перечитывает дважды, с удовлетворением. Прежде чем положить его вместе с манускриптом Стржигоцкого в свой портфель, он бросает взгляд на рукопись Стржигоцкого и вскрикивает, как уколотый иглой:

— Дневник Париси и письмо Стржигоцкого написаны *разными почерками!*

ЛОТОС И ТРЕУГОЛЬНИК

— Это не имеет значения! И это не имеет значения... Ну, пусть Казимир Стржигоцкий и Фердинанд Париси не одно и то же лицо. Разве это взрывает мою теорию? Моя теория, как составной рисунок, как мозаика. Один мелкий камешек — «смерть Казимира Стржигоцкого» выпал, но рисунок цел. Узор ясен.

Эту фразу произнес Борис Пирамидов в промежутке между первым и вторым этажами, на площадке лестницы деревянного флигеля.

— Председатель содружества — Адриан Хрящ, — писатель, игравший некоторую роль в эпоху первых декадентов, издатель журнала «Вымя музы», который вы, вероятно, помните, если интересовались новой российской словесностью в гимназические годы.

Выговорив эту фразу без передышки, он дважды нажал кнопку звонка.

На белой эмалированной вывеске — Агнесса Иулиановна Хрящ — уроки музыки. Звонок зазвонил меланхолическим стеклянным звоном и дверь открыла маленькая, тихая старушка, сказавшая только слово «привет».

Весьма обыкновенная передняя. В ту минуту, когда Густав Корн снимал непромокаемое пальто, Пирамидов успел ему шепнуть:

— В смысле субсидии ориентируюсь только на легко реализуемые ценности.

И они вошли в дверь, похожую на дверцу шкафа,

Низкая просторная комната, какие бывают в старых флигелях с мезонином, овальный стол, задрапированный бархатом, канделябры-семисвечники и острые язычки пламени от свечей, отражающиеся в полированных плоскостях шкафов красного дерева.

Если определить на глаз, в комнате было не более двенадцати человек, не считая тех, которые сидели на широ-

ких низких диванах. Борис Пирамидов обратился к бритому человеку в высоком глухом воротнике и старомодном галстуке, сидевшему в кресле вплотную к столу.

Лицо этого человека с приблизительной точностью воспроизводило дагерротипы середины прошлого века.

— Привет.,.

Это имело вид ритуала, — все во всех углах комнаты ответили, как эхо:

— Привет.

И лыбые головы пожилых людей наклонились и снова откинулись, застыв в благоговейной неподвижности.

Корн и Пирамидов сели, причем Корн увидел рядом с собой единственную сильно декольтированную женщину неестественной бледности и худобы, в старомодном бархатном платье, с искусственной орхидеей у пояса.

Пирамидов положил руку на стол и произнес тоном, к которому располагала манера присутствующих:

— Все ли здесь друзья?...

Отрывистая декламация председателя:

— Друзья или друзья друзей.

Пирамидов вынул из портфеля две рукописи. Одна была — манускрипт Стржигоцкого, другая — пачка листов, переписанных на пишущей машине.

— Слово?...

— Слово...

И, простирая руку вперед, Пирамидов с интонацией актера, играющего в пьесах Метерлинка, сказал:

— Прежде, чем развернуть перед друзьями тайну тайн, сон снов, явь явей, — слово...

Несколько освоясь с тоном, который был здесь принят, Корн вынул из бокового кармана автоматическое перо. По привычке он сразу решил отмечать на бумаге все, что стоило запомнить. Под рукой не было бумаги, но он нашел в кармане конверт Северозэкспортного банка. Неделию он носил с собой это письмо, не успевая распечатать и прочесть — копия текущего счета или что-нибудь в этом роде. Ничего интересного.

— Вот мы, которым рок вложил в руки тайну. Простыми и грубыми словами записал все, что знал, некто, имевший многие имена, и простыми словами изложил тайну я — смертный, которому суждено открыть ее друзьям, городу и миру. Во имя священных лотоса и треугольника начну.

Он положил перед собой рукопись, переписанную на машинке.

«Во имя священных лотоса и треугольника, начинаю. Подробная повесть о докторе Симове, о египетской принцессе Аминтайос, что значит “дар Амона”, и о ее явлении людям».

ЛУЧИ ДОКТОРА СИМОВА

«Если же кто-нибудь найдет что-либо из выше сказанного невозможным и неисполнимым, я совершенно готов произвести опыт или в вашем парке или в любом месте, угодном вашей светлости, которой я доверяю себя с нижайшим почтением».

Из письма Леонардо да Винчи
герцогу Людовико Моро. 1482 год.

Представителю Универсального бюро по
изысканию доходов, м-ру Натаниэлю Тилю,
деловой двор — *Москва*.

Исследуя и изучая, высокочтимый мистер Тиль, опыты всех тех, которые считают себя сведущими в учении о времени и пространстве, и убедившись в том, что их труды представляют собой жалкое шарлатанство, я, отнюдь не желая вводить вас в заблуждение, могу предложить высокочтимому мистеру Тилю для эксплуатации следующее мое изобретение.

Предпосылки:

Закон сохранения энергии.

Закон сохранения вещества.

За свое земное существование человек выделяет механическую, тепловую и другие виды энергии. Человек, как машина, получает топливо — запас тепла, аккумулированный от солнца. Этот запас расходуется им при всевозможных видах работы, также при каждом движении. Неизбежным следствием всякой механической работы является расходование тепловой энергии. Тепловая энергия, составляющая часть общей энергии, затрачиваемой человеком, рассеи-

вается, равномерно распределяясь в пространстве, начиная с первого движения младенца, кончая последним вздохом умирающего.

Кроме того, в природе сохраняются расходуемые в этом же хронологическом порядке все другие виды энергии, затраченные человеком.

Представим себе машину, которая имеет возможность собрать всю тепловую энергию, израсходованную человеком в течение его земной жизни. Представим машину, которая собирает тепловую энергию человека правильными суммами от конца к началу его жизни.

Представим себе ту же машину, которая может собрать всю потенциальную энергию, затраченную человеком в его земной жизни, которая после него осталась.

Таким образом, вся потенциальная энергия, оставшаяся после человека, плюс вся тепловая энергия, которая собрана нашей машиной, комбинируемая в порядке времени образования первой и расходования второй, включая и остальные расходуемые виды энергии, есть человек.

Иначе:

Любой некогда существовавший индивидуум может быть восстановлен в качестве материального явления, в качестве человека, со всеми присущими человеческому организму функциями.

Если вы найдете, что-либо из вышесказанного невозможным и невыполнимым, я готов произвести опыт имеющимися в моем распоряжении средствами в моей лаборатории, находящейся в Москве.

Телефон имеется.

С совершенным почтением,
доктор медицины К. Симов.

ВСТРЕЧА В КАФЕ «СИЛЬВА»

Несколько лет назад, на проезде был велосипедный магазин и рядом приятные глазу золотые буквы по синему полю: «Бландов» — молочные продукты. Но в те дни 1922 года, когда на каждом углу возникали кафе, предприимчивый помощник присяжного поверенного Черенков и вдова тайного советника Мертваго открыли в велосипедной мастерской кафе под приятным театралам названием «Сильва». От велосипедной мастерской остался явственный запах бензина и газа, но сама пещера, где шесть лет не ступала нога человека, в четыре дня приобрела комфортабельно-бомбоньерочный вид. У самого входа стоял огромный (траченный молью) медведь с резным блюдом, которое еще грезило небрежно загнутыми карточками камер-юнкеров и сумских драгун.

Из флигеля при особняке тайной советницы Мертваго сюда переехали кресла красного дерева, тяжелые овальные столы, хрусталь и серебро, белый эраровский рояль. Из квартиры помощника присяжного поверенного «Остров мертвых» Беклина, три шишкинских «Леса» и лес пальм. Так как хрусталя, посуды и мебели красного дерева мадам Мертваго не хватило, то пай в кафе «Сильва» имела и перешедшая на хозрасчет «академическая студия мелоластики и био-мимики», снабдившая кафе посудой и стульями. Вечерами в кафе играла Шопена и вальсы из оперетт баронесса Гейленштраль и ее племянник, бывший чин для поручений при градоначальнике Овчина-Телепень-Погорельский. Кроме жены и двух сестер помощника присяжного поверенного, в кафе прислуживали четыре барышни в возрасте от сорока двух до пятидесяти пяти лет, хорошо происхождения и соответственной внешности.

Кафе поддерживали свои люди, живущие в шести домах на проезде, провинциалы, которых прямо с вокзала трамвай метал на площадь у проезда, так как здесь город и только что оперившиеся витрины магазинов имели явно

соблазнительный вид. Кроме того, бывали те, кого не смущал корректный вид Бориса Васильевича, бывшего дворецкого бывшей тайной советницы. Здесь он исполнял должность швейцара.

Доктор медицины Симов жил двумя этажами выше кафе и потому имел нравственный долг поддерживать кафе мадам Мертвого. Никакого домашнего хозяйства со времени романтического побега его жены с инструктором танцев он не вел, кроме того, его квартира, состоящая из похожей на сарай лаборатории и чулана, не была подготовлена ни для деловых визитов, ни для оседлого образа жизни вообще. Уплотнители доктора Симова и бывший хозяин квартиры находились в прочно враждебных отношениях по целому ряду основательных причин, из которых главной был общий электрический счетчик и опыты доктора Симова. Поэтому естественно, что первое историческое свидание Симова и мистера Натаниэля Тиля — шефа Универсального бюро по изысканию доходов — происходило на нейтральной почве, т. е. в кафе «Сильва».

За стойкой, позади серебряного кофейника со свистком, находился главный пайщик «Сильвы», помощник присяжного поверенного Черенков. Брюнет, впадающий в синеву от частого бритья, с приятно-влажными глазами-маслинами.

Продолжая в уме высчитывать, сколько он потерял на разнице курса за два истекших дня, он автоматически проводил глазами доктора Симова и мягко катившуюся за ним Олимпиаду Серафимовну Мертвого.

Но Симов не ответил на мигание глаз-маслин и легкие движения губ, означавшие поклон гражданина Черепкова, и прочно уселся в углу у окна за живой изгородью искусственных пальм. Затем он положил перед собой два диксионсра и три вишнево-красных книжки Берлица и остановился глазами на золотой дутой эмалированной броши передника мадам Мертвого.

— Занимаетесь английским?... Могла бы рекомендовать племянницу; второй год служит в Наркоминделе... Великолепное произношение, смолянка...

— Чаю...

Олимпиада Серафимовна пошевелила ноздрями и отплыла, мягко мурлыкнув:

—Маньяк!

Двадцать две минуты доктор Симов сидел перед Берлицами и диксионерами, не сводя глаз с тротуара перед окном «Сильвы». Кафе, по-видимому, привыкло к его расплывшемуся лицу, переходящему в лысину, и к мясистому свисающему носу, слегка сотрясающемуся от нервного тика и провожающему легким поворотом каждую тень на замерзшем стекле. Но через двадцать две минуты, ровно в пять часов вечера, доктор Симов проявил некоторое беспокойство. Входная дверь открылась и вошел человек, в котором даже провинциалы признали иностранца. Человек этот привычно-небрежно отдал бывшему дворецкому золотисторыжее пальто на замше, котелок, аккуратно протер монокль и оглядел готовые к услугам лица мадам Мертваго и Черепкова. Но прежде их, навстречу иностранцу, шаркая ногами, двинулся Симов, взял его об руку и увлек за живую изгородь из пальм. Олимпиада Серафимовна мягко подкатилась к столу и тут же откатилась рикошетом, наткнувшись на бешеный взгляд из-под седых бровей доктора Симова. Несколько секунд Симов, прищулив воспаленные веки, рассматривал человека лет пятидесяти, довольно плотного, полнокровного, с кирпично-красным цветом лица, отлично выбритого, в лысине которого отражалась бронзовая люстра из особняка Мертваго.

— Мистер Тиль?

Мистер Тиль шевельнул челюстью и не менее внимательно рассмотрел Симова от седых прядей на лбу до зеленых валенок, подбитых кожей.

Симов заторопился, перелистал диксионер и с последней надеждой ухватился за Берлица.

— Спик ю англиш?... — Но прежде, чем он вытолкнул из трясущихся губ эту фразу, мистер Тиль мягко отодвинул диксионеры и сказал на чистом русском языке:

— Я говорю по-русски.

И, видимо, исчерпав все удовольствие, какое ему доставило растерянно-изумленное лицо Симова, вытянул ноги, повернулся к нему правым углом рта и начал довольно подробный рассказ:

О НЕКОЕМ НАТАНЕ ТИЛЬМАНЕ

— Тридцать один год — не шутка. Тридцать один год назад в Одессе, на Старой Портофранковской улице, поселился молодой человек, экстерн из Тирасполя Натан Тильман. Не стесняясь ни временем, ни расстоянием, Натан Тильман давал уроки двум почтовым чиновникам, готовившимся к экзамену на чин, и сыну купца первой гильдии, с трудом перевалившему в третий класс на восемнадцатом году жизни. Натан Тильман беглым шагом проходил не менее двадцати верст в сутки, во всякую погоду, во все время года, и это отражалось преимущественно на его аппетите и подметках его сапог. Столовая против университета, где за двугривенный давали горячий красный борщ с крепким куском мяса и две пухлых котлеты, была редким достижением Натана Тильмана; его обыкновенным меню был черный хлеб и соленые огурцы — зимой, черный хлеб и арбуз — летом.

Мистер Тиль выдержал паузу и засиял не менее чем четырьмя золотыми клыками верхней и нижней челюсти.

— И если мистер Симов помнит, то в городе Одессе на Французском бульваре двадцать шесть лет назад, в чистом белом доме с палисадником, жил податной инспектор Симов, родной отец Симова, с которым я имею честь беседовать. И если мистер Симов помнит, то однажды в 1893 году, летом, приехавший из Тирасполя экстерн Тильман появился в столовой с оленьими рогами и портретом Александра Третьего.

Симов заерзал на стуле. Неопределенное воспоминание беспокоило его.

— Для бедного экстерна урок у податного инспектора — счастье. Но бедный экстерн говорит с акцентом, между тем, у господина податного инспектора тонкий слух, и может ли экстерн Натан Тильман обучать «великому, могучему, свободному русскому языку» старшего сына господина инспектора?

Разница между учителем и учеником — два года. Но ученик в седьмом классе, а учитель — экстерн. Но еще два года, и ученик — студент, учитель — экстерн. Еще шесть лет, и ученик — лекарь в Москве, а учитель все еще — экстерн.

Золотые зубы опять засияли.

— Дело, оказывается, не к том, что экстерн Тильман умел написать сочинение на тему — «Лишние люди в русской литературе», а Симов не умел.

Я не сержусь, доктор Симов. Я благодарю. Я благодарю за весну в этом городе, где я учился, за рестораны на бульваре, где играли «Травиату», где стучали ножами и вилками. За акации, которые сыпали, как ковер, цветы под ноги бедному экстерну, за море, которое пахло йодом и солью, и за женщин, на которых он мог смотреть...

Но, Симов!.. Двадцать лет назад мне надоело слушать, как другие стучат ножами и вилками, дышать морем и акациями и есть черный хлеб. Я перешел границу у Волочи́ска и ровно через три месяца пароход «Виржиния» выбросил меня и еще шестьсот человек в Нью-Йорке. Я делал все, что делали десятки и сотни тысяч до меня. Я гладил, чистил сапоги, набирал газеты, таскал кули, торговал рухлядью, голодал ничуть не лучше и не хуже, чем в Одессе, и все это до того дня, когда мне пришла в голову мысль, которая стоит честный миллион. Это были не ваши сумасшедшие выдумки, и не радиотелеграф Маркони, не аэроплан Райта. Это была новая система подтяжек для жарких стран. В четыре месяца я имел миллион.

За подтяжками из пеньки я выпустил стереоскоп-брелок с картинками для несовершеннолетних и еще десяток никому не нужных мелочей, рассчитанных на дураков. Я научился извлекать золото из никому не нужной дряни, из тех отбросов, которые дает настоящее деловое производство. И в десять лет я сделал так, что в Европе и Америке у каждого рябит в глазах от моего имени на стенах домов, на облаках и на асфальте:

«Мистер Натаниэль Тиль — универсальное бюро
по изысканию доходов».

И теперь Натаниэль Тиль сидит в аванложе Гранд-Опера в Париже, а Натаны Тильманы слушают музыку даром на бульварах; мистер Натаниэль Тиль ест остендские устрицы и пьет коньяк «Кафе де-Пари 1824», а Натан Тильман ест черный хлеб с огурцами: нет Натана Тильмана, есть мистер Натаниэль Тиль.

Он хохотал от души, но смеха не было. Сияли зубы, и за ними шипел как бы механизм граммофона.

— К делу! Мистер Симов! Неужели вы думаете, что мистер Натаниэль Тиль обратил бы внимание на ваше письмо с идиотскими планами, если бы на конверте не было марки с серпом и молотом и если бы мой секретарь не прочитал мне подпись «Симов»? Пусть коллега Натана Тильмана знает, как живет Натаниэль Тиль. Все. Я кончил. Теперь я слушаю вас.

ДОМА

Они остановились перед непрочной, ходившей ходуном дверью. Справа, у проволоочной петли с катушкой, заменявшей звонок, висела записка:

Артюхову — 1.

Симову — 2.

Кацу — 3.

Матросовой — 4.

В коридоре дверь справа была полуоткрыта, и задорный молодой голос пел под гармонику:

Хорошая погода,
И солнышко сияет,
А власть всего народа
Буржую жить мешает...

Мимо двух поставленных стоймя сундуков, вешалки и велосипеда мистер Тиль и Симов прошли к двери с тяжелым замком дугой, вроде тех, которыми запирают мелкие лавки в провинциях. Симов с остервенением выдернул записку из щели, сунул в карман и пропустил вперед Тиль,

Это была комната, разделенная драпировками, со стенами и потолком, отливающими металлом, и полом, покрытым каучуком. Мохнатые от пыли провода зигзагами и по диагонали опутывали стены и потолок. Впереди, перед бюро красного дерева, стояла походная кровать, за ней столы, загроможденные сосудами, согнутыми трубками, приборами, и дальше приводные ремни, колеса, провода, выключатели, мраморные доски с рубильниками, сжатые в узком пространстве, перепутанные между собой, нагроможденные в пыльной и грязной щели. Все вместе походило на грязную коробку, куда распалившийся ребенок бросил разобранный им механизм старых часов. Свободные промехутки загромождали связки книг, чертежи и бумаги. Лам-

па в пятьсот свечей победоносно светила среди грязи, ко-
поти и хаоса лаборатории доктора Симова.

Мистер Тиль долго выбирал место, куда положить ко-
телок, перчатки и трость, затем отчаялся и сел на край гор-
батой кровати. Симов сидел на бюро, скорчившись под лам-
пой в пятьсот свечей.

— Пятьдесят девять лет... Однако...

Мистер Тиль сравнил себя с Симовым, испытал неко-
торое удовольствие и перешел на «ты»...

— Ты, кажется, женат?

— Будем говорить о деле, Натан. Ты читал мое письмо?

— Я деловой человек. Читал. Это роман.

— Хорошо. А если ты увидишь?

— Не верю. Глупость. Фантастика. Который час?..

Симов перехватил его руку с часами.

— Десять часов. Натан! До двенадцати часов ты мне
даешь время? Всего два часа.

Мистер Тиль утвердительно двинул челюстью.

— Хорошо. Только не ходи из угла в угол.

— Натан! Я презирал литературу. Нет литературы. Есть
точные науки. То, что ты увидишь, это тридцать лет моей
жизни.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА МЕСТА

Монтер из Могэса Артюхов сидел на табурете против Кузьмы Артюхова, крестьянина Трубчевского уезда, Орловской губернии. Трехрядная гармония младшего дворника лежала на столе, но сам младший дворник Митя не утомился и высвистывал «Отче наш». Кузьма Артюхов был не совсем доволен сыном и явно зол на невестку. Не то, чтобы его плохо приняли в Москве, но обычаи были внове.

Почему невестка на курсах? И что это за курсы на ночь глядя? Где видано, чтобы муж жену в ночь отпускал со двора? Обо всем хотелось сказать, но сказать ко времени и к месту. А разговор шел о другом. О сноповязалках, сельмаштресте и семенах. За стеной изредка, глухо, точно сквозняк, гудела машина Симова, свистел Митя, а монтер Артюхов спицей чистил трубку.

Кузьма Артюхов ушел ставить самовар.

За тонкой стеной налево щелкала на счетах торгующая на Смоленском рынке Прасковья Матросова, по паспорту жена письмоводителя из воинского присутствия. Письмоводителя как ветром сдуло после октября семнадцатого года, но гражданка Матросова жила неплохо. Особенно после удачной продажи крашеного сунса за соболя. Хорошо сложенная из изразцов печка-временка дышала жаром и, как ни было жалко, а пришлось полуоткрыть дверь в коридор. Драгоценное тепло уходило даром. У дверей на гвозде висела шуба на кенгуровом меху — бобры. Выхватила из-под носа у татарина. Продавал бывший действительный статский с Пречистенки. Отдал задешево. Гражданка Матросова провела рукой по бобрам и, радуясь, села за счеты.

А рядом с Прасковьей Матросовой жил свободный художник Самуил Кац, иллюстратор картин в кинематографе «Навыи чары», композитор и музыкальный критик. Гражданка Матросова не любила музыки не ко времени. Но так как доктор Симов пустил в ход электрическую машину, то Самуил Кац осторожно брал моллюскообразные аккорды,

яростно заглушая их педалью. Был понедельник. «Навьи чары» не работали, и вместо шикарных аккордов к картине «На грани грех проклятий» можно было для души припоминать Скрябина. К одиннадцати часам вечера Каца звал к себе на суаре помощник присяжного поверенного Черепков. Нужно было кому-нибудь играть уон-степ для жены Черепкова, Хризантемы Марковны, и знаменитого, прославленного на Арбате танцора Жака Яценко.

Между тем, за стеной пронзительно и уныло гудела электрическая машина доктора Симова.

ОПЫТ СИМОВА

— Самое главное ты узнал из моего письма. Это тридцать лет моей жизни. Мои пациенты — переутомившиеся адвокаты, желчные чиновники, истерические дамы и запойные купеческие сынки — привыкли видеть во мне модного врача, приятного собеседника, профессионально бодрого крепыша, который говорит этаким приятным ровным баском, щупая пульс, пробуя коленные рефлексy: «Ну тека, что у вас, батенька?..» Или: «Эх, милая дамочка, нервы у вас того...». Если бы они знали, что милый доктор, вместо полагающихся ему трудов по невропатологии, занимается разнообразными и сложнейшими опытами, не имеющими ничего общего с медициной, полагаю, что столь радовавшему тебя благополучию доктора Симова пришел бы конец. И потому тридцать лет, никому не открывая своих мыслей, никого не посвящая в свои опыты, я преодолевал законы времени и пространства. К концу первого десятилетия, после того, как я получил из-за границы сконструированные по моим чертежам части машины, — я достиг значительных успехов. В 1901-м году я, доктор Симов, в этом доме, в этой комнате, впервые в мире... Ты меня слушаешь?..

Рот мистера Тиля изогнулся утвердительно скобкой вниз.

— Впервые в мире точным научным опытом при посредстве лучей, которые я называл лучами Симова, я преодолел время и пространство и имел дело здесь, в моей лаборатории, с индивидуумом, восстановленным из тьмы веков.

Скобки поползли вверх и этим выразили сомнение. Остальные части лица не принимали участия в эмоциях Натаниэля Тиля.

Тонкий палец Симова с изъеденным кислотами ногтем очертил полукруг и повис над механизмом, напоминающим динамо-машину, наполовину скрытую под металлическим футляром.

Кроме рта и челюстей, плечи Тиля вышли из состояния покоя.

— Я привык иметь дело с цифрами и фактами... Что ты мне предлагаешь?

— Факты...

Палец Симова настойчиво указывает на мраморную доску и рубильник.

— Двадцать лет назад один человек, присутствие которого мне понадобилось для моих первых опытов, обманул меня. После него ни один человек не проникал сюда. Ты — первый...

Рука Симова на рукоятке.

— Опыты 1901 года, невольным свидетелем которых стал невежда, были только детской игрой. Теперь я применяю последние достижения техники в конструировании моих машин, и девятьсот первый год — ничто в сравнении с тем, чего я достиг теперь. Сегодня ты увидишь заверченный опыт... Сегодня впервые я дам испытуемому индивидууму свободу движения в пространстве. Из комнаты-изолятора, Зарядив приемник, я введу ее в нашу земную атмосферу. Возьми...

Натаниэль Тиль видит в левой руке Симова тонкий, как бы сделанный из платины кружок-браслет. Очевидно, впервые за много лет испытывая неловкость в присутствии явного маньяка, он с трудом выталкивает слово за словом из-за золотых зубов верхней челюсти.

— Что нужно с этим делать?

Он держит кружок между большим и указательным пальцами и слышит голос Симова:

— Это — приемник. Я заряжаю его.

Симов включает мотор. Треск электрических искр. Глухим сквозняком гудит машина. Во внезапном мраке — раскаленным зигзагом тускло светится электрическая лампа в потолке.

ВАСЯ ЧЕТВЕРТАК

Шестая серия «Бесстрашного ковбоя» кончилась. Перед плакатом, изображающим человека, висящего на канате дирижабля, в то время как внизу два тигра подсакивают на высоту Эльбруса, Вася Четвертак выдержал короткую схватку с «Владыкой мира». Были старые счета насчет не поделенной добычи в деле с продавщицей яблок. После шестой серии у Васи был редкий прилив энергии и жажда деятельности. За исключением знаменитой подножки, «Владыка мира» не имел большого перевеса сил. Но разве у «Бесстрашного» нет прославленного удара головой в живот?

Чистая романтика и низкий быт. Двое в коротких меховых куртках и с портфелями ухватили «Владыку мира» и Васю за шивороты. Два одновременных, довольно метких пинка в мягкие части. Исчезая, «Владыка мира» не оставил надежды на месть. Предполагалось после катка небольшое дело с пятиклассниками из второй ступени на Мерзляковском, но до четверга два дня, а «Бесстрашный ковбой» требует крови.

Вася Четвертак ринулся в переулки Уайтчепеля. Открыто пересечь Арбатскую площадь он не рискнул. Ищейки Скотланд-Ярда не дремлют. Поэтому он шел переулками, разумеется, не по тротуару, а по мостовой, опасаясь предательского удара сбоку. На шестнадцатом году жизни, имея позади бурное и славное прошлое папиросника, возвращаться домой на ночлег в Сумбекову башню Рязанского вокзала без одного приключения!

«Бесстрашный ковбой» весь превратился в слух. Хрустел снег, в переулке тишина, и где-то на Поварской лаяли жаждающие крови звери. Черный зев открытой двери зловеще зиял перед ним. Одиннадцать часов. Ночь. Тишина. И вдруг в настороженном ухе зазвенел пронзительный женский визг.

Стремительным прыжком Вася отпрыгнул от двери. Черный ход многоэтажного дома. Пахнет кровью и преступлением. Положив руку на рукоятку пугача, «Бесстрашный ковбой» углубился в притоны Уайтчепеля. Обледенелая лестница, мрак и красный отблеск фонаря где-то вверху. Ступенька за ступенькой. Тише, сердце. Превратимся в слух. Снова визг, явственный и пронзительный. Мольба о помощи. Вперед, и «Бесстрашный ковбой», через три ступеньки, по этажам вверх. Еще шаг...

Мягко шурша валенками, по ступенькам вниз скатилась круглая женская фигура и за ней шаром, задыхаясь и кашляя от смеха, младший дворник Митя.

Бесстрашный отделился от стены. Была тишина и разочарование. Серым пятном лег тусклый свет из узкого окна над головой Васи. Запыленное окно. Тайнственный полумрак и чуть слышное жужжание мотора. Интригующий равномерный шум. Что это?..

— Точь-в-точь, как в деле фальшивомонетчиков в Гуле, — прошептал Бесстрашный.

Окно. На черную лестницу. Шум. Дотянуться до окна. Стать на перила на страшной высоте. Игра стоит свеч. Цепляясь за стену, не оглядываясь назад в пропасть, стал на перила. Дотянулся до окна. Запыленное стекло. Неплотно прилегающая рама. Сквозь стекло внизу сундуки, корзины, темнота.

— Сокровище бегумы...

Рама поддается. Короткое раздумье. Хороший узел беля или рухлядь? Страшно в первый раз. Но слава в Сумбековой башне. Но взгляд Оли Горностай... Но зависть «Владыки мира».

И Бесстрашный ковбой, приоткрыв раму, прыгнул в мрак и безмолвие.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОПЫТА СИМОВА

Пока светила пятисотсвечовая электрическая лампа, Натаниэль Тиль весьма хладнокровно обдумывал свое необыкновенное приключение, но когда свет погас и вокруг металлического кружка, который он держал между большим и указательным пальцами, затрещали длинные зеленые искры, Тиль забеспокоился. Между тем, доктор Симов считал дрогнувшим, напряженным голосом, как считают на операционном поле под хлороформом:

— Два, три, четыре, пять...

Тиль безнадежно наблюдал за опытом. С его точки зрения, поведение доктора Симова было естественным для душевнобольного, одержимого навязчивыми идеями.

— Шесть, семь, восемь...

На десятой секунде Тиль широко раскрыл глаза и выронил сигару. Внутри кружка, который он держал в правой руке, засветилось зеленоватым фосфоресцирующим светом сплетение линий, странно напоминающих локтевой сустав человеческого скелета. Свистящим шепотом, заглушаемым шумом мотора, продолжал считать Симов:

— Двенадцать, тринадцать, четырнадцать...

Зеленоватый свет проступал продолговатым овальным пятном. Слабея по краям, он медленно переползал к центру светового пятна, проступая сетью знакомых изогнутых линий. В этом пульсирующем световом овале, как в снимке лучами Рентгена, с каждой секундой яснее выступали ребра светящегося скелета.

Симов перестал считать. Мистер Тиль уловил слова.

— Материализация... Синтез энергии...

Внутри металлического кружка излучаемый сплетением локтевых костей фосфоресцирующий свет постепенно угасал. Сустав одевался плотью, и Натаниэль ясно ощутил прикосновение нежной, теплой человеческой кожи. Между указательным и большим пальцами он держал вы-

ше локтя руку женщины, и когда, с трудом отвлекая внимание от этой мягкой и нежной руки, он наконец поднял глаза, то увидел рядом с собой, там, где ранее светилось овальное в рост человека пятно, сияющее, обнаженное, ослепляющее классически чистыми линиями тело женщины.

Между тем, Симов говорит ровным, глухим голосом, точно читая лекцию невежественному ученику:

— ... Представим себе машину, которая может собрать всю тепловую энергию, израсходованную человеком в его земной жизни, всю потенциальную энергию и другие виды энергии, оставшиеся после него, комбинируя их в хронологическом порядке жизни данного человека. Иначе говоря, человек может быть восстановлен в качестве материального явления, в качестве индивидуума, со всеми присущими человеческому организму функциями, при помощи машины, синтезирующей все оставшиеся после него виды энергии. Таким образом, мы имеем дело с индивидуумом, восстановленным мной из времени и пространства. Это женщина.

Ты можешь говорить с ней... Она понимает французский язык. Для нее я потратил три года на изучение коптского языка и научил ее в шестьдесят уроков объясняться по-французски.

Все эти слова точно издалека доносятся до Натаниэля Тиля. И если бы не реальная, живая, превосходно сложенная женщина рядом, он мог бы поклясться, что это нелепый предутренний сон.

— Женщина!..

Сдавленным чревовещательным голосом, каким в театре Гамлет говорит с тенью:

— Вы слышите меня?.. Кто вы, мисс?

Вырастая на целую голову, срывающимся от гордости и радости голосом — Симов:

— Скажите ваше имя и кто вы?..

Сначала тихий, потом крепнувший мелодический голос и легкий, как бы южный, акцент живого существа:

— Я Аминтайос — египтянка, дочь Сетха... Что вам нужно от меня?

Симов выключает мотор. Пятисотсвечовая лампа разрывает мрак. В естественном свете, как Венус, рожденная из проводов, моторов и искр — обнаженная женщина.

— Она совсем голая...

Два человека по-разному смотрят на женщину.

Симов и Тиль.

Гордость и пытливость. Робость и легкое вожделение.

Между тем, женщина смотрит равнодушными, продолговатыми, слегка удивленными глазами на двух стариков, которые почти касаются ее. И вся театрально застывшая группа, напоминая миф о застигнутой старцами Сусанне, вздрагивает от легкого стука в дверь.

Симов в нетерпении и бешенстве.

— Кто там?.. Я занят...

Деликатный голос Капа:

— Извините... Я засорил глаз...

— Зайдите потом... Я занят...

— Простите... Это ваша обязанность. Вы же врач!

Выразительное молчание. Яростный шепот Симова:

— Из-за этого идиота придется прервать опыт.

Настойчивый стук...

Мистер Тиль в волнении.

— Его нельзя пустить... Здесь женщина... В таком виде... Это скандал.

Со спинки стула снимают халат, и мистер Тиль накидывает его на плечи Аминтайос...

Прикосновение к живому теплему телу... Затылок Тиля над белым воротником краснеет, и рука более чем нужно задерживается на круглом плече...

Симов дергает драпировку, и они остаются вдвоем за вытертым бархатным занавесом.

Между тем, в чулане «Бесстрашный ковбой», более известный среди несовершеннолетних обитателей Марьиной Роши под именем Васи Четвертака, обдумывает положение. Прошло не более двух минут с тех пор, как жажда приключений уголовного характера привела его в чулан позади лаборатории доктора Симова. Пока он слышал жужжание мотора и два голоса, к которым присоединился один

довольно приятный женский, он не решался приоткрыть дверь, но проходит ограниченное количество времени, и голоса затихают. Приоткрыв дверь со всей полагающейся осторожностью, он видит комнату, слегка напоминающую велосипедную мастерскую. Почти без промежутка между взглядом и действием Вася Четвертак устремляется из чулана, мимо подозрительно колыхающейся драпировки, разделяющей комнату на две неравные части, в раскрытую настежь дверь, в коридор. Между тем, доктор Симов, прежде чем последовать за Кацем, который прикрывает обеими руками глаз, произносит через плечо фразу, предназначенную для Натаниэля:

— В сундуке... в чулане платья жены...

Он слишком занят опытом, чтобы усмотреть позади себя в коридоре как бы тень, вросшую в стену, тень Васи Четвертака.

Внезапно потревоженный, Тиль с большим трудом отводит глаза от Аминтайос и двигается, показывая ей дорогу в чулан. Небрежной и легкой походкой уверенной в себе женщины она входит в эту мрачную дыру.

Мистер Тиль, в позе ангела, охраняющего входы, у дверей чулана. Аминтайос сидит на сундуке, и бухарский халат — как фантастическая, созданная для нее одежда. Мистер Тиль сидится повернуть голову в сторону, но тугой воротник врезается в подбородок, и глаза упираются в обнаженное согнутое колено.

— Приношу извинения, мисс, вынужден побеспокоить...

Аминтайос встает, и мистер Тиль, пачкаясь в пыли, приподнимает тяжелую крышку сундука. Она стоит над ним в оцепенении, как античная статуя в лавке антиквара.

Тиль бормочет сквозь зубы по-английски достаточно неясно, предполагая, что она не может не знать нью-йоркского наречия:

— Надо сказать, что она слишком хороша для старого маньяка...

Мистер Тиль остановил свой выбор на черном, слегка открытом бархатном платье, на шелковых белых чулках и дессу, сохранивших еще запах духов мадам Силовой. В

другом сундуке он находит не менее шестидесяти пар разнообразных туфель и ботишков. Ему нравятся остроносые золотые туфли, вместе с тем, это не стиль Аминтайос.

Слегка опираясь на дверь, Аминтайос следит за ним с рассеянной задумчивостью.

— К сожалению, мисс, я не вполне разбираюсь в модах...

Голос доктора Симова:

— Какая наглость!.. Из-за пустяка тревожить врача...

И вдруг в коридоре грохот падения и вопль гражданки Матросовой:

— Шубу!.. Шубу на кенгуровом меху... бобры... шесть червонцев отдала на базаре... Караул!

Топанье ног, шарканье валенок и голоса...

— Отчаянность какая!.. Бегу за милицией...

— Очень просто: человек просунул руку и довольно спокойно снял шубу...

— Батюшки!.. Да я тут же... Чайку напилась... Убийвец!.. Кровопивца!.. Бобры...

В дверь Симова вваливаются Кац, Митя, Артюховы и говорят все вместе, перекрикиваясь с теми, что в коридоре:

— Катись за милицией!..

— От вас кто-нибудь уходил?

— Шубу па кенгуровом меху!..

Симов, мотая головой, как бык, идет на них, и все с шумом и грохотом вываливаются в коридор.

Мистер Тиль с некоторым удивлением выходит из чулана, рассматривая на свет некоторую принадлежность дамского туалета. Он застает Симова в явном смущении. Голоса и шум удаляются. Оглушительно хлопает дверь на лестницу.

Внезапная радующая тишина. Симов видит, как Тиль, мягко ступая, возвращается в чулан. Он идет за ним, но Тиль поворачивается с решительным видом.

— Это не совсем удобно... Мисс не одета.

— А ты?

— Должен же кто-нибудь показать ей, как это делается.

И Тиль с корректным, не выходящим сомнения лицом уходит в чулан.

Аминтайос по-прежнему стоит у дверей, слегка изменив позу. Платье мадам Симовой, чулки и туфли лежат перед ней на сундуке. Бухарский халат скользит с плеч, и опять шея Тиля туго ворочается во внезапно ставшем тугим воротнике.

— *Что я должна делать?..*

Тиль делает неопределенный жест...

— Поскольку мисс из четвертого измерения пришла к три земные, нужно...

Жест принадлежностью туалета, которую он все еще держит в руках.

Но Аминтайос смотрит лукавыми, недоумевающими синими глазами.

— Неужели же вы?.. Впрочем, откуда вам знать, как с этим обращаться.

С той секунды, как гражданка Прасковья Матросова увидела непостижимое для ее сознания явление — снявшуюся с крючка и исчезнувшую в щели дверей шубу, — прошло не более трех минут. Ноги Васи Четвертака привычно вынесли его из коридора, смели вниз по ступенькам четырех этажей и беглым шагом устремили в тускло освещенный переулок. Оттягивавшая локоть шуба на кенгуровом меху (бобр) легко влезла на бархатный френч и степенно пошла по переулку, открывая пуговку кепи сверху и рыжие на ременных шнурках скрюченные ботинки. Мгновенно приобретенным опытом, имея внутри себя Васю Четвертака, шуба перешла на неосвещенный газовыми фонарями тротуар и пропустила мимо себя по другому тротуару погоню — Матросову, дворника Митю, Артюхова, Каца и других, присоединившихся по пути. Затем Вася Четвертак в бобрах и кенгуровой шубе торопливо свернул и переулок и побежал на электрические фонари площади. Весьма возможно, что Вася Четвертак благополучно бы пересек площадь и существовал бы далее в качестве красы и гордости уголовных

элементов Москвы. Для этого были все данные — достаточная для шестнадцати лет физическая сила, ловкость, быстрые ноги и полное отсутствие задерживающих центров. Площадь намечалась за двумя поворотами, а милиционер приблизительно в центре площади, не менее, чем в пятистах шагах. Подслеповато мигали номера тихих глухих домов, когда из-за поворота вылезли обволакиваемые дождем лошадь, извозчик и седок. Впереди человек в кенгуровой шубе (в июле), позади — свистки и крики... И нужно же было так, чтобы погоня услышала вопль извозчика и присоединившийся вопль седока. Резвый дворник Митя первым появился из за угла, и Вася Четвертак, все еще не бросая шубы, повернул назад к площади, где соловьями заливались свистки. Сориентировавшись к переулку, Веся повернул в проезд к бульвару. Шуба затрудняла бег, пришлось расстаться с шубой. Поздняя жертва. По проезду из чайной «Барселон» ринулись подогретые чаем извозчики. Совершенно некстати вынырнувший трамвай не позволил перемахнуть через ограду бульвара. И наконец, новый преследователь — милиционер, спрыгнув с передней площадки трамвая, заставил повернуть к тротуару.

Удар головой о холодный, внезапно выросший столб. Красные огоньки трамвая, зеленые огни газа, звезды, подвешенные в ночи, перевернулись и фейерверком полетели в темноту.

Карьера «Бесстрашного ковбоя» кончилась. Сначала отделение милиции, затем патронат беспризорных.

Сначала это...

Бухарский халат падает на пол, и мистера Тиля бросает в жар. Но, чтобы восстановить земные приличия, он готов терпеть. Аминтайос настолько беспомощна, что мистеру Тиллю не избежать самого ближайшего руководства. Сначала — подробности, которые почти не требуют прикосновения.

Сорочка делает Аминтайос еще более неприличной с точки зрения солидного джентльмена его лет. Античная статуя приобретает несколько фривольный характер. Мистер Тиль торопится, показывая пантомимой на значительном расстоянии все, что можно показать одними подражательными жестами. Хуже всего обстоит дело с чулками. Он опускается на колени и здесь дает о себе знать легкий порок сердца. В особенности в минуту, когда нужно натянуть чулок до достаточной высоты. За всю холостую жизнь мистера Тиля он не встречал более безукоризненных линий и более нежной кожи. И, по-видимому, во всех отношениях Симов достиг полного восстановления этого индивидуума. Неудобное положение близится к концу после того, как надеты подвязки. Бархатное, несколько старомодное платье, туфельки — и античная статуя превратилась в стройную земную женщину с исключительно правильными чертами лица. Мистер Тиль преобразается в парикмахера, и когда туалет Аминтайос окончен, его туго накрахмаленный воротник расползается, превращаясь во влажную белую тряпочку. Колени мистера Тиля дрожат, и губы роняют сигару.

Когда Аминтайос выходит в лабораторию Симова, изобретатель оказывается потрясенным переменой. Мистер Тиль с полным удовлетворением рассматривает дело своих рук...

— Это, разумеется, временно... Завтра мисс поедет к портнихе...

Резкий стук в дверь.

В коридоре хлопают разом несколько дверей, топот, говор и настойчивый дребезжащий стук в дверь, приводящий в отчаяние Симова и Тиля. Тонкий, захлебывающийся от волнения голос Каца:

— Гражданин Симов... Пришла милиция... Необходимо осмотреть квартиру...

Симов воздевает руки к небу...

— Из-за старой шубы!.. Ужас!..

Мистер Тиль безнадежно пожимает плечами, отдаваясь во власть стихии и случайностей.

— Насколько я понимаю, женщина без прописки, ночью, притом женщина без определенных занятий.

Симов растерянно тычется по комнате, Тиль предлагает руку Аминтайос и провожает ее до дверей чулана, возвращается и садится на стул с видом высокопоставленного туриста, интересующегося бытом неизвестной страны.

— Куда же ее девать?..

— Нужно будет как-нибудь уладить с документами... Пока она может жить у меня в Деловом дворе.

Вопросительный взгляд Симова.

— То есть не со мной, а рядом... Где-нибудь вблизи. Нельзя компрометировать молодую даму, но нельзя оставить ее навсегда в чулане.

— А опыты?

— Это потом.. Прежде всего надо выяснить доходность предприятия.

Шаги нескольких пар ног в коридоре по направлению к дверям Симова.

— Что же сказать им?

— С какой стати они полезут в чулан?

Дверь открывается. Процессию открывает молодой человек в кожаной фуражке и останавливается на пороге, пораженный неописуемым хаосом.

Кац и Прасковья Матросова, в качестве добровольных помощников, объясняют вошедшему положение.

Молодой человек располагается за бюро и вынимает бумаги, затем терпеливо ждет, пока Симов, морщась, с явным недружелюбием отвечает на вопросы.

— Никого, кроме меня и гражданина Соединенных Штатов мистера Тиля, не было.

— Никакого мальчишки не видал.

— Гражданку Матросову знаю. Беспокойная жилища.

— Это я беспокойная? Сам с утра до ночи сверлит и сверлит. Фабрика.

Молодой человек записывает слова Симова, рассеянно обводит глазами аккумуляторы, провода, изоляторы и весь нагроможденный Симовым лабиринт.

— Дверь на черный ход есть?

— Как же-с... У них вроде коридорчика — чуланчик, отдельный ход.

— Желательно осмотреть.

Симов вздрагивает от неожиданности.

— Не могу... Не позволю...

Молодой человек проявляет некоторый интерес к доктору Симову и зловеще щелкает замком портфеля.

— То есть как?.. Как видно, гражданину Симову неизвестно...

— Не могу... Есть особые причины.

— Довольно странно с вашей стороны... Вы понимаете, что говорите? Прощу не препятствовать осмотру отдельного хода...

— Дверь закрыта на засов...

— А вот мы проверим.

И все двигаются к полуоткрытой двери чулана. Кац показывает дорогу. Тиль и Симов не двигаются с места и растерянно смотрят друг на друга. Несколько секунд молчания. Тяжелое дыхание и шепот Тили.

— Явный скандал. Этим я вам обязан.

Молодой человек первым выходит из чулана.

— Довольно странно...

Симов не поднимает головы. Тиль ждет окончания фразы.

— Довольно странно, почему вы препятствовали осмотру. Действительно, дверь закрыта. Не мешало бы и окошко. Петли плохи.

Молодой человек собирает бумаги в портфель и уходит, сопровождаемый Матросовой и Кацем, обуреваемыми детективным восторгом.

Долгое молчание.

Тиль срывается с места, спотыкаясь о провода, стучаясь о механизмы, и бежит к двери чулана. Следом за ним тяжелой походкой Симов.

Полумрак. Паутина и сырость. Раскрытые сундуки, на полу — рухлядь.

Аминтайос нигде нет.

ТАК НАЗЫВАЕМОЕ СУАРЕ

Б. председатель жилищного товарищества Борис Елисеевич Черепков. Помощник присяжного поверенного. Б. член профсоюза совработников. Юрисконсульт акционерного общества «Липа». Совладелец комиссионной конторы «Молния» на Мясницкой. Совладелец вышеупомянутого кафе «Сильва».

Хризантема Марковна Черепкова. Бывшая сотрудница второй студии Московского Художественного театра. Интеллигентнейшая дама в переулке. Живой вес четыре пуда двадцать два фунта. При хорошем росте едва заметная полнота. Квартира из трех комнат. Прописаны двое родственников. Живет, кроме Черепковых, Жак Леонардович Яценко, ученик студии экранного искусства. Бывший прапорщик. Френч длинный, почти до колен, галифе английского сукна, шевровые сапоги и наборный кавказский пояс. Ежедневно брит, усы — два аккуратных крылышка на верхней губе под тонким, мягким, чуть длинным носом. Не реже двух раз в месяц — суаре. Молодежь — американские танцы и спиритизм. Солидные люди — макао и железка. Иногда присутствуют поэты, которых водит признанный критик Ермолай Самосадкин. В час ночи — ужин с настоем на лимонной корке, помещицкой крепости и температуры водкой, пивом «Моссельпром», холодной закуской от Елисеева (Эмиро) и соленьями от Головкина. Вина господвалов Азербайджана. Старомосковское гостеприимство и хлебосольство, слегка видоизмененное тем, что гости с каждого снятого банка опускают в кружку десять процентов «для прислуги». Впрочем, прислуга — бедная родственница — числится уплотняющей гостиную, спит на сундуке в коридоре и не имеет особо сытого вида от щедрот гостей. Обыкновенно собираются к одиннадцати часам в кабинете красного дерева Бориса Елисеевича Черепкова. На стенах — гравюры: Москва пятидесятых годов, тонкие рамочки. На тумбах — канделябры, хрусталь. Мебель старин-

ная, реставрированная до тонкости. Арматура — фонарики под фойе Художественного театра. Далее гостиная — золоченая, стеганая голубым штофом — и рояль Бехштейн, поставлен на хранение сбежавшим за границу патроном Черепкова. Картина «Триумф Дианы» во всю стену взята у мадам Мертваго в обеспечение пая по кафе «Сильва». Знатоки утверждают — чистая валюта. В особенности в Лондоне. Имеется и шкафчик-«горка» — полусервизы Гарднера и тет-а-тет Севр.

Третья комната — Жаки Ященко. За драпировкой кровать — девичье доже в бантиках и кружевах. На тумбочке у изголовья портрет Хризантемы Казимировны в полунатуральную величину, в платье «сомон» из ателье мод, с веером. Надпись из «Четок» Анны Ахматовой со значением и многими точками. В зеркальном шкафу восемь пар брюк на брюкодержателях и столько же пиджаков, не считая визиток, фрака и френчей. Когда у Черепковых суаре — здесь накрывают стол для ужина. Еще дальше — карельской березы супружеское ложе. Белый медведь на полу, туалет, розовые драпировки — гнездышко.

Но хозяин дома спит в кабинете.

Одиннадцать с четвертью. Звонок. Первые гости.

НЕКОТОРЫЕ РАЗЪЯСНЕНИЯ

Теперь, когда гомункулус доктора Симова исчез бесследно, Натаниэль Тиль чувствует себя способным к трезвому обсуждению создавшегося положения.

— Кроме тебя и меня, никто не знает об Аминтайос?..

— Никто... Не считая этого невежды... Но это было двадцать три года назад. Черновые опыты... Этот наглец получил хороший урок... Я постепенно усовершенствовал машину. Я сделал приемник — металлический кружок, который ты держал в руках. Он сделан из особого сплава, который я назвал симонитом. Пока кружок из симонита соприкасается с материализованной энергией Аминтайос, она двигается и существует, как живое существо, как индивидуум со всеми человеческими функциями.

— Значит, если снять с ее руки браслет...

— Катастрофа. Концентрированная энергия стремительно разлетится, вызвав взрыв моей машины... Уничтожить Аминтайос можно только, введя ее сюда, в изолятор, постепенно рассеивая сконцентрированную энергию.

— Значит, она будет существовать двадцать, тридцать... сто лет...

— Меньше... Много меньше... Теперь ей девятнадцать лет... Не забудь, что энергия поступает в обратном порядке от конца жизни к началу. Двадцать три года назад — первое явление... Аминтайос. Тогда ей было сорок два года. Теперь она стала моложе на двадцать три года. Уменьшаясь в возрасте с каждым годом, она исчезнет после того, как превратится в новорожденную. Это будет через девятнадцать лет и несколько месяцев, при нормальных условиях.

— Недурно... Можно позавидовать участи ее мужа или любовника...

Натаниэль Тиль ходит из угла в угол по лаборатории, цепляясь острыми носами ботинок за провода.

— Если попробовать ее вернуть сюда... хотя бы через милицию.

- Скандал... огласка... газеты...
- Сумасшедшая ночь, черт ее возьми... Ты уходишь?
- Да... Завтра я попытаюсь навести справки...
- Во всяком случае, я рассчитываю на тебя...

Брови Натаниэля Тиля слегка двигаются вверх, что свидетельствует о недоумении, переходящем в тревогу.

— В каком смысле?..

— Ты поможешь мне переконструировать машину. Я мечтаю о массовом восстановлении некогда существовавших индивидуумов и, прежде, всего, средства мне необходимы на выработку симонита. Все, что у меня было, я истратил на эти опыты.

На неподвижном лице Тиля двигаются только те мускулы, которые непосредственно связаны со следующей членораздельной речью:

— Вопрос о материальной поддержке вашего предприятия связан исключительно с теми перспективами, которые оно обещает. Я наведу справки. Ответ через месяц.

Симов поворачивается на каблуках, с трудом веря своим ушам, и видит только что хлопнувшую дверь, которая плотно закрылась за мистером Натаниэлем Тилем.

ПОЧТИ СЛУЧАЙНОСТЬ

Молодой человек запоминающейся наружности, чуть старше двадцати лет, в котором можно без ошибки узнать иностранца, стоит в вестибюле одного из московских театров.

Ночь, без четверти двенадцать; в зрительном зале наверху актеры и актрисы в приспособленных костюмах еще упражняются в прыжках на загромождающем всю сцену сооружении, напоминающем увеличенную в сто раз железную кровать после пожара. Чтобы не задерживать читателя, скажем сразу, что молодой человек — младший секретарь посольства Эриннии в Москве — г. Стибор Бони. В данную минуту он ждет конца представления одной русской классической пьесы, вернее, он ждет одну хорошо сложенную девушку, имеющую отношение к происходящему в театре. Г. Стибор Бони в нетерпении смотрит па часы, в шестой раз огибает четыре колонны вестибюля, круто останавливаясь против дверей, ведущих на сцену. В некоторую минуту хлопает дверь, и рука из щели протягивает ему записку. На сомнительном французском языке хорошо сложенная девушка пишет, что ее могут увидеть не раньше двух часов ночи, так как руководителю театра пришли в голову некоторые гениальные мысли, которыми он счастлив поделиться с сотрудниками театра после спектакля. Г. Стибор Бони возмущен. В точно установленный порядок ночи вносятся изменения. Две бутылки «Абрау Дюрсо», фрукты и пол-литра ликера останутся неиспользованными, не говоря уже о темпераменте г. секретаря. Он делает последний круг вокруг четырех колонн вестибюля и мысленно в самых резких выражениях осуждает руководителя театра и то направление искусства, которое отрывает от интимной жизни его сотрудниц. Как раз в эту минуту на площадке лестницы появляется другой молодой человек. Фалды его пиджака как бы абажуром поднимаются над брюками, облегающими расставленные в виде

буквы икс ноги. Сходство с названной буквой увеличивают широко расставленные локти, которые придерживают портфель и похожую на маршальский жезл трость. Этот молодой человек, которому круглые роговые очки придают весьма озадаченный вид, сбегает по лестнице, слегка задев локтем Стибора Бони. Наскоро извинившись, восклицает сразу на трех языках:

— О, какая встреча!

Пока он долго трясет руку Стибору Бони, господин второй секретарь посольства Эриннии напрягает память и с трудом вспоминает театрального критика с неудобно-запоминаемой фамилией: «*Ermolai Samosadkin*».

Интимные отношения с хорошо сложенной девушкой обязывают к самым неожиданным знакомствам.

— Отвратительная премьера... Не правда ли? Вы куда?

При всей бестактности вопроса, Стибор Бонн не находит в себе сил уклониться от ответа. Он еще очень молод и еще не усвоил приличествующий дипломату тон, который держит на расстоянии людей, не обладающих тактом. Все же он делает самое определенное движение рукой в направлении выхода.

Впрочем, гражданин Самосадкин сразу устанавливает самые фамильярные отношения...

— Дорогой друг... Поедем к Черепковым... Некто Черепковы... Обаятельная семья... Иителлигентнейшая семья в переулке... Мадам вы, вероятно, помните. Мы были у вас в посольстве по поводу визы, ну, вы помните... Все будут счастливы...

Г. Стибор Бонн вспомнил приятные линии шеи, чуть острый подбородок, обнадеживающий взгляд и не менее обнадеживающие формы мадам Черепковой..

— Удобно ли?..

— Со мной все удобно.. Притом, вы знакомы... Уверю вас, все — в восторге...

Они стоят на подъезде театра, и пока Стибор Бони собирается ответить, Ермолай уже сделал знак посольскому автомобилю с многоцветным флажком, и раньше, чем Бони обдумал ответ, они уже сидят на чуть влажных от сы-

рости кожаных подушках, и прежде, чем Бони решил отказаться, Самосадкин уже сказал адрес шоферу.

Автомобиль с многоцветным флажком, протяжно рывкнув, покатился вдоль бульвара по мокрым от дождя трамвайным рельсам.

Пока они едут по тихим переулкам, которым отдали честь современные бытописатели Арбата, Остоженки, Пречистенки, г. Стибор Бони, второй секретарь посольства Эриннии, мало сведущий в русской литературе, вспоминает не без удовольствия прозаические дансинги Берлина и Вены, где густой оранжево-багряный свет электрических ламп сквозь серпантинные ленты, где неукротимый джазбанд делает излишним диалоги и все предоставляется выразительному языку нижних и верхних конечностей. С таким воспитанием довольно трудно жить в спартанской Москве, власти которой преследуют спекулянтов, газеты которой отдают свои столбцы прозаическим электрическим станциям и ремонту водопровода, почти не обращая внимания на столь важное явление, как эксцентрические танцы. Молодому человеку тяжело без ресторана с программой из приличных аттракционов, без танцев между столиками, на которых, посвистывая, кипят кофейники и светятся зеленым и гранатовым огнями знакомые ликеры. И теперь с полужнакомым человеком г. Бони едет в незнакомый дом только потому, что слишком глупо возвращаться в первом часу ночи в особняк посольства играть в бикс с военным атташе.

Однако, перед тем, как остановиться у ворот пятиэтажного дома в Суконном переулке, он решительно заявляет Самосадкину, что для соблюдения приличий он пошлет свою карточку мадам Черепковой и подождет в вестибюле ответа. Самосадкин огорчен тем, что в квартире мадам Черепковой нет вестибюля, но если г. Стибор Бони желает соблюсти приличия, ему придется подождать на черной лестнице (парадный подъезд после двенадцати заперт), пока Самосадкин сбегает на четвертый этаж и предупредит о приятном госте. Они идут осторожно, обходя лужи, мимо каменных корпусов и сворачивают в узкую щель по-

чти незаметной с улицы двери. Крутая железная лестница и тускло светящиеся над площадками лампочки окончательно смущают г. Стибора Бони. Но Самосадкин исчезает с предупредительным жестом, легко перепрыгивая через две ступеньки. Стибор Бони остается один на первой площадке лестницы, серьезно подумывая о побеге. Автомобиль ждет у ворот, притом г. Бони, в сущности, не собирается считаться с будущими недоумениями г. Самосадкина. И как раз в ту минуту, когда он делает шаг назад, в оконной нише, на расстоянии сантиметра от него, он видит неопределенную тень и чувствует на своей щеке ровное горячее дыхание. Слегка вздрогнув, он щелкает зажигалкой. В вспыхнувшем свете желтого язычка пламени он видит лицо женщины, которое заставляет его выронить зажигалку. Непостижимая сила бросает его вперед почти вплотную к этому лицу, которое в полумраке лестницы кажется еще соблазнительнее и прекраснее.

— Кто вы?

Он и она произносят это одновременно по-французски,— он потому, что привык говорить и думать на этом языке, она — потому, что на этом языке ее учил говорить слегка похожий на него человек. Но он гораздо лучше обоих седых и лысых, сморщенных стариков. В открытом, вышедшем из моды бархатном платье, женщина с такими глазами, шеей и руками на черной лестнице в сырой нише окна. Искушенный в интриге доброго французского романа, г. Стибор Бонн решает:

— Ссора с мужем... Семейная драма... Что еще может сразу бросить такую женщину в объятия к незнакомому человеку на черной лестнице? Нельзя упускать случая.

Вверху хлопает дверь. Гулкие шаги по железной лестнице, женский голос, мужские голоса — ясно, делегация к г. Стибору Бони. Он — гвоздь вечера.

Стибор Бони в настоящем ужасе вспоминает о Самосадкине, о мадам Черепковой и вдруг с вдохновением отчаяния, прижав к себе незнакомку, увлекает ее с собой вниз по лестнице, затем почти бегом вдоль корпусов — к автомобилю. Хлопает дверца автомобиля. Г. Бони и незнаком-

ка рядом на кожаных подушках. Он не замечает священного ужаса, который вызывает пейзаж переулка и автомобиль в продолговатых глазах незнакомки. Машина срывается с места как раз в ту минуту, когда, не найдя Стибора на площадке, Самосадкин, Черепков и Жак Яценко выбегают на двор. Поздно. Гвоздь суаре Черепковых утрачен.

ОДНА МИНУТА ПЕРЕРЫВА

Борис Пирамидон перевернул страницу, вздохнул и протянул руку к нетронутому стакану на столе. Рыжеволосая декольтированная дама, шевеля ноздрями, закусив губу, подвинула ему стакан с едва теплым чаем и тут же впилась ногтями в колено Корна:

— Непостижимо!..

Корн вздрогнул и на секунду отнял карандаш от конверта, исписанного почти стенографированными заметками, касающимися доклада.

И, оторвавшись от своих записей, он увидел рядом с председателем новое лицо, которое раньше находилось в тени на низком широком диване у камина.

Это — пожилой человек в чесучовом пиджаке, довольно ординарной внешности — по-видимому, врач. Из бокового кармана пиджака высовывался конец стетоскопа и молоточек для выстукивания.

Слегка наклонив голову, он держал руку у правого уха, с нескрываемым изумлением прислушиваясь к каждому слову Пирамидова.

Борис Пирамидов сделал два глотка и разгладил рукопись.

— Продолжаю. Глава, которую я, следуя беллетристической форме доклада, назову:

Два равноценных документа

В 44-е Отделение милиции города Москвы

Проживающего в городе Москве по Суконному переулку, дом 3, кв. 19, доктора медицины Константина Аристарховича Симова...

— Позвольте!..

Нарушая статут содружества «Лотос и треугольник», пожилой человек в чесучовом пиджаке вскочил и ударил кулаком о стол...

— Позвольте!

Председатель содружества «Лотос и треугольник» меняет-ся в лице. Декольтированная дама вскрикивает, движение во всех углах.

— Недостойный брат!.. Именем священного лотоса и треугольника!

— Но позвольте!..

Сдержанный шелест негодования.

— Недостойный брат! По статуту...

Пожилой человек, воздев руки, падает в кресло. Борис Пирамидов, как бы вырванный из транса грубой внешней силой, касается рукой влажного лба и устало шепчет:

— Продолжаю...

...доктора медицины Константина Аристарховича Симова.

Заявление

Две недели назад от сегодняшнего числа в ночь на (следует число) июля доставленная мне для лечения пациентка 19 лет от роду (мания величия и эротомания), откликающаяся на имя Аминтайос, владеющая исключительно французским языком, воспользовавшись тем, что я был вызван по частному делу из моего кабинета, скрылась бесследно. Так как у означенной пациентки не имеется в Москве родных и близких и, так как лечение и надзор за ней были поручены мне, прошу принять меры к ее розыску и доставке по месту моего жительства. При сем прилагается выписка из книги для записи пациентов.

Аминтайос, место рождения Египет, близ Абидоса. Год рождения точно неизвестен. Возраст не более 19 лет.

Подпись.

Второй документ

От Стибора Бони — г. Ярославу
Будскому — нотариусу. — Прага.

Прошу вас поставить в известность моего покровителя, что два дня назад я обручился с мадемуазель Аминтой Иос. Мадемуазель Аминта Иос в настоящее время вместе со мной выезжает в Монтре (отель «Шильон»). В том случае, если моему покровителю понадобятся более подробные данные, касающиеся моей женитьбы, я буду весьма рад посвятить его в то, что найду заслуживающим внимания.

Свидетельствую вам свое уважение.
Стибор Бони.

Младший секретарь посольства Эриннии.
Отель «Шильон». — Монтре.

ЧЕРЕЗ ОДИННАДЦАТЬ ДНЕЙ ДЕЛОВОЙ РАЗГОВОР ПО ТЕЛЕФОНУ

— Я не могу финансировать наши опыты...

— Почему?.. Причина?..

— Тысячи причин... Хаос. Восстановленные индивидуумы перевернут вверх дном гражданское право Соединенных Штатов. Мы поставим в самое ложное положение вдов, вышедших замуж, наследников, введенных в права наследства. Мы поставим в идиотское положение изобретателей вроде Фултона, сказавших для своего времени новое слово... Тысячи установленных традицией репутации полетят к черту.. Наконец, библия, писание... Пророки и святые, которых отделяют от нас века и которых мы привыкли считать пророками и святыми, могут явиться на землю в самом невероятном виде. Мы, современники, будем в глупом положении. Что будут делать наши драматурги, композиторы и художники, если через год восстановленный Шекспир напишет новую трагедию, Бетховен новую симфонию, Леонардо да Винчи новый портрет? Мы обесценим коллекции, мы развенчаем классиков. Ваше счастье, что вы восстановили, в сущности, безвредное существо. Иначе бы вас растерзали.

— Ты отказываешь?..

— Да, бесповоротно.

— Но тридцать лет жизни... гениальное открытие?.. Алло?..

— Станция... Алло?.. Нас разъединили.

— Алло!.. Станция? Деловой двор?.. 827?.. Не отвечает?..

Симов бросает трубку и, шатаясь, валится в кресло. Он медленно обводит глазами отливающие металлом стены, провода, машину под футляром и с отвращением и яростью хватается за стул. Рука со стулом занесена над тонким металлическим футляром машины, стул описывает дугу в воздухе, и вдруг лиловая молния, удар, запах жженой резины и грохот. Кирпичи, штукатурка и обломки разбитых

механизмов валятся на лежащего с раскинутыми руками на полу Симова.

Несколько тысяч километров к юго-западу, у Женевского озера...

В Монтре, в шестьдесят седьмой комнате отеля «Шильон», на полу — тоже опрокинутый навзничь Казимир Стржигоцкий. В правой руке кружок из симонита с надписью на сгибе:

«К. А. Симов 1921».

Приемник разряжен. Аминтайос в пространстве. Машина взорвалась.

И заключение

не мое, Бориса Пирамидова, а два подлинных документа. Вырезки из газет.

Первая:

ПОЖАР. В доме номер 3 по Суконному переулку, в квартире 19, доктора Симова, произошел пожар от соединения проводов. Пожар прекращен, квартира доктора Симова выгорела.

Это одно. А спустя две недели в отделе «Кто умер» в «Вечерней газете» читаем:

«К. А. Симов, 56 лет, повреждение черепа».

Я сказал все. Слово Густаву Корну: последнее звено тайны опыта покойного ученого, доктора медицины Константина Аристарховича Симова...

Человек в чесучовом пиджаке в неистовстве ударяет кулаком о край стола.

— Позвольте! Слово мне... Слово Константину Аристарховичу Симову — доктору медицины, по сие время проживающему в Суконном переулке, в доме 3, квартира 19...

Движение и шепот. Корн поднимает карандаш над исписанным заметками конвертом.

Нельзя пропустить ни одного слова. Нужна бумага. Он вскрывает конверт. Письмо внутри конверта — место дальнейших записей.

— Я — доктор Константин Аристархович Симов. У меня была химико-бактериологическая лаборатория. У меня был пожар в квартире. Но все остальное, включая мою смерть — клевета... Я буду жаловаться...

Вопль Бориса Пирамидова:

— Ложь! А подлинный документ? А вырезка из газеты? «К. А. Симов, 56 лет, повреждение черепа»...

— К. А. Симов — Кирилл Аристархович, мой брат, инженер... Жил на Волхонке... умер.

Борис Пирамидов захлебывается, мнет и комкает рукопись...

Последняя мысль!

— Хорошо.. Долой мою гипотезу! Но Корн... Густав Корн... Подлинный манускрипт... Записки Казимира Стржигоцкого...

Густав Корн держит в дрожащих пальцах лист бумаги — письмо Североэкспортного коммерческого банка. Пока все взоры были обращены на Симова, его глаза механически перечитывали несколько строк, написанных на машинке и, когда мысль охватила эти строки, письмо упало из его рук, внезапная зеленоватая бледность на потемневшем лице, он шатается и, теряя сознание, падает на руки декольтированной дамы.

Борис Пирамидов, внезапно окрыленный надеждой, хватает выпавший из его рук лист и читает начала звонким, потом падающим голосом в то время, как вокруг жестокая тишина:

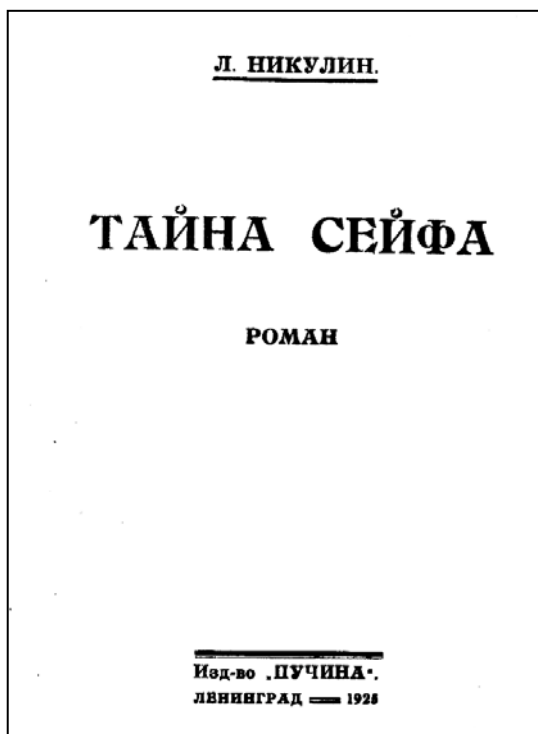
«Североэкспортный коммерческий банк имеет сведения, что в вашем распоряжении находится обнаруженный вами в сейфе 24-14 манускрипт “Подлинные записки Казимира Стржигоцкого”.

Названный *манускрипт принадлежит прежнему владельцу сейфа 24-14, акционерной компании “Гелиос-фильм”, и представляет собой наброски к сценарию очередной постановки “Гелиос-фильм” под названием “Аминтайос”*. Все права на означенный сюжет принадлежат акционерной компании “Гелиос-фильм”».

Приложение

Издательское предисловие к первому изданию

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Широкие круги читателей тяготеют к сюжетному, увлекательному литературному произведению. Нет сомнения в том, что соединить занимательность, «сюжетность» изложения с завершенным литературным стилем и глубиной содержания — задача весьма трудная и почтенная. Кроме того, издательству, поставившему себе целью отвечать запросам нашей исключительной современности, казалось своевременным дать подобный сюжетный роман, отвечающий данной эпохе.

Выпущенный издательством «Пучина» кино-роман Л. Никулина «Никаких случайностей» имел целью приблизиться к классической форме авантюрного романа. В идеологическом отношении он был монолитным, цельным, проникнутым революционной романтикой. Предлагаемый вниманию читателя новый роман того же автора — чистая фантастика, к которой, однако, примешан элемент политической сатиры и сатиры нравов. Фантазия автора строит сюжет зигзагами, ломает фабулу, мистифицирует читателя вплоть до развязки, где автор неожиданным трюком разбивает все сложное построение фабулы и разрезает узел интриги. И все же, несмотря на неудержимый полет фантазии, роман отражает современность. Псевдо-ученый, саморекламист Корн, оторванный от жизни, от масс и гонящийся за призраком, политический авантюрист Фердинанд Париси, московские мистики, эстеты, собирающиеся в музыкальной школе в двадцать первом — двадцать втором году в мистическом содружестве «Лотос и треугольник» — взяты в разрезе общественной сатиры. Буферное государство Эритрея, которым играют, как мячом, послы крупных правительств-хищников, Эритрея с ее авантюристами-диктаторами и игрушечными генеральскими переворотами — сатира политическая. Даже «сверхъестественное» в романе использовано автором так, что в финале легковверный, податливый на «сверхъестественное» читатель оказывается вышученным и весело обманутым в своих ожиданиях. Выпуская настоящую книгу, издательство имеет в виду дать читателям занимательный роман автора, вполне разбирающегося в сложных проблемах сегодняшнего дня и, по-видимому, вполне овладевшего этой литературной формой.

Тексты романа и предисловия публикуются по первому изданию (*Л.: Пучина, 1925*) с исправлением ряда устаревших особенностей орфографии и пунктуации. В некоторых местах унифицированы имена и даты (так, по небрежности автора или наборщиков вместо «Казимир» стоит «Станислав», перепутана дата переворота в Эритрее, Самосадкин неожиданно назван «Лиановым» и т. д.). Слова и фразы, набранные в оригинале с разрядкой, для удобства чтения даны курсивом.

В оформлении обложки использована обложка второго издания романа, вышедшего в 1927 в московском издательстве «Молодая гвардия» под заглавием «Продавцы тайн».

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.